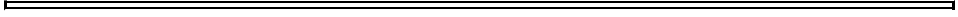

- [Балмер Кеннет](#)

-

Балмер Кеннет

Транзитом до Скорпиона (Дрей Прескот - 1)

Генри Кеннет Балмер
Транзитом до Скорпиона
(Дрей Прескот - 1)
Пер. с англ. В. Федоровой, А. Суворовой
ЗАМЕТКА О КАССЕТАХ ИЗ АФРИКИ

Когда я готовил к публикации странную и удивительную повесть Дрея Прескота, меня до глубины души поразила сила и внушительность его голоса.

Я вновь и вновь прослушивал кассеты, переданные мне Джеффри Дином, пока не почувствовал, что знаю Дрея Прескота через его голос не меньше, чем через его рассказ. Этот голос, временами глухой и задумчивый, временами воодушевленный и страстный от огня воспоминаний, передает абсолютную убежденность. Не могу ручаться за правдивость самого рассказа; но если когда-либо человеческий голос и внушал мне доверие, то именно в данном случае.

Начну с того, как попали ко мне кассеты из Африки. Джеффри Дин - мой друг детства, он работает на правительство в одной из организаций, связанных с Госдепартаментом. Этот седой подтянутый человек с устоявшимися привычками, целиком посвятивший себя карьере, не слишком приятный собеседник, и все же, когда он позвонил из Вашингтона, ради старой дружбы я был рад поговорить с ним. Я встретился с Джеффри Дином за ужином, прилетев с визитом в Вашингтон. Мы ужинали в закрытом клубе. Джеффри рассказал, что три

года назад ездил в Западную Африку для надзора за деятельностью местного отделения организации в связи с катастрофическими неурожаями и голодом. На программы помощи зарубежным странам работает много способных молодых людей, и Джеффри познакомился с одним таким юным идеалистом. Его звали Дэн Фрейзер, и он работал куда старательнее, чем полагалось бы человеку в глубинке.

Фрейзер рассказал Джеффри, что однажды, когда положение стало невыносимым из-за ужасающего числа ежедневных смертей, из африканских джунглей вышел, пошатываясь, человек. В самом по себе появлении незнакомца не было ничего необычного. Но этот человек был совершенно голым, тяжело раненным, и самое главное - он был белым.

Джеффри вынужден был прерваться, отвечая на телефонный звонок, но вскоре продолжил рассказ, сообщив, что незнакомец потряс Дэна Фрейзера, несмотря на ситуацию, которая была способна лишить восприимчивости любого человека. Голод косил людей тысячами, массовые эпидемии предотвращались только ежедневными чудесами, самолеты, подвозящие припасы, сталкивались с почти непреодолимыми трудностями; и все же посреди этого хаоса и разрушения Дэну Фрейзеру, матерому полевому работнику, который все еще оставался идеалистом, придали духу и сил характер и личность Дрея Прескота. Фрейзер напоил и накормил Прескота и перевязал ему раны. Прескот, казалось, мог прожить, питаясь чуть ли не воздухом, раны быстро зажили, и когда он окончательно пришел в себя, то решительно отказался от какого-либо привилегированного положения. Фрейзер вручил ему кассетный магнитофон, чтобы Прескот мог записать все, что пожелает. По словам Фрейзера, он сразу понял, что у

Прескота есть, что сказать.

- Дэн заявил, что Прескот его просто спас. Сила, спокойствие и мужество Прескота приводили в изумление. Он был выше среднего роста и с такими плечами, что у Дэна глаза на лоб вылезали. Он обладал открытым и странно властным взглядом. Дэн почувствовал в нем неколебимую честность и неукротимую смелость. По словам Дэна, Прескот так и излучал энергию.

Джеффри подвинул ко мне груды кассет через стол с бокалами, серебром, изящным фарфором и остатками первоклассного ужина. Мне вдруг показалось, что Соединенные Штаты, и вообще все, что находится за стенами этого закрытого фешенебельного клуба в Вашингтоне, так же далеки, как африканские джунгли, откуда прибыли эти кассеты.

Дрей Прескот сказал Дэну Фрейзеру, что если по истечении трех лет он ничего не услышит о нем, то может сделать с кассетами все, что сочтет нужным. Мысль о публикации доставляла Прескоту несомненное удовлетворение, у него явно была цель, имевшая гораздо большее значение, чем он хотел показать.

Фрейзер был крайне занят в связи с голодом. Он почти полностью истощил свои нервные ресурсы - и только появление Дрея Прескота не дало отчаянному положению перерасти в катастрофу. И, возможно, положительно отразилось на международных делах. Джеффри Дин мало говорит о работе; но я считаю, что немало людей за рубежом обязаны здоровьем и жизнью именно ему.

- Я пообещал придерживаться условий, поставленных Прескотом. В противном случае Дэн Фрейзер мог вообще отказаться разрешить мне взять кассеты с собой в Америку.

Джеффри, как я всегда думал и до сих пор ничто не заставило меня изменить свое мнение, не страдал избытком воображения.

- Голод был страшным, Алан, - продолжал он. - Дэн был занят выше головы. Когда я прибыл, Дрей Прескот исчез. Мы оба работали как проклятые. Дэн сказал, что видел Прескота ночью, под африканскими звездами, глядящего в небо, и почувствовал беспокойство при виде выражения его лица.

Джеффри коснулся кассет кончиками пальцев.

- Поэтому - вот они. Ты поймешь, что с ними делать.

И теперь я представляю в книжной форме транскрипцию кассет из Африки. Рассказанная Прескотом повесть замечательна. Я старался редактировать ее как можно меньше. Думаю, из текста вы заметите, как Прескот перескакивает с выражений одного века на выражения другого - свободно, без всякого ощущения анахронизма.

Я отпустил многое из того, что он говорит об обычаях и условиях Крегена; но надеюсь, что в один прекрасный день станет возможна более полная копия рассказа.

Запись на последней кассете обрывается внезапно на половине фразы.

Публикуется все это в надежде, что появится кто-то, способный пролить свет на необыкновенное содержание рассказа Дрея Прескота. Почему-то, не могу объяснить почему, мне думается, что именно для этого он и поведал свою повесть посреди голода и болезней. Я уверен, осталось еще много чего узнать об этой странной и загадочной фигуре.

Фрейзер - молодой человек, посвятивший себя помощи менее удачливым людям других стран, а Джеффри Дин - государственный служащий, начисто

лишенный воображения. Я не могу поверить, что кто-либо из них подделал кассеты. Они предоставляются вам с убеждением, что, несмотря на крайнюю недостаточность средств, рассказывают подлинную историю о том, что случилось с Дреем Прескотом на планете во многих миллионах миль от Земли.

Алан Берт Эйкерс

[Псевдоним Кеннета Балмера, под которым написаны романы из серии "Скорпион". (Прим. переводчика.)]

Глава 1

ЗОВ СКОРПИОНА

Хотя я носил много имен и назывался по-разному у людей и зверей двух миров, при рождении я получил имя Дрей Прескот.

Родители мои умерли, когда я еще не повзрослел, но я глубоко любил их обоих. В моем происхождении нет никакой тайны, и я считал бы позорным желать, чтобы мой отец оказался в действительности принцем, а мать принцессой.

Я родился в небольшом доме среди ряда таких же домов, единственным и любимым ребенком. Теперь я часто гадаю, что бы подумали родители о моей странной жизни и как бы они отнеслись, с восторгом или милой семейной насмешливостью, к тому, что я прогуливаюсь с королями и веду себя на равных с императорами и диктаторами. Я пытаюсь представить, как бы они себя чувствовали в фантастической обстановке далекого Крегена, сделавшей меня таким, какой я есть.

Жизнь моя длилась долго, невероятно долго по любым меркам, и все же я знаю, что стою лишь на пороге многих возможностей, таящихся в будущем. Насколько помню, великие неопределенные мечты и туманные амбиции всегда внушали мне пылкую веру в то, что

жизнь сама содержит ответы на все, и чтобы понять жизнь, требуется понять вселенную.

Еще ребенком я впадал в странный транс и сидел, невидящим взором уставясь в небо без всяких мыслей в голове, воспринимая пульсировавший повсюду теплый белый свет. Я не могу сказать, какие мысли мелькали в моем мозгу, скорее всего, я тогда вообще ни о чем не думал. Если это было медитацией или созерцанием, которого столь рьяно добиваются восточные религии, то я наткнулся на тайны, находящиеся далеко за пределами моего понимания.

Из моего детства мне часто вспоминается, как мать перегоняла мне одежду, когда я рос. Она приносила корзину с шитьем, Выбирала иголку и смотрела на меня с выражением любящей беспомощности, когда я стоял перед ней с опять порвавшейся на плечах рубашкой. "С такими плечами, Дрей, ты скоро не сможешь пройти в дверь", - упрекала она, а потом появлялся отец, смеясь, наверное оттого, что я смущенно вертелся, хотя в то время нам всем было вовсе не до смеха.

Море, гремевшее и поднимавшее белые буруны, всегда пело мне песню сирены; но отец, днем и ночью носивший при себе свидетельство об освобождении от воинской службы, категорически противился моему уходу в море. Когда чайки кружили, крича, над прибрежными отмелями и парили вокруг башни старой церкви, я лежал в траве и размышлял о своем будущем. Расскажи мне тогда кто-нибудь о Крегене под Антаресом и о чудесах и тайнах этого дикого и жестокого мира, я убежал бы от него, как от прокаженного или безумца.

Испытываемое отцом естественное отвращение к морю основывалось на глубокой подозрительности по части нравственности и порядочности лиц, ответственных за вербовку экипажей кораблей. Он всю

жизнь занимался в основном лошадьми, и я знал все об уходе за ними. Когда я родился в 1775 году, отец зарабатывал нам на жизнь ветеринарством. Спустя долгое время после его смерти, проведя на Крегене немало сезонов с кланнерами Фельшраунга, я почувствовал себя ближе к нему, чем когда-либо раньше.

В нашей кухне повсюду стояли зеленоватые бутылки с таинственными микстурами, а запах мазей и припарок смешивался с ароматами капусты и свежее испеченного хлеба. И всегда шел степенный разговор о холере, сапе и конъюнктивите. Полагаю, что я научился умеренно хорошо ездить на коне и вскакивать на него раньше, чем смог без риска доковылять от кухни до передней двери.

Однажды на улицу забрела старая ведьма с пытливым взглядом и горбатой спиной, одетая в лохмотья, из которых торчала солома, и среди наших соседей внезапно стало модным выяснять, что у кого написано на роду. Вот тогда я и открыл, что мой день рождения, пятое ноября, делает меня скорпионом, и что я нахожусь под влиянием планеты Марс. Я понятия не имел, что это значит, но слова о скорпионе заинтриговали и захватили меня. Поэтому, хотя позже мне и пришлось вступить в потасовки с друзьями, когда они прозвали меня Скорпионом, втайне я испытывал восторг и ликование. Оно даже компенсировало мне то, что я не оказался Стрельцом, как мечталось, или даже Львом, рычавшим громче, чем Васанский бык* [Псалмы, XXII, 12. (Прим. переводчика.)], о котором так любил упоминать школьный наставник. Не удивляйтесь, что меня научили читать и писать, - моя мать страстно желала, чтобы я сделался клерком в конторе или школьным учителем и таким образом поднялся бы над людьми, к которым я всегда испытывал самое глубокое уважение и симпатию.

Когда мне исполнилось двенадцать, компания матросов остановилась на ночлег в постоялом дворе, где отец иногда помогал с лошадьми, говоря с ними, расчесывая гривы и скармливая с руки бесформенные куски добытого где-то вест-индийского сахара. В тот день отец внезапно заболел, и его поместили в заднюю комнату постоялого двора, осторожно уложив на старый ларь. Меня испугало его лицо. Он лежал, настолько слабый и безразличный, что даже не имел сил отпить из чашки крепкого эля, который принесла сердобольная служанка. Я безутешно бродил по двору, где валялись кучи соломы и навоза, а запахи лошадей и эля наполняли воздух такими миазмами, что хоть топор вешай.

Матросы смеялись и пили, сгрудившись вокруг плетеной клетки. Я сразу же, как все мальчишки, преисполнившись любопытства, подошел и протиснулся меж кряжистых тел.

- Как бы тебе понравилось, чтоб такой забрался к тебе в постель, а, малый?

- Посмотри, как мечется! Словно поганый марокканский пират!

Они дали мне заглянуть в плетеную клетку, прихлебывая свой эль, смеясь и болтая на неотесанный матросский лад, ставший позднее, увы, весьма знакомым для меня.

В клетке туда-сюда металось странное существо, размахивая хвостом, словно оружием, качаясь из стороны в сторону из-за резкости и силы движений.

Его чешуйчатая спина и две свирепо сжимавшиеся и разжимавшиеся клешни вызвали у меня отвращение.

- Что это? - спросил я.

- Да это же скорпион, малыш.

Так вот, значит, каково создание, в честь которого меня прозвали!

Я почувствовал горячий стыд. Я знал, что люди вроде меня, скорпионы, считаются скрытными; но своей реакции мне было не утаить. Матросы заржали, а один хлопнул меня по спине.

- Он до тебя не доберется, малыш! Том вот привез его из самой Индии.

Интересно, зачем?

Я промямлил что-то вроде "спасибо" - родители вдолбили в меня вежливость, этот нудный светский обычай - и убрался восвояси.

Как все случилось - тайна, хранимая небесами или звездными владыками. Отец слабо улыбнулся мне, когда я сказал, что скоро придет мать и мы вместе с несколькими соседями отвезем его домой на телеге. Я посидел с ним, а потом пошел попросить еще кварту эля. Когда я вернулся, неся оловянную кружку, сердце у меня так и замерло в груди.

Отец лежал, наполовину сползши с ларя, с плечами на полу и ногами, запутавшимися в одеяле, подоткнутом под него. Он глядел в немо испуге на существо на полу перед ним и не в силах был пошевелиться. Скорпион полз к отцу, выставив вперед клешни и покачивая непристойно-безобразным телом. Я бросился вперед, когда тварь нанесла удар. Преисполненный ужасом и отвращением, я обрушил кружку на поганое тело скорпиона. Он тошнотворно расплющился.

Затем комната наполнилась людьми, матросы орали, ища своего питомца, визжали служанки, конюхи, слуги из пивного зала. Пьяные, они все дружно кричали и вопили.

После смерти отца мать прожила недолго. И стоя рядом с двумя могилами, один-одинешенек, поскольку у меня не было никаких известных мне кузенов, дядь или тетей, я твердо решил отряхнуть прах родного края со

своих ног. Меня всегда звало море, и теперь я отвечу на его зов.

Жизнь моряка в конце восемнадцатого века была особенно трудной, и я могу поставить себе в заслугу то, что выжил. Уцелели и другие, но далеко не все. Если бы я лелеял какие-то романтические представления о море и кораблях, они бы быстро развеялись.

С присущим моей природе упорством, я боролся, пробивая себе путь наверх с нижней палубы. Я нашел покровителей, готовых помочь мне приобрести необходимое образование, чтобы иметь возможность сдать экзамены. Между прочим, следует сказать, что, как выяснилось, я инстинктивно владел такими предметами, как навигация и мореходство. Это в конечном итоге и привело меня на ют. Теперь, оглядываясь назад, кажется, что я провел этот период жизни, словно в сомнамбулическом трансе. Но была решимость вырваться из грязи нижней палубы и желание носить золотые галуны офицера корабля. Только изредка, словно для уравнивания чувств, выдавались спокойные ночи, когда чистые прозрачные небеса горели над головой.

Штурману требуется изучать звезды, и я то и дело обнаруживал, что мой взгляд притягивает созвездие Скорпиона с его надменно задранным хвостом на пересечении Млечного Пути с эклиптической. В нынешние времена, когда люди ходят по Луне, а ракетные зонды уносятся за Юпитер, чтобы никогда не вернуться на Землю, трудно вспомнить, с каким удивлением и внутренним трепетом смотрели на звезды люди старших поколений.

Одна звезда - Антарес - чудилось, пылала надо мной с силой и огнем гипнотической власти.

Я смотрел на звезды с многих палуб. Мы пересекали

пассаты, или участвовали в морской блокаде, или дремали долгими спокойными ночами в тропической жаре, но где бы мы ни были - этот огонек всегда глядел на меня, угрожая мне судьбой, какая выпала моему отцу.

Люди знают теперь, что двойная звезда Альфа Скорпиона, Антарес, находится в четырехстах световых годах от Солнца и горит в тысячи раз ярче. А тогда я знал лишь, что она, похоже, имеет надо мной гипнотическую власть.

В год сражения при Трафальгаре* [В 1805 г. (Прим. переводчика.)], должен упомянуть, что тогда я снова пережил разочарование, не получив повышения, мы попали в один из самых сильных из когда-либо испытанных мною штормов. Наш корабль, "Роккингэм", швыряло с презрительной легкостью волнами, сплошь в белой пене, угрожая немедленно погубить нас. Кормовой подзор поднимался к небу, и при каждом последующем прокатывающемся вале погружался все ниже и ниже, словно уже никогда и не поднимется. Брамсели давно снесло; потом ветер выдрал с мясом стеньги и изорвал в клочья прочную парусину штормового кливера. Мы в любую секунду могли получить пробоину, а нас по-прежнему долбили и молотили громадные волны. Где-то с подветренной стороны по носу лежало побережье Западной Африки, и именно туда нас, беспомощных, несло яростью шторма.

Было бы неправдой сказать, что я отчаялся спастись, ибо желание иррационально цепляться за жизнь присуще мне, как и любому другому человеку; но теперь это стало всего лишь ритуальным актом вызова злой судьбе. Жизнь не сулила особых радостей; мое повышение, мои мечты - все растаяло и исчезло вместе с минувшими днями. Я устал без конца продолжать бессмысленный ритуал. Если мрачные волны сомкнутся над моей головой, я буду

бороться и плыть, пока достанет сил, но потом, когда сделаю все, что может и должен с честью сделать человек, то попрощаюсь с жизнью с большим сожалением о том, чего не сумел достичь, но без сожаления о пустом для меня прожитом времени.

Когда "Роккингэм" кренился и содрогался в бескрайнем море, я чувствовал, что жизнь прошла понапрасну. Я не видел никакого настоящего смысла в сохранении бодрости духа. Мне не раз доводилось сражаться разным оружием, я боролся и пробивал себе дорогу в жизни, грубо, всегда скорый мстить за учиненную несправедливость, невзирая на противника, но в конечном итоге жизнь меня одолела.

Мы напоролись на песчаные мели в устье одной из рек, что текут из сердца Африки в Атлантический океан, и тут же развалились на куски. Я всплыл на поверхность бушующего моря, ухватился за какой-то брус, и меня вышвырнуло на берег с жестким желто-серым песком. Я просто лежал там, промокший, обессиленный, с вытекающей изо рта струйкой воды.

Воины нашли меня с первыми лучами солнца.

Я открыл глаза и увидел кольцо черных голеней и плоских вывороченных ступней. Браслеты из перьев и бус указали мне, что эти чернокожие - воины, а не рабы. Я никогда не имел отношения к Треугольной Торговле* [Треугольная торговля шла так: из Англии везли бусы и прочую бижутерию в Африку, где их выменивали на рабов и слоновую кость, оттуда купленные товары везли в американские колонии, где с выгодой продавали, а на вырученные деньги приобретали табак и прочие колониальные товары, которые затем везли в Африку. (Прим. автора.)], хотя искушение появлялось не раз, но теперь мне это вряд ли поможет. Когда я встал и посмотрел на них, украшенных перьями и гротескными

головными уборами, со щитами и копьями в руках, то без особой надежды подумал, что они могли бы обойтись со мной как с белым человеком, участвующем в торговле на побережье, и проводить к ближайшей фактории, где найдутся мне подобные.

Они что-то залопотали, а один ткнул острием копья мне в живот. Я смело обратился к ним, попросив отвести меня к другим белым людям; но через несколько минут понял, что никто из них не понимает английского. К тому времени я уже достиг полного своего роста, немного выше среднего, и вместе с широкими плечами, приводившими в отчаяние мою мать, приобрел канаты мускулов, не раз пригодившиеся мне в буре или в бою.

Одолели меня не без труда. Они не пытались убить меня, используя только древки или тупые концы копий, и я предположил, что они намерены продать меня в рабство арабам в глубине Африки или медленно нарезать мое тело над вонючим деревенским костром, применяя лишь утонченные пытки.

Когда они оглушили меня, я пришел в себя привязанным к дереву в деревне, расположившейся среди мангровых болот, печально известных тем, что единственный неверный шаг означал немедленную и мучительную смерть, когда отвратительная вода постепенно зальет разинутый рот. Деревню окружал частокол, на котором выгоревшие черепа мрачно предупреждали чужаков. Дымились костры и скулили шавки. Меня оставили в покое. Я мог только гадать, какая меня ждет судьба.

Рабство всегда мне претило, и я находил мрачную иронию в том, что получу расовое возмездие за преступление, которого не совершал. Меня снова одолело ощущение побеждающей судьбы. Но если придется умереть, то умереть, сражаясь, ни по какой иной

причине, кроме той, что я - человек.

Путы жестоко врезались в запястья, и все же, покуда с течением дня возрастали жара, вонь и удушающая влажность, стало очевидным некоторое ослабление, вызванное постоянным трением и перекручиванием, из-за которых руки были стерты до крови. В полдень в деревню приволокли еще двух уцелевших после крушения "Роккингэма". Один из них - боцман, рослый, угрюмый малый с рыжеватыми волосами и бородой, очевидно, он сопротивлялся, так как на его рыжих волосах запеклась кровь. Другой оказался толстым и жирным казначеем, которого никто не любил. Как и следовало ожидать, он пребывал в жалком состоянии. Моряков привязали к кольям по бокам от меня.

Мы висели в компании жужжащих вокруг мух, пока наконец не зашло солнце. Тогда высасывать из нас кровь принялись свежие орды насекомых. Я не размышлял о том, что происходит с моими несчастными сотоварищами, но их страшные мучительные крики заставляли еще яростнее перетирать путы.

Оглядываясь назад, я думаю, что меня оставили напоследок. Черные хотели применить на мне все свое дьявольское искусство, несомненно, из-за того, что днем я самолично поднимал ноги и с силой лягал в живот чересчур назойливого субъекта, желавшего узнать, в каком я состоянии. Когда умерли два моих спутника, я понял, почему нам не привязали ноги.

К тому времени наступила темнота с красным светом костров, плясавшим на грубых стенах хижин и частоколе. Насаженные на колья черепа словно смеялись. Негры плясали вокруг меня, размахивая оружием, подымая пыль и топая, делая выпады копьями и отскакивая от моих лежающихся ног. При жизни на море быстро учишься уживаться с любой нормальной

усталостью. Мое утомление было глубже. Но, угрюмый и неподатливый, я твердо решил, как сказали бы мои англосаксонские предки, умирать с музыкой.

Несмотря на ужас положения, я не питал ненависти к неграм. Они всего лишь действовали в соответствии со своей природой. Они, несомненно, повидали много несчастных караванов невольников, влекомых к факториям, где их клеймили и гнали, как скот, на поджидавшие корабли. Или, возможно, я ошибался, и эти люди были членами местных племен, покупавших рабов у негров и арабов из глубин Африки и продававших торговцам на побережье. В любом случае, это было неважно. Единственное, что меня заботило, - это разорвать последнюю неподатливую прядь, связывавшую запястья. Если я не вырвусь на волю в ближайшее время, то никогда не сумею этого сделать.

Свет костра сверкал на остриях копий и отражался красным в глазах дикарей. Они приближались, собираясь практиковать на мне свои дьявольские штучки. Я выдал последнее отчаянное усилие; мои мускулы вздулись, в голове зашумела кровь. Последняя прядь лопнула. Руки горели от возвращавшегося кровообращения, и долгий мучительный миг я ничего не мог поделать, чувствуя себя, словно окунул руки в чан с кипящей водой.

Затем я прыгнул вперед, выхватил копье у пораженного воина, сшиб ударом древка и его, и стоящего рядом, издал пронзительный крик, затем глухой рыкающий рев, словно бросаясь на abordаж, и помчался между хижинами со всей скоростью, на какую был способен. Грубые ворота частокола не могли меня остановить. Мгновение спустя я сорвал веревку, связывающую их, распахнул створки и прыгнул в ночные джунгли.

Я не имел никакого представления о том, куда бегу.

Но бегство побуждало меня не останавливаться. Воины в эту минуту должны были, преодолев шок, броситься за мной, несясь, как охотничьи псы, держа копья наготове для смертельного броска, что поразит меня в спину.

Гнавший меня инстинкт был настолько глубоко спрятан в подсознании, что я едва мог уразуметь, почему бегу. Совершенно очевидно, мне предстоит умереть. Но я буду бороться и искать всяческие средства продлить жизнь это тоже очевидно, учитывая природу человека, которым я был.

Если умеешь бегать по нок-рее фор-брамселя в шторм и в крошечной темноте, то сможешь пробежать и через мостик в ад.

Я бежал. Они гнались, и все же гнались не так быстро или не с таким рвением, как могли бы, и мне пришло в голову, что они, возможно, боятся ночных джунглей больше моего. Но они не прекращали преследования, и плен был неизбежен. Где безопасное место в этих джунглях, кишящих неизвестными опасностями и сочащихся ядом? Добравшись до чистого пространства, где упавшее дерево увлекло за собой соседей, я влез на гниющий ствол, выгнав некоторых жильцов. Почувствовав на ступне щекотку, словно от принесенных ветром песчинок, я дернул ногой. Надо мной, сквозь окружающую растительность, засияли звезды.

Они пылали в небесах, и когда взгляд встретил знакомые созвездия, я принялся искать знакомый силуэт, единственный, что притягивал меня с гипнотической силой, которой я не мог ни понять, ни объяснить.

Там искрилось, слепя глаза, надменное созвездие Скорпиона, с Альфой Скорпиона, Антаресом. Все другие звезды словно померкли. Меня лихорадило, кружилась голова, я ослаб и знал, что верная смерть подкрадывается

ко мне, бесшумно ступая по джунглям. Возникла мысль воспользоваться звездами для определения направления бегства. Может быть, я сумел бы найти путь к берегу. Бог его знает, на что я надеялся. Я со злобой уставился на созвездие Скорпиона.

- Ты убил моего отца! - Пот заливал мне глаза. Я сделался наполовину безумен. - И пытаешься поступить так же со мной!

Дальше я помню все очень смутно. Дыхание причиняло боль. Силуэт гигантского скорпиона становился все более отчетливым, разгораясь синим огнем. Я погрозил кулаком Антаресу.

- Ненавижу тебя, Скорпион! Если бы ты только был человеком...

Я падал.

Синий огонь блистал на всем вокруг, был в звездах, был у меня в глазах, у меня в голове, слепящий, ошеломляющий. Синева сменилась ярким ядовито-зеленым. Я падал, в то время как синие и зеленые огни пульсировали вокруг и переходили в красные. А потом огни Антареса дотянулись и поглотили меня.

Глава 2

ВНИЗ ПО РЕКЕ АФ

Я очнулся, лежа на спине.

Я чувствовал с закрытыми глазами тепло на лице и трепетание ветерка, а знакомое движение подо мной сказало мне, что я на борту судна. Эти сведения вовсе не показались мне странными. В конце концов, разве я не провел последние восемнадцать лет жизни на море? Я открыл глаза.

Судно оказалось просто очень большим листом. Я уставился, как пялится по-совиному на тусклый дневной свет человек, вышедший, шатаясь, из бара в Плимуте. Лист неся по стремнине широкой реки, зеленая вода

сверкала, плескаясь и рябя. По обоим берегам раскинулась равнина с зеленовато-желтой травой, теряясь в колеблющемся мареве горизонта. Небо заливало меня ярким белым светом. Поднявшись на локте, я обнаружил, что совершенно голый. Запястья саднило, и жжение раздражало память.

И тут я сделался неподвижным и молчаливым.

Лист был большим, добрых восемнадцати футов* [Фут - мера длины, равная 30,48 см. (Прим. переводчика.)] длиной, его изогнутый черенок подымался грациозной дугой, словно ахтерштевень древнегреческой галеры. Я молча и неподвижно сидел на носу. А там, где у обыкновенной земной лодки была корма, изогнулся скорпион длиной в целых пять футов.

Чудовищная тварь имела красноватую окраску и подрагивала, покачиваясь из стороны в сторону. Глаза на стебельках, круглые и алые, полуприкрытые тонкой пленкой, двигались вверх-вниз с такой гипнотической силой, что мне пришлось заставить себя побороть ее. Его клешни могли запросто раздавить приличных размеров собаку. Он высоко поднял в воздух кончик вооруженного жалом хвоста в кощунственной пародии на изящную дугу кормы листа - с жала капала ядовитая зеленая жидкость - и целился в мое незащищенное тело.

Вокруг рта дрожало скопление щупалец и терлись друг о друга жвалы.

Мрачная немая сцена тянулась, кажется, очень долго, мое сердце билось с перебоями. Скорпион! Это была не увеличенная копия земного скорпиона. Внутри гротескного тела, покрытого пластинами брони экзоскелета, должен был существовать настоящий позвоночный скелет для поддержания такой массы тела. Постоянно двигавшиеся глаза не были глазами, положенными скорпиону. Но эти клешни, эти жвалы, это

жало!

Скорпион! - вспомнил я. Вспомнил африканскую ночь, свет костров, блеск копий и безумное бегство через джунгли. Так как же я мог очутиться здесь, плывя вниз по реке на гигантском листе, где экипаж - лишь чудовищный скорпион?! Антарес - красная звезда, что так мощно засияла мне, когда я пытался сбежать, - Антарес, которому я швырнул свою жалкую смертную ненависть, - я понял без тени сомнения, что какая-то сверхъестественная сила утащила меня с родной Земли, и теперь в небе надо мной сиял мрачным светом именно Антарес, Альфа Скорпиона.

Даже сила тяжести была иной, меньше, и это, понял я, могло дать мне скромный шанс уцелеть в схватке с устрашающим чудовищем.

Скорпионы питаются ночью. Днем они забиваются под бревна и камни. Я осторожно подтянул сперва одну ногу, затем другую и медленно уселся на корточки. Все это время я не отрывал взгляда от колеблющихся передо мной глаз на стебельках. Один шанс у меня был. Один хрупкий шанс прыгнуть вперед и, во-первых, избежать секущих и хватающих клешней, а, во-вторых, увернуться от разящего жала. Потом схватить, приподнять и опрокинуть тварь за борт. Мои пустые руки сжались в кулаки. Если б только у меня было оружие! Какое угодно - абордажная сабля, разбитая бутылка, валец весла, даже крепкий корень. Человек, проживший такую жизнь, как я, понимает значение личного оружия и уважает его. Как бы здорово ни умел я ломать человеку хребет голыми руками или выбивать противнику глаза, природное оружие смертного человека - плохая замена оружию из бронзы или стали, которым человечество пробило себе дорогу из пещер и джунглей. Я остро ощущал свою наготу, мягкую плоть и хрупкие кости, свои жалкие

человеческие мускулы - и взалкал оружия. Какая бы сила ни занесла меня сюда, она не потрудилась снабдить меня пистолетом или саблей, копьем или щитом, и в том, что эта таинственная сила поступила так, я заподозрил слабость.

У меня даже мысли не возникло, что я могу нырнуть за борт и доплыть до берега реки. Не знаю, почему это не пришло мне в голову. Как я иногда думаю, это должно было быть связано с нежеланием бросать корабль, предавать веру в себя, и чувством, что нельзя позволить одержать над собой победу животному. Если нам придется вступить в бой, то призом будет эта простая лодка-лист.

Я медленно втянул в себя воздух, выпустил его и снова вдохнул, наполняя легкие. Воздух был свежим и сладким. Глаза мои не отрывались от круглых алых глаз на концах стебельков, когда они двигались вверх-вниз.

- Ну, старина, - произнес я мягким успокаивающим голосом, все еще не делая ни единого движения, которое чудилище могло счесть сигналом к атаке. Похоже, вопрос стоит так: или ты, или я. И поверь мне, безобразное дьявольское отродье, это буду не я.

По-прежнему говоря тихим голосом, как часто отец говорил при мне со своими любимыми лошадьми, я продолжал:

- Хотел бы я распороть тебе брюхо до твоего толстого хребта и вывалить в реку твои внутренности. Чтоб мне провалиться, ты, бесспорно, ублюдочная куча потрохов.

Положение было нелепым, и, оглядываясь теперь назад, я дивлюсь собственному неразумию, хотя понимаю, что с тех пор произошло многое. Я уже не тот, каким был тогда, только-только вышедший из ада жизни на борту парусного корабля восемнадцатого века,

несомненно, добыча всей суеверной чепухи, что отравляет жизнь честных моряков.

По правде говоря, я болтал не только для того, чтобы успокоить эту скотину, но также отсрочивая болтовней время, когда придется действовать. Я видел острые зазубрины клешней, сокрушительную мощь жвал и капающую с поднятого жала зеленоватую жидкость. Лягушка поверила скорпиону и перевезла его через реку, а скорпион ужалил лягушку, потому что, как сказал скорпион, такова его природа.

- Ну, скорпион, а моя природа - не давать никому и ничему одолеть меня без борьбы. И, если понадобится, убить тебя.

Тварь покачивалась из стороны в сторону на восьми ногах и вся подрагивала. Глаза на стебельках ходили вверх-вниз.

Упершись ладонями рук в мембрану листа между более темными прожилками, я приготовился броситься вперед и спихнуть чудовище за борт. Я напрягся, задержал дыхание, а затем оттолкнулся со всей силой мышц бедер и рук.

Скорпион приподнялся, сгибая и распрямляя хвост, щелкнул клешнями, а затем одним гигантским прыжком метнулся прочь из лодки. Я кинулся к планширу листа и посмотрел на воду. Пена окружала восьмиконечный контур с жалящим кнутом хвоста - а затем скорпион исчез.

Я выдохнул. Только теперь я понял, что тварь не испускала никакого запаха. Была ли она настоящей? Или - галлюцинацией, вызванной фантастическими испытаниями, выпавшими на мою долю? Может быть, я все еще бежал по африканским джунглям, безумный и обреченный, или стоял, привязанный к колу, а мой рассудок унесся в мир фантазии, спасаясь от

причиняемых мучений?

Прикрыв ладонью глаза, я посмотрел на небо. Солнце изливало свет с красноватым оттенком, согревая и успокаивая. Но через горизонт прокрадывался новый цвет, превращая желтую траву в зеленую. Покуда я наблюдал, на небе возшло еще одно солнце, заливая зеленым светом реку и равнину.

Эта вторая звезда являлась спутником Красного гиганта, составляя то, что мы называем Антаресом, - позже я понял, что "красный гигант" - неверное название. Непривычность света меня беспокоила не столь сильно, как следовало ожидать. А в новом мире меня ждало еще немало сюрпризов. Лист перестал качаться. Мое маленькое судно набрало совсем немного воды. Я зачерпнул ее пригоршнями, выпил и счел чистой и освежающей.

Лучшее, что я мог сделать, - предоставить листу нести меня вниз по реке. Вдоль реки обязательно найдутся жители, если в этом мире вообще есть люди. Я находил совсем нетрудным плыть по течению, позволяя всему идти своим чередом.

Река петляла, описывая широкие излучины. Иногда встречались песчаные мели. Деревьев вдоль берега было мало, зато обильно рос камыш и тростник. Используя особенности течения, я в конце концов подвел свое судно к заливному берегу и вытащил его на сушу повыше. Мне вовсе не улыбалось идти пешком, когда в моем распоряжении имелась подходящая лодка.

Камыш встречался самый разнообразный. Я выбрал с прямым высоким стеблем и, после долгих трудов и ругательств, сумел отломать десятифутовый кусок. Он послужит шестом на мелях. Другая разновидность привлекла мое внимание потому, что я случайно порезал руку о лист! Я выругался. На море брань -

профессиональное заболевание. Этот камыш рос группами и имел прямые круглые стебли диаметром дюйм-полтора* [Дюйм - мера длины, равная 2,5 см. (Прим. переводчика.)], а из вершины каждого стебля вертикально рос плоский лист, достигая длиной дюймов восемнадцати. Лист был острым. Ширина его была около шести дюймов, а формой он походил на копье с листовидным наконечником. Я наломал несколько таких камышин и заполучил охапку копий, которые желал иметь час назад, когда на борту моей лодки был экипаж.

Камыш на солнце быстро высох и стал крепким и твердым, а режущая кромка лезвия оказалась достаточно острой, чтобы позволить мне нарезать еще несколько.

Пополнив запасы, я посмотрел на сверкающую поверхность воды. У меня была лодка. У меня было оружие. Воды - в избытке. А нарезав камышины продольно, я мог сработать снасти и наловить рыбы, несомненно, кишашей в реке и дожидавшейся с открытым ртом, когда ее поймают. Если я не смогу изготовить крючок из заостренного камыша или колючки, то мне придется соорудить ныретки. Будущее, с людьми или без, рисовалось ослепительно привлекательным.

Что меня ждало на Земле? Бесконечная тяжесть морского труда без малейшего вознаграждения. Нужда, невообразимая для избалованного наукой человека двадцатого века. Конечная обреченность на смерть и страшная возможность остаться калекой, потеряв руку или ногу от пушечного ядра. Да, какая бы сила ни принесла меня сюда, она не оказала мне медвежьей услуги.

Мой глаз уловил движение. Надо мной летал голубь, то приближаясь, то удаляясь, словно я привлекал его, но пугал. Я улыбнулся. Мне не удалось вспомнить, когда я

последний раз состроил такую необычную гримасу.

Над голубем я увидел еще одну птицу, похожую на ястреба. Она была огромна и светилась алым. Шею и глаза окружали золотые перья, а ноги были черными, вытянутыми, с жестко растопыренными когтями. Эта птица являла собой прекрасное зрелище цвета и силы. Хотя в то время я, разумеется, не знал эти строки, но теперь могу прибегнуть к ним, к великолепным словам Джеральда Мэнли Хопкинса* [Английский поэт (1844-1889), его стихи были впервые изданы только в 1918 году. (Прим. переводчика.)]. Он всей душой отзывается на то, что составляет самую суть такой птицы в воздухе, называя пустельгу "Дофином королевства дневного света". И сейчас, когда я знаю то, чего не мог знать тогда, слова Хопкинса приобрели для меня глубокое значение.

Я закричал и замахал руками белому голубю.

Он немного расширил круги и если даже заметил над собой силуэт с тупой головой и вытянутыми крыльями, то не подал вида. Стремительная птица с широкими крыльями, клиновидным хвостом и тяжелой головой с мощным клювом, громко выкрикнула собственное предупреждение.

Брошенный в голубя кусок камыша всего лишь заставил его изящно свернуть в воздухе. Орел или ястреб - эта великолепная ало-золотая птица не принадлежала ни к одному земному виду - резко устремился вниз. Голубя он проигнорировал. Он летел прямо на меня. Я инстинктивно вскинул левую руку, а правой сделал выпад одним из моих копий. Птица забила огромными чашеобразными крыльями в воздухе над моей головой, издала пронзительный крик, а потом тяжеломерно-медленно устремилась ввысь.

Через минуту она стала точкой и исчезла в жарком мареве. Я поискал взглядом голубя и обнаружил, что он

тоже исчез.

Мною овладело ощущение, что птицы не были обыкновенными. Голубь не превышал размерами земных голубей, но ястреб-орел значительно превосходил величиной даже альбатроса, чей силуэт в небе над парусами стал привычным для меня. Я подумал о Синдбаде и его волшебном полете на птице; но эта птица была недостаточно крупна, чтобы унести человека, в этом я был уверен.

Как я обещал себе, я поймал обед и, не без некоторых трудностей, нашел достаточно сухого дерева. Применив камышовый смычок, я добыл огонь трением и без задержки удобно устроился, поедая поджаренную рыбу. Терпеть не могу рыбу. Но я проголодался. Рыба вполне выдерживала сравнение с пробывшей десять лет в бочке солониной и испорченными долгоносиком сухарями, и сравнение выходило в пользу рыбы. Я тосковал по гороховому супу, но нельзя же иметь все.

Я вслушивался очень внимательно - и немалое время.

Не зная, какие могут находиться поблизости враждебные существа, я рассудил, что спать желательно на борту лодки. Терпеливое вслушивание не обнаружило отдаленного грохота водопада, который привел бы путешествие по реке к преждевременному концу. Ибо теперь я был убежден, что меня перенесли сюда с определенной целью. Что это за цель, я не знал и, по правде говоря, набив живот и собрав кучу травы на постель, не особенно интересовался.

Поэтому проспал зелено-золотой полдень чужой планеты.

Когда я проснулся, с неба все еще лился подкрашенный алым зеленый свет, став темнее, но все еще сохраняя прежние оттенки. Через некоторое время я

перестал обращать внимание на пропитывающую свет красноту и различил белое и желтое, словно под светившим надо мной всю жизнь старым знакомым солнцем.

Река петляла дальше. В этом сверхъестественном путешествии я увидел много странных созданий. Мне запомнилось одно тонконогое животное с шаровидным телом и комичной мордой, оно походило, как я теперь понимаю, на Шалтая-Болтая. Правда, двигалось оно на восьми длинных и тонких ногах, причем по воде. Оно скользило, быстро работая ногами, совершая сбивчивые резкие движения. На каждой ступне имелись тонкие перепонки фута три в поперечнике. Заметив меня, оно с плеском умчалось прочь, и я рассмеялся еще одно странное и несколько болезненное движение не только моего рта, но и живота.

Одно из копий оказалось превосходным веслом, благодаря которому лодку стало возможным направлять. Ведение счета дней потеряло смысл. Мне было все равно.

Впервые за много утомительных дней я почувствовал себя свободным и избавленным от бремени - забот, страданий, угнетенности и всех тех неосязаемых ужасов, что осаждают человека, упорно пытающегося найти путь в жизни, потерявшей для него всякий смысл. Если мне предстоит умереть, пусть так и будет, ибо смерть стала для меня знакомым спутником.

Дрейфуя в густом мареве вниз по реке, не трудясь считать дни, я иной раз сталкивался с напряжением и опасностью. Однажды огромная полосатая водяная змея попыталась забраться на лодку-лист с помощью рудиментарных передних ног.

Бой был недолгим и яростным. Рептилия шипела, выбрасывая раздвоенный язык, и разевала челюсти

величиной с дверь хлева, открывая длинную слизистую полость горла, куда собиралась меня отправить. Я балансировал на листе, плясавшем и качавшемся на воде, тыча копьями в полуприкрытые глаза твари. Первые же свирепые выпады оказались удачными, ибо чудище испустило вопль, словно визжали в искореженных блоках разбухшие шкоты, закрутило языком и заколотило ногами-обрубками. Эта тварь, в отличие от скорпиона, с которым я столкнулся в мой первый день в этом мире, издавала запах.

Я колот и рубил, и тварь, визжа и шипя, скользнула обратно в воду. Она убралась, горизонтально извиваясь в воде, словно серия гигантских букв "S".

Эта стычка заставила меня полнее осознать, как мне повезло.

Когда снизу по реке долетел первый отдаленный рев порогов, я был готов. Берега здесь поднимались на высоту восемнадцать-двадцать футов и состояли из черно-красных камней, о которые вода разбивалась и, вспениваясь, устремлялась вниз. Впереди из воды повсюду выступали камни. Стоя, упираясь в банку, сооруженную из множества продольно разрезанных камышей, вогнанных между бортами листа, отличавшегося достаточной прочностью, я мог склоняться хоть до воды и таким образом действовать копьём-веслом с огромной подъемной силой.

Стремительный спуск через пороги меня здорово взбодрил. Хлестали брызги, ревела и прыгала вода, лодка крутилась, едва не переворачиваясь, мимо проносились окутанные пеной черно-красные камни. Это безумное плавание походило на скачку Фэтона на колеснице по высоким пикам Гималаев.

Когда лодка добралась до конца порогов и впереди опять вытянулась река, текущая спокойно и плавно, я

был чуть ли не разочарован. Но встретились и другие пороги. Там, где осмотнительный человек пристал бы к берегу и проволоч лодку по суше, я упивался боем с рекой. Чем громче ревела, разбиваясь о камни, вода, тем громче я выкрикивал вызов на бой. Прибыв в этот мир нагим, я даже не мог ничем завязать косичку. Волосы мои промокли насквозь и свободно свисали по спине меж лопаток. Я пообещал себе, что подрежу их покороче и никогда больше не буду носить требуемой косицы с завязкой. У некоторых ребят на борту корабля косички доходили до колен. Они держали их по большей части смотанными в спираль на голове, распуская только по воскресеньям или иным особым случаям. Эту жизнь я теперь оставил позади - вместе с косичкой.

Постепенно на горизонте, в котором исчезала великая река, поднялся горный хребет, становясь с каждым днем все выше и выше. Я видел на вершинах снег, сверкающий, холодный и далекий. Погода оставалась теплой и прекрасной, ночи - приятными, а небеса покрывали звезды, чьи созвездия были мне незнакомы. Река здесь, насколько я мог определить, достигала в ширину четырех миль. Порогов не встречалось целую неделю - то есть семь появлений и исчезновений солнца, - но сплошные раскаты грома достигали моих ушей, заметно возрастая в громкости по мере увеличения скорости течения реки. Ширина реки резко пошла на убыль; утром берега сомкнулись, меж ними не осталось и шести кабельтовых, а река продолжала непрерывно сужаться.

Когда ширина реки достигла двух кабельтовых, я бешено погреб к ближайшему берегу, почти оглохнув от непрерывного рева впереди. Река исчезала между двух вертикальных фасов скал, алых, словно кровь, и с черными прожилками, устремившихся на полмили вверх.

Я вытащил лодку из воды. По гладкой взгорбленности поверхности реки я угадывал сосредоточенную там мощь. Река стала теперь очень глубокой, воду стискивало в хмурых обрывах. Берег представлял собой скальный карниз, над которым подымались пропадающие из поля зрения утесы. Неподалеку я заметил желто-зеленый куст с множеством ярко-желтых ягод размером с вишню. Предаваясь размышлениям, я нарвал ягод-вишен и съел их - вкусом они напоминали выдержанный портвейн.

Через некоторое время я взял копье и направился к водопаду.

Зрелище изумило меня. Цепляясь за скалу, я сумел свеситься и поглядеть вниз, на величественный водный простор. Вода устремлялась в ничто, потом описывала дугу, пока далеко-далеко внизу не терялась из виду. С поверхности водопада подымался сплошной слой брызг и загораживал то, что лежало за ним.

По такой скале не спустишься.

Я принялся размышлять. Меня принесла сюда некая сила. Так неужто она сделала это только ради того, чтобы я стоял здесь и любовался водопадом? Разве не должно быть что-то за его пределами, к чему я должен отправиться? А если я не могу спуститься по скале - неужели нет другого пути? И тут грохот водопада сложился в голове в слова:

"Ты должен! Должен!"

Глава 3

АФРАЗОЯ - ГОРОД МУДРЕЦОВ

Жуя сладкие ягоды-вишни, которые нашел выше по реке, я вернулся к лодке-листу. Она отличалась той же жесткой волокнистой твердостью, что и местные камыши. Но также обладала гибкостью, проистекавшей из ее конструкции. На порогах, как я выяснил, она легко

изгибалась и извивалась.

Но выдержит ли она то, что ей предстоит? И останусь ли в живых я, всего лишь смертный человек, при таком чудовищном испытании?

Тянуть лодку обратно вверх против течения будет нешуточной задачей. А оставаться здесь я не мог. Я съел немного мяса, оставшегося от последнего животного, сваленного броском копья. По обоим берегам бродили огромные стада животных разных видов, многие походили на быков и оленей, и я приятно разнообразил рацион в дополнение к рыбе, овощам, ягодам и фруктам.

Я выкинул со дна лодки-листа плоские камни, которые использовал в качестве балласта для придания лучшей остойчивости. Потом закрепил копья меж бортов, связав их тросом из волокон разрезанного камыша. Я думаю, это было единственное решение. Так утвердила судьба или иные причастные к этому силы.

Я привязался к лодке, распластавшись на дне, с шестом десятифутовой длины в руках. Лодка понеслась по течению. Я почувствовал, когда она оторвалась от воды и оказалась в воздухе. В ушах у меня зашумело. Ощущение было вроде как при нырянии. Когда мы ударились о воду, я, должно быть, потерял сознание, ибо следующее, что я помню, - это перевернутую лодку, которую качало, швыряло и крутило, и себя - висящего на камышовых тросах над зеленоватым сумраком пенящейся воды. Дыхание причиняло боль, и я гадал, сколько сломано ребер. Но у меня имелась более насущная задача - я должен был выбраться из этого водоворота. Не было времени испытывать чувство благодарности за то, что я еще жив.

Освободиться с помощью лезвия копья не составило большого труда. Перевернуть лодку обратно заняло гораздо больше времени; но мои широкие плечи сделали

свое дело, я перекувырнулся обратно в лодку, схватил копье-весло и, серией энергичных гребков, вытолкнул себя подальше от опасной близости подножья водопада. Через мгновение я плыл свободно и снова выруливал вниз по реке.

Я сделал глубокий вдох. Болело не очень сильно. Отделался синяками.

Только дурак или сумасшедший - или любимец богов - осмелился бы совершить то, что я. Я поднял взгляд на отвесно падающую стену воды, на бурлящий котел там, где вода билась и взлетала в пенном неистовстве, и осознал - везение или нет, сумасшедший или нет, любимец богов или добыча Скорпиона, я прошел живым через испытание, в котором мало кто смог бы уцелеть.

Теперь я увидел то, что лежало по другую сторону кольца гор.

Они опоясывали цепью весь горизонт, постепенно уменьшаясь в размерах, становясь вдалеке всего лишь лиловой нитью. Но прямо передо мной обзор загораживало нечто.

Даже сейчас мне трудно адекватно передать первое впечатление от захватывающего вида Афразои, города мудрецов-савантов.

Кольцевая стена гор образовывала кратер, столь же огромный, как кратер на Луне, и в самом центре река разливалась в широкое озеро. Из центра озера подымались гигантские камышовые заросли. В их реальность было трудно поверить. Все они были разной толщины, от ярда до двадцати футов в диаметре. По стеблям росли луковичеобразные выпуклости, словно висящие на шнурах китайские фонарики. Камыши воспаряли высоко-высоко и напоминали ламинарии, растущие под водой.

С изогнутых макушек камышей опускались длинные нити, и мне вскоре было суждено узнать, какое множество применений они находили.

Я прожил долгую жизнь и видел чудесные башни Нью-Йорка из бетона и стали, поднимался на Эйфелеву башню и лондонский почтамт, побывал в нависших на скалах дворцах внутреннего Тибета; но ни в каком другом месте, ни в каком другом мире я не нашел города, подобного Афразое.

С правого борта по равнине текла еще одна река, стиснутая между округлыми стенами кратера, вливаясь в мою реку примерно в трех милях от города и озера. Само озеро, прикинул я, достигало пяти миль в поперечнике, а высота растительных башен... В то время я мог только сидеть и пялиться вверх, сбитый с толку.

Эти растительные гиганты лишь относительно можно называть камышами. Наросшие на стеблях утолщения были размером с индийское бунгало или с солидный особняк эпохи короля Георга в Старой Англии. Чем ближе я подплывал, тем яснее становилось, насколько они огромны. Мне уже приходилось сильно задирать голову, но я не мог разглядеть макушек из-за свисающих вайй. Эти вайи вечно двигались, качаясь во всех направлениях. Меня это заинтересовало.

Ко мне приближалось плывущее вверх по реке судно.

Я был нагим, и все, что я мог сделать, - это зачесать назад волосы, взяться за копье и ждать.

Подобно любому моряку, я критически рассматривал приближающееся судно. Это была галера. Ритмично подымались и опускались длинные весла с серебристыми лопастями, идеально и дружно выносимые плашмя, совершая короткие и резкие рубящие гребки, принятые в военном флоте, когда судно идет на веслах. Это

необходимо на морских дорогах, где на курс влияют волны; на этих же окруженных сушей водах можно было бы применить гребки и подлиннее.

Изящного вида высоко задранный нос изобилдовал позолотой, серебряными и золотыми украшениями. Мачты отсутствовали. Я молча ждал, слушая плеск весел и бурление вод у галеры за кормой. Раздалась громкая команда, весла с правого борта стали табанить, с левого продолжали тянуть вперед, и галера плавно развернулась. За новым приказом последовало сушение весел - как часто я отдавал такую же команду! - и галера поплыла дальше бортом. Меня несло течением к ней.

С этой точки зрения стали ясно видны ее очертания; как и следовало ожидать, она была длинная и низкая, с высоким, крытым пологом ютом на корме. На палубе толпились люди. Я увидел белые руки и множество разноцветных одежд. Слышалась доносимая ветром музыка.

Даже если бы я хотел сбежать, теперь побег стал невозможен.

Когда я подплыл, одно весло опустилось. Моя лодка скользнула вдоль борта. Все еще сжимая копье, я вспрыгнул на лопасть, а затем легко взбежал по веслу к планширу. Перемахнув через фальшборт, я приземлился на шканцах. Полог над головой шуршал на ветру. Палуба сверкала белизной, как на любом корабле королевского флота.

Человек в белой тунике и парусиновых брюках подошел ко мне, протягивая руку с улыбкой, полной энтузиазма.

- Дрей Прескот! Мы рады приветствовать тебя в Афразое.

Я ошеломленно пожал руку.

Над шканцами подымалась в великолепии позолоты

и украшений корма. Там, должно быть, находились рулевые. Я повернулся и посмотрел вперед. И увидел ряд за рядом загорелые обветренные лица, улыбающиеся мне. Мускулистые руки дружно потянули весла, когда девушка - девушка! - кивнула и выбила легкую дробь на тамбурине. В такт с ее ударами весла вонзились в воду, и галера стала плавно набирать ход.

- Ты удивлен, Дрей? Ну, конечно. Позволь представиться. Я - Масперо, он пренебрежительно махнул рукой. - Мы в Афразое не особенно гордимся титулами. Но меня часто называют наставником. Ты, наверное, испытываешь жажду, голод? Какое невнимание с моей стороны. Пожалуйста, позволь предложить тебе что-нибудь освежающее. Если ты последуешь за мной...

Он направился к кормовой каюте, и я ошеломленно последовал за ним. Девушка с волосами пшеничного цвета и смеющимся лицом, которая отбивала ритм на тамбурине, не обратила ни малейшего внимания на мою наготу. Я последовал за Масперо, и меня опять охватило ощущение предопределенной судьбы. Он знал мое имя. Он говорил по-английски. Не оказался ли я и впрямь в тенетах лихорадочного сна, на самом деле умирая на колу пыток в африканских джунглях?

Нос изумительной галеры был направлен теперь на город. Мы двигались постоянно и плавно, что казалось странным для моряка, привыкшего к качке и крену фрегата на огромных океанских волнах. С яркого неба прилетел белый голубь, покружил над галерой и уселся на задранный нос.

Не единожды в моем путешествии по реке он прилетал ко мне, но после того первого случая великолепный ало-золотой орел больше не появлялся.

Сидевшие на веслах люди смеялись и болтали, словно веселый народ на ярмарке. Их одежды ярко

блистали в солнечном свете.

Масперо кивнул, улыбаясь.

- Мы уважаем нравы и обычаи людей, приглашаемых в Афразою. В твоём случае мы знаем, что нагота может вызвать смущение.

- Я к ней привык, - ответил я, но взял у него простую белую рубашку и парусиновые брюки, хотя когда мои пальцы сомкнулись на этом материале, я понял, что никогда раньше не встречал его. Не хлопок и не лен. Теперь, конечно, когда земляне открыли применение искусственных волокон для тканей, такие одежды или им подобные можно найти в любом стандартном универмаге. Но в то время я был простым моряком, привыкшим к толстым камвольным тканям, и меня могли поразить элементарные чудеса науки. Масперо носил пару светло-желтых атласных туфель. Большую часть своей жизни - до тех пор, пока не пробил себе дорогу через клюз - я ходил босиком. Даже потом мои тупоносые ботинки украшались стальными пряжками, ибо я не мог позволить себе даже дутых золотых.

Мы прошли в кормовую каюту, обставленную просто и со вкусом мебелью из какого-то легкого дерева вроде сандалового, и Масперо пригласил меня присесть в кресло под кормовыми окнами.

Теперь появилась возможность внимательнее приглядеться к нему. Первое и, безусловно, определяющее впечатление, производимое Масперо, - ощущение жизнелюбия, живости, подтянутости и постоянное ощущение гармонии, крившееся во всем, что он говорил или делал. Чисто выбритое лицо обрамляли темные кудрявые волосы. Мои собственные густые шатеновые волосы пребывали в не слишком заметном беспорядке, но борода достигала уже шелковистой стадии и, рискуя предположить, не слишком радовала

глаз. Позже такую форму бороды назовут торпедой.

Еду принесла девушка, одетая в очаровательный, хотя и нескромно короткий костюм лиственно-зеленого цвета. На подносе оказался свежеиспеченный хлеб в виде длинных, на французский лад, батонов и серебряная чаша с фруктами, среди которых, как я с радостью увидел, были желтые вишни со вкусом портвейна. Я взял несколько и принялся с удовольствием жевать.

Масперо улыбнулся, и кожа вокруг его глаз собралась в морщинки.

- Ты находишь палины приятными на вкус? Они растут в диком виде по всему Крегену, где только подходит климат. - Он вопросительно посмотрел на меня.
- Ты, кажется, замечательно приспособился.

Я взял еще вишен - палин, как я узнал они называются. Я не совсем понял, что Масперо хотел сказать последними словами.

- Видишь ли, Дрей, тебе нужно многое рассказать и многому научиться. Однако, успешно добравшись до Афразои, ты прошел первое испытание.

- Испытание?

- Конечно.

Я мог бы рассердиться. Мог бы разразиться бранью, негодуя на то, что меня произвольно проволокли сквозь опасности. Масперо могло искупить только одно.

- Когда вы перенесли меня сюда, вы знали, что я делал, где был, что со мной происходило? - осведомился я.

Он покачал головой, и я готов был дать волю своему гневу.

- Но ведь мы не переносили тебя в прямом смысле, Дрей. Только свободным применением воли ты мог ухитриться проделать свое путешествие. Однако коль скоро ты его проделал, плавание вниз по реке было

самым настоящим испытанием. Как я сказал, удивительно, что ты так хорошо выглядишь.

- Я наслаждался путешествием по реке, - сказал я.

Он поднял брови.

- Но чудовища...

- Скорпион - полагаю, он был вашим домашним животным? - дал-таки мне бой. Но сомневаюсь, действительно ли он был настоящим.

- Он был настоящим.

- Разрази меня гром, - возмутился я. - А что, если бы меня убили?

Масперо рассмеялся. Кулаки мои сжались, несмотря на приятную обстановку, кубок с вином и еду.

- Если бы ты мог потерять жизнь, ты бы прибыл сюда не по реке. С рекой Аф не шутят.

Я рассказал Масперо об обстоятельствах, при которых в джунглях Африки на меня упал красный взгляд Антареса, и он сочувственно кивнул. Он немедленно занялся моим образованием, рассказав многое об этой планете под названием Креген.

Креген! Это имя горит у меня в крови! Как часто я жаждал вернуться!

Из шкафчика в стене каюты Масперо достал маленькую золотую шкатулку, покрытую гравировкой, а из шкатулки извлек прозрачный пузырек. В пузырьке находилось множество круглых пилюль. Я не жаловал врачей - слишком уж навидался их топорной работы в кубрике - и наотрез отказывался дать пустить себе кровь или поставить пиявок.

- Мы - жители Афразои, саванты. Мы - древний народ и чтим то, что считаем правильными путями мудрости и истины, смягченными добротой и сочувствием. Но мы знаем, что не являемся непогрешимыми. Возможно, ты и не тот человек,

который нам нужен. К нам попадали многие, добившиеся допуска. Много званных, но мало избранных.

Он поднял прозрачный пузырек.

- На этой планете Креген есть много местных языков. Это неизбежно в любом мире, где происходят эволюция и экспансия. Но есть один язык, на котором говорят все, и именно его ты и должен знать. - Масперо протянул пузырек. - Открой рот.

Я сделал, как было велено. Не спрашивайте меня, что я подумал, не приходила ли мне в голову мысль о яде. Меня перенесли сюда, по моей собственной свободной воле - может быть, но все эти усилия, вроде снабжения меня лодкой-листом, едва ли будут сразу выброшены на ветер. Или - будут? Не мог ли я уже провалить какие-то задуманные для меня экзамены? Я проглотил пилюлю, поданную Масперо.

- А теперь, Дрей, когда пилюля растворится и ее генетические составляющие обоснуются в твоём мозгу, ты обретишь понимание главного языка Крегена, как устного, так и письменного.

Для меня, простого моряка конца восемнадцатого века, это было волшебством. Я ничего не знал о генетическом коде, ДНК и других нуклеиновых кислотах, о том, как они могут усваиваться мозгом вместе с несомой ими информацией. Я проглотил пилюлю и принял к сведению, что меня могут ждать и другие чудеса.

Что же касается того, что в мире есть много языков, то это естественно, и прочее было бы глупой мечтой. Здесь, на Земле, мы почти пришли к обладанию общим языком, на котором могли разговаривать и понимать от самых дальних западных берегов Ирландии до восточных границ с Турцией. Таким языком являлась латынь. Но она исчезла с подъемом национализма и

местных диалектов.

Галера мягко качнулась под нами, и Масперо вскочил на ноги.

- Мы причалили! - весело воскликнул он. - Теперь ты должен посмотреть Афразою - город савантов!

Глава 4

КРЕЩЕНИЕ

Мне теперь кажется, что нет иного способа описать этот город. Не раз я гадал: может быть, я и впрямь умер и попал на небеса. Сколько впечатлений, сколько чудесных прозрений, сколько красоты! Ниже по реке широкие хоррасы садов, молочных ферм и открытых выпасов в изобилии снабжали продуктами город. Повсюду пылали цвета, пронзительно яркий свет, и при этом имелось множество тенистых местечек для отдыха, покоя и медитации. Все жители Афразои отличались добротой и внимательностью. Это были веселые, мягкие и симпатичные люди, полные всех благородных чувств, о которых на нашей старушке Земле столь много говорят и которые так часто игнорируют в повседневной жизни.

Я, естественно, искал ложку дегтя в бочке меда, мрачную, тайную правду об этих людях, раскрывающую, что они обманщики, город лицемеров. Я искал подозреваемую мной принужденность и никак не мог найти. Со всей честностью и трезвой правдивостью я считаю, что если когда и существовал рай среди смертных, то находился он в городе савантов, Афразое, на планете Креген под алым и изумрудным солнцами Антареса.

Из всех открывавшихся мне каждый день чудес одно из самых величайших встретилось мне в первый же день, когда Масперо привел меня в растущий из озера город.

Мы покинули галеру и сошли на увешанный гирляндами цветов гранитный причал. Здесь толпилось

много смеющихся и болтающих людей, и когда мы проходили к высокому купольному арочному входу, они весело кричали:

- Лахал, Масперо! Лахал, Дрей Прескот!

И я понимал, что "Лахал" - слово приветствия, слово товарищества. А когда лингвистическая пилуля полностью растворилась во мне и ее генетические составляющие нашли себе место у меня в мозгу, я понял также, что слово "Лахал", произносимое на валлийский лад, являлось приветствием для незнакомых людей, словом более формально-вежливым.

Растягивая губы, носящие непривлекательный изгиб суровости, в непривычной для себя гримасе улыбки, я поднял руку и ответил тем же приветствием.

- Лахал, - произнес я, следуя за Масперо.

Вход вел внутрь одного из громадных стволов. Покинув Землю в год Трафальгарской битвы, я не был подготовлен к тому, что комната, где я оказался, быстро поехала вверх, заставив меня согнуть колени.

Масперо хохотнул.

- Сглотни пару раз, Дрей.

На несколько мгновений заложило уши, потом слух восстановился. Теперь нет необходимости описывать лифты и подъемники. Но для меня они, надо сказать, были еще одним чудом этого города.

Во время пребывания в Афразое я невольно занимался поисками диссонансной ноты, червоточины в яблоке, которую подозревал и которую страшился найти. На Земле существовали способы принуждения, привычные и понятные для меня. Отряды вербовщиков сваливали свой человеческий груз на корабли-получатели, а с этих калош завербованные отправлялись на борт военных судов, несчастные, страдающие от морской болезни, испуганные, озлобленные. Плетка

укротит их, приучит к дисциплине - наравне с теми, кто был принудительно завербован Билли Питтом* [По закону премьер-министра Уильяма Питта-младшего английские ВМС имели право принудительной вербовки на торговых судах. (Прим. переводчика.)]. Дисциплина была открытой и понятной, голой жизненной реальностью, необходимым злом. Здесь же я подозревал силы, действующие в темноте, подальше от глаз честных людей.

Впоследствии я увидел и изучил много систем контроля. На Крегене я встречал такие способы восстановления дисциплины и порядка, по сравнению с которыми все пресловутые индоктринации с промыванием мозгов в политических империях Земли кажутся нотациями седовласой учительницы в школе для девочек.

Когда подъемник остановился и дверь открылась, я подпрыгнул. Я понятия не имел ни о фотоэлементах, ни об их применении в самооткрывающихся дверях. Правда, по какому-то капризу моей памяти я знал среди прочего, что существует такая штука - то ли субстанция, то ли жидкость, то ли не знаю что, да и никто другой тогда тоже не знал - *vis electrica** [Электрическая сила. (Прим. переводчика.)], названная английским врачом Гильбертом. Слово происходило от древнегреческого *electron* - янтарь. Я также знал, что Хоксби* [Английский физик XVIII века. (Прим. переводчика.)] научился вызывать искры, и слышал о Вольта и Гальвани.

Я вышел на свежий душистый воздух. Вокруг раскинулся город. Город! Увидев такое зрелище, ни один человек никогда не смог бы его забыть. К небу поднималось множество высоких стволов - я обнаружил, что называю их древесными, но эта форма растительной жизни была наверняка древней, чем деревья. С макушек

свисали воздушные побеги. Признаться, у меня возникла тогда постыдная мысль, ибо с виду эти болтающиеся линьки слегка походили на кошку-девятихвостку, когда она поднята в руке боцмана. Выход на огражденной площадке перед нами вел в никуда. Масперо уверенно двинулся вперед и коснулся одной из множества цветных кнопок на столике с начертанным на нем названием "Южный проход. Десять". Платформа - достаточно большая, чтобы вместить четверых человек - подлетела к нам и прикрепилась к выходу с площадки. Я заметил линь, тянущийся от дуги в центре воздушной платформы вверх, - и догадался, что на самом деле линь был усиком огромного растения. Масперо вежливо пригласил меня на борт. Я ступил на платформу и почувствовал упругость, когда линь напрягся под моим весом. Масперо прыгнул за мной, и мы сразу полетели вниз, набирая ускорение, словно ребенок, сидящий на качелях.

Мы летели в воздухе, проносясь между высоких стволов и наростов домов на них. Я увидел множество людей, также раскачивающихся во всех направлениях. Масперо уселся так, чтобы его голова была ниже прозрачного лобового экрана, и мог разговаривать со мной. Я стоял, позволяя ветру свистеть в ушах и развевать мне волосы, точно гриву.

Масперо объяснил, что качельная система не допускала запутывания линий. Дело было сложное, но у них имеются машины, способные справиться с задачей.

Офицеры парусных кораблей знать не знали ни о каких вычислительных машинах - кроме как самых древних форм. Опыт, пережитый мной, когда я стоял на платформе и головокружительно мчался в воздухе, стал одним из величайших раскрепощающих мгновений в моей жизни.

Мы поднялись, описав огромную дугу, и перешли на

другую платформу. Затем Масперо пришлось манипулировать с устройством, сильно напоминающим вертикально расположенный птичий хвост. Он поправил курс, и мы вплотную пролетели возле другой воздушной платформы. Когда мы проносились мимо, я услышал восторженный визг и девичий смех.

- Любят они пошалить, - вздохнул Масперо. - Эта кокетка отлично знала, что я уступлю дорогу.

- Разве это не опасно? - последовал мой глупый вопрос.

Мы устремились вниз, величественно качнувшись к озеру, а затем головокружительно поднялись вверх, причалив к площадке, окружавшей ствол. Здесь на платформы забирались другие люди, отчаливали и качались, словно играющие дети. Мы преодолели таким способом, наверное, милью - и все без единой ошибки или запутывания. В раскачивании лентой соблюдалась строгая система, так что столкновения под прямым углом исключались. Я мог бы качаться весь день. Эти устройства часто называют качелями, а Афразою именуют Качельным городом.

На одной площадке с перилами нас ждала группа людей. Один из них, поздоровавшись - "Лахал, Масперо" - и перебросившись вежливым словом со мной, сказал:

- Вчера через перевал Лоти проникли три грэнта. Ты пойдешь с нами?

- Увы, нет. У меня неотложные дела. Но скоро - скоро...

И тут я впервые услышал прощальные слова, которые потом приобрели для меня такое большое значение:

- Счастливо покачаться, Масперо!

- Счастливо покачаться, - ответил Масперо, улыбнувшись и помахав рукой.

Счастливи покачаться. Насколько же верны эти слова для выражения восторга и радости жизни в Качельном городе!

Среди многих качающихся с места на место людей я увидел юнцов, сидящих верхом на бруссе, держа в левой руке нацеленную вниз рукоять направляющего весла, а другой махая всем, мимо кого они пролетали, петляя и поворачивая. Это стремительное качание выглядело таким свободным, таким прекрасным, настолько находилось в гармонии с воздухом и ветром, что я возжаждал испытывать это искусство.

- Нам приходится разбираться с создаваемой ими время от времени путаницей, - сказал Масперо. - Но, хоть стареем мы и медленнее, мы все-таки стареем. Мы не бессмертны.

Когда мы добрались до места назначения, Масперо проводил меня в свой дом. Он висел над озером на высоте, должно быть, пятисот футов. В центре ствола находилась шахта лифта, и её кольцом окружали комнаты с широкими окнами, выходящими на город. Растения и озеро блестели сквозь узор стволов и качелей.

Мебель в помещении отличалась безупречным вкусом и роскошью. Для человека, чьи представления о комфорте сформировались перемещением с нижней палубы в офицерскую кают-компанию, я изумлялся мало. Масперо своим теплым отношением вскоре заставил меня почувствовать себя как дома. Требовалось много чему научиться. В последующие годы я немало узнал о планете Креген и смутно почувствовал, какую задачу поставили перед собой саванты. Мне удалось понять, что они хотят цивилизовать этот мир, не применяя принуждения. Это требовалось сделать с помощью убеждения и примера, но савантов было очень мало. Поэтому они вербовали рекрутов - насколько я мог

понять - из других миров, о которых они, к моему великому удивлению, знали, и я был кандидатом. Никакого иного будущего я не желал.

Савантами владело неодолимое стремление помогать человечеству - и все еще владеет, но для выполнения этой возложенной ими самими на себя задачи они нуждались в помощи. К этому нужны особые способности, и саванты надеялись, что они у меня есть. Мне болезненно трудно подробно рассказывать о чудесных событиях моей жизни в Афразое, Качельном городе, городе савантов. Я познакомился со многими великолепными людьми и вписался в их жизнь и культуру. Во время экскурсий я увидел весь их изолированный мирок в огромном кратере.

Я посетил бумажные фабрики и смотрел, как пульпа постепенно видоизменяется, проходя через жужжащие и вертящиеся механизмы, превращаясь в гладкую бархатистую бумагу, годную для самых возвышенных слов, которые только есть в языке. Но бумажная мануфактура была окутана тайной. Я понял, что в определенные времена года они отправляли караваны с бумагой, распространявшейся затем по всему Крегену. Но это была девственно-чистая бумага, ожидающая нанесения писем. Я почувствовал здесь тайну, но не смог докопаться до разгадки.

Очень скоро мне велели подготовиться к крещению. Я употребляю английское слово, которое является ближайшим эквивалентом к названию этого ритуала на крегенском, - без всякого намерения кощунствовать. Мы отправились очень рано: я, Масперо, четверо наставников, которых я теперь знал и любил, и четверо кандидатов.

Одним из кандидатов была девушка с правильными чертами лица и длинными волосами, не дурнушка, но

красавицей ее нельзя было назвать.

Мы сели на галеру и поплыли вверх по другой реке - Зелф, а не Аф, по которой я прибыл в город. Гребцы смеялись и шутили, налегая мускулистыми руками на весла. Я обсуждал с Масперо тему рабства и нашел в нем ту же глубокую ненависть к этому позорному институту, что горела и во мне. Среди гребцов я узнал человека, спрашивавшего Масперо, отправится ли тот на охоту за грэнтом. Я и сам садился на весла, когда приходила моя очередь, чувствуя в эти моменты, как знакомо перекачиваются мускулы спины. Рабство являлось одним из тех институтов Крегена, которые савантам обязательно требовалось отменить, если они хотели выполнить свою миссию.

Мы поднялись как можно выше по реке Зелф, а потом пересели в баркас, где все гребли по очереди. Я не видел в Афразое ни стариков, ни старух, ни больных, ни калек, и все весело прилагали руку к самой черной работе. Галера повернула назад, и девушки у руля махали нам, пока мы не скрылись из виду между серых скал. Мимо неслась вода. Она была темно-сливового цвета, совсем не похожая на воду своей сестры, реки Аф. Наша десятка выгребала против течения. Затем мы прошли через пороги, перенеся баркас, и опять навалились на весла. Масперо и другие наставники держали в руках инструменты, обладавшие, как обнаружилось, немалой мощностью. Со скалы прыгнул, преградив нам дорогу, гигантский паукообразный зверь. Я уставился на него неподвижным взглядом - а Масперо спокойно навел оружие. Из дула вырвался серебристый луч, который успокоил монстра и позволил нам следовать дальше. Зверь только щелкал челюстями, глядя на нас бессмысленным и враждебным взглядом белых глаз, но сдвинуться с места не мог. Думаю, даже земная наука

еще не в состоянии воспроизвести подобный способ одержания мирной победы над грубой силой.

Мы налегали на весла, миновав много ужасающих с виду чудовищ, и все они были укрощены серебристым огнем оружия наставников.

Наконец мы добрались до естественного амфитеатра в скалах, где река обрушивалась водопадом - жалким подобием того, который я преодолел на реке Аф. Однако и он достигал немалых размеров.

Здесь мы вступили в пещеру. Это было первое увиденное мной на Крегене подземелье. В пещеру струился обычный теплый розовый свет, но по мере того, как мы шли дальше, он постепенно таял, и розовость мало-помалу сменяла лучезарная голубизна - голубизна, живо напомнившая мне синие огни, обрисовавшие образ Скорпиона, когда я смотрел на небо в африканских джунглях.

Мы собрались на краю бассейна в скальном полу пещеры. Вода плавно вращалась, словно молоко на огне, и с ее поверхности поднимались клочковатые испарения. Торжественность обстановки произвела на меня должное впечатление. В бассейн вела высеченная в скале лестница. Масперо отвел меня в сторону, вежливо позволяя другим пройти первым.

Кандидаты один за другим сняли с себя одежду. Затем, твердо ступая и подняв лица к потолку, все мы спустились по лестнице в воду. Я почувствовал, как меня охватывает тревога и ощущение, что все тело покрывают поцелуями теплые губы, и одновременно я ощущал покалывание мириадом крошечных незримых игл - ощущение, пронзавшее до самых глубин моего существа, того, чем я был, единственным и неповторимым. Я спускался по каменным ступеням, пока голова не скрылась под водой.

В молочной жидкости передо мной двигалось огромное тело.

Когда я уже не мог более задерживать дыхание, я поднялся по лестнице обратно. Я хороший пловец. Кое-кто однажды рискнул сказать, что я, должно быть, родился от русалки. Когда он поднялся с подбитым глазом и извинился я не признаю никаких порицаний в адрес моих отца и матери, - я вынужден был признать, что он не хотел сказать ничего плохого. Воистину сказанное было вполне обосновано моими способностями к плаванию. Теперь я, конечно, понимаю, что он шутил; но в молодые годы я плохо понимал шутки.

Я вышел последним. Я увидел троих юношей, они показались мне сильными, здоровыми и симпатичными. А девушка - неужели это та девушка, что спустилась с нами в бассейн? Ибо теперь она превратилась в великолепное создание с упругим телом, яркими глазами, улыбкой на лице и созревшими для поцелуев пунцовыми губами. Она увидела меня и рассмеялась, а затем выражение ее лица изменилось, и Масперо воскликнул:

- Клянусь самым великим савантом! Дрей Прескот, ты, должно быть, избранный!

Должен признаться, что я находился в лучшем состоянии, чем когда-либо, насколько мог вспомнить. Я чувствовал, что мои мускулы сделались сильнее и гибче. Я пробежал бы десять миль, поднял бы хоть тонну. Я мог провести неделю без сна. Масперо снова рассмеялся и, хлопнув меня по спине, вручил одежду.

- Еще раз добро пожаловать, Дрей Прескот! Лахал и Махал! - хохотнул он, а затем небрежно добавил:

- Когда проживешь тысячу лет, можешь вернуться сюда и снова принять крещение.

Глава 5

ДЕЛИЯ С СИНИХ ГОР

От замешательства я начал заикаться. Мы вернулись в дом Масперо. Мне не верилось в происходящее. Я знал только, что чувствую себя таким сильным и здоровым, как никогда. Но тысяча лет жизни!

"Мы не бессмертны, Дрей. Но нам надо многое сделать, и эти дела не позволяют нам умирать после трижды двенадцати и десяти лет".

Потрясение от случившегося долго не покидало меня, а потом я перестал обращать на него внимание. Жизнь все равно придется проживать день за днем.

Когда мы охотились на грэнта, Масперо извинился за атавистические наклонности савантов. Время от времени огромные животные забредали через перевалы во внутренний мир кратера, а так как они могли потравить посадки и посевы и даже убить людей, их было необходимо отлавливать и вывозить за пределы земель савантов. Саванты не были такими же свирепыми любителями войн, как другие крегенцы, обитающие во внешнем мире. Они всецело предавались опасностям сражения, но не допускали никакой опасности для дичи.

Мы отправились на охоту за грэнтом на равнину, вверх по реке, напоминая со стороны крегенский военный отряд. Мне следует упомянуть, что "Креген", "Крегенский язык" и "крегенцы" произносятся с резким ударением на французский манер, на второй букве "е".

Я облачился в охотничий костюм. Мягкая кожа опоясывала талию и проходила между ног. На левой руке был прочный кожаный наруч. Волосы я завязал сзади узкой кожаной лентой. Никаких перьев в ленту не вдевалось, хотя Масперо вполне имел право украсить свою ленту тем, что индейцы называют "коуп". Я радовался и наслаждался охотой и в то же время сожалел о своем диком и первобытном поведении.

Я шел с одним из мечей, выданных мне Масперо. Меч этот не предназначался для убийства. Саванты с восторгом устремлялись в схватку с чудищами с самым разным оружием в руках, но особое удовольствие доставлял им савантский меч - прекрасно сбалансированное оружие, прямой, но не гладиус, короткий, но не палаш и не шпага, а хитрая комбинация, в возможности существования которой я бы усомнился, если бы сам не видел ее и не держал в руках. Я чувствовал этот меч продолжением руки. Конечно, я уложил бог знает сколько народу и абордажной саблей, и топором, и пикой. Пистолеты на море почти сразу же пропитываются водой и отказываются стрелять. Лишь через два года после моей переброски на Креген на Земле, в Шотландии, достопочтенный Александр Форсайт усовершенствовал свои капсюли. Я умел орудовать шпагой и неплохо действовал ею в схватках, среди дыма, во время диких абордажей на вражеских палубах. Я не был одним из тех щеголеватых универсантов-фехтовальщиков, для которых шпага что-то вроде пера для смахивания пыли в руках горничной. Но один старый испанец, дон Ургадо де Окендо, хорошо обучил меня пользоваться шпагой. Он придерживался весьма широких взглядов и посему преподавал мне не только испанскую, но и французскую школу фехтования. Я не горжусь числом проткнутых мной людей, как не горжусь и числом черепов, раскрытых мной более грубой абордажной саблей Королевского флота.

Мы охотились на грэнта. Эти звери отдаленно напоминают земных медведей, только с восемью ногами и выдающимися футов на восемь челюстями, как у крокодила. Нам преимущество против них давала скорость. Нам предстояло по очереди подскакивать к нему и парировать удары лап с острыми, как бритва,

когтями и чрезвычайно широким радиусом поражения - парировать и увертываться. Меч савантов мог наносить поражения, прямо пропорциональные силе удара. Когда грэнт покорится, бедного зверя заботливо подлечат и переправят обратно за горы. Для достижения этого саванты применяли технологию, казавшуюся мне тогда еще одним чудом.

У них имелся небольшой флот летающих судов, напоминающих формой лепесток и приводимых в движение механизмом, действия которого я некоторое время не понимал. Грэнта пристегивали внизу, отправлялись через перевалы и высаживали зверя в благоприятном месте. Если он оказывался слишком упрямым и возвращался по собственным следам обратно, саванты снова облачались в кожаную охотничью одежду и выступали в поход.

Так что мы отправились на охоту, готовые к развлечению, не причинявшему вреда нашей дичи и не опасному для нас самих, разумеется, если мы будем достаточно быстры и ловки. Мне уже довелось видеть, как принесли с такой охоты человека с разодранным боком, из раны лилась кровь. Правда, на следующий день он был на ногах и чувствовал себя ничуть не хуже, чем до ранения. Но на охоте можно было и погибнуть, и саванты воспринимали это как острую приправу к жизни. Они признавали в подобном желании собственную слабость, но принимали ее как неизбежность человеческой природы.

Мы усмирили двух грэнтов, и я немного оторвался от остальных охотников, ища след третьего. Мои друзья отдыхали и ели в нашем маленьком лагере, когда над моей головой пронеслась тень. Подняв взгляд, я увидел низколетающий аэробот лепестковой формы. Я пригнулся. Он продолжал лететь и врезался в землю, подскочил и

остановился, накренившись. Думая, что перевозившим монстра савантам понадобится помощь, я побежал к лодке.

В этот миг грэнт, за которым я охотился, выскочил из-за невысокого бугра и атаковал аэробот.

На борту аэробота было трое мертвых мужчин в странной грубой одежде из желтого материала, подпоясанной алыми шнурами с кистями на конце. На ногах были сандалии. Кроме мертвых мужчин в лодке находилась кричавшая от ужаса девушка.

Глаза ее закрывала повязка.

Руки девушки были связаны за спиной, она билась и вырывалась. На ней было платье из серебристой ткани. Мне всегда нравились каштановые волосы с рыжеватым отливом - как у нее. Времени разглядывать подробнее у меня не нашлось, поскольку грэнт собрался съесть ее на обед. Я пронзительно и громко закричал и прыгнул вперед.

Пытаясь освободиться из пут, девушка сумела сдвинуть с глаз повязку. Атакуя грэнта, я бросил на нее единственный быстрый взгляд. В больших карих глазах сквозил ужас; но как только она увидела меня, они наполнились совсем другим выражением. Она прекратила кричать и воскликнула, горячо и взволнованно:

- Джикай!

Я не понял, но смысл был ясен.

Грэнт оказался крупным, добрых восьми футов высотой - когда он поднялся на задние лапы и попытался обнять меня двумя передними. Он раскрыл длинную крокодилью пасть, зубы его выглядели весьма крепкими и острыми.

Для меня это, возможно, была игра, но грэнт не собирался шутить. Зверь проголодался, а мягкое тело

девушки представляло для него вкусный обед.

Я метнулся к грэнту и мгновенно отпрыгнул назад. Ответный удар рассек воздух там, где только что была моя голова. Я быстро сделал выпад, но зверь повернулся, пытаюсь схватить меня, и мне пришлось нырнуть вперед. Его лапы хлопнули друг о друга. Я вскочил на ноги и снова повернулся к грэнту лицом. Он заурчал, фыркнул, потом опустил все лапы на землю и бросился в атаку. В последний момент я отскочил в сторону и рубанул его, когда он проносился мимо. Не будь меч савантов наделен чудесными свойствами, этот удар отсек бы зверю лопатку. А так грэнт только потерял возможность пользоваться передней лапой. Вообще-то ошибочно называть его лапы передними и задними, так как их восемь; но мне трудно расстаться с усвоенными от отца ветеринарными понятиями. Слегка труднее, черт возьми, чем с этим назойливым грэнтом. Я снова прыгнул к нему, увернулся от сверкающих клыков и сделал выпад. На этот раз я ранил его в другую переднюю ногу. Зверь зарычал и снова попытался ударить. Я парировал удар, но замешкался отскочить, и четвертая передняя лапа грэнта прошлась когтями по моему боку, я почувствовал, как хлынула кровь. Я ощутил сильную боль, но мне пришлось загнать ее поглубже.

- Джикай! - снова закричала девушка.

Требовалось нанести удар по голове. Чуть меньшая, чем на Земле, сила тяжести Крегена придавала моим мускулам значительную силу и помогала совершать большие прыжки, которыми я до сих пор пренебрегал, считая их нарушением правил. Эти звери делали лишь то, что им диктовала природа. Но теперь на кон была поставлена жизнь девушки. У меня не оставалось выбора. Когда грэнт снова бросился на меня, я

подпрыгнул вверх на добрых десять футов и рубанул его по глазам и рылу. Он рухнул, точно ему под ватерлинию угодило тридцатифутовое ядро, перевернулся и дернул в воздухе всеми восемью лапами. Сейчас я испытывал к нему скорее жалость, чем какие-либо другие чувства.

- Джикай! - снова повторила девушка, и я понял, что каждый раз она употребляла это слово с иной интонацией.

Подбежали Масперо и наши друзья. Они выглядели озабоченными.

- Ты не ранен, Дрей?

- Разумеется, ранен. Но давайте сначала осмотрим девушку - она связана.

Когда мы развязывали ее, Масперо пробурчал себе под нос что-то вполголоса. Другие саванты с необычным недоброжелательством смотрели на трех человек в желтых одеяниях.

- Они не прекратят попыток, - сказал Масперо, помогая девушке встать. - Они верят этому, это правда; но они идут на такой риск!

Я уставился на девушку. Она была искалечена. Ее левая нога вывихнута и согнута. Из-за этого она ходила с трудом, вскрикивая при каждом шаге. Я взял девушку на руки, прижав к груди.

- Я отнесу тебя, - предложил я.

Я не могу поблагодарить тебя, воин, ибо ненавижу всякого, кто презирает меня за мою покалеченность. Но я могу поблагодарить тебя за спасение моей жизни - Хай, Джикай!

Масперо выглядел расстроенным.

А девушка была замечательно красива. Тело у меня в руках было теплым и упругим. Длинные шелковистые волосы, шатеновые с рыжим отливом, спадали, словно дымчатый водопад. Карие глаза серьезно и спокойно

рассматривали меня. Губы были мягкие, но упругие и прекрасно очерченные, и такого алого цвета, какой, должно быть, существовал только в садах Эдема.

О носе я могу сказать только, что его дерзкая вздернутость потребовала от меня приложить величайшие усилия к тому, чтобы не нагнуться и не поцеловать его.

Целовать же прекрасные губы я не смел и мечтать. Я знал, что сделай это - и я потону, погибну, пропаду и не смогу отвечать за последствия.

Из города прилетел аэробот, белого цвета, что удивило меня, так как все аэроботы, применяемые для перевозки животных за перевалы, были коричневыми, красными и черными. Из флайера вышли саванты и забрали у меня девушку.

- Счастливо покачаться, - пожелал я, не задумываясь. Она посмотрела на меня, не понимая.

- Рембери, Джикай, - поправила она.

"Рембери", как я мгновенно понял, означало по-крегенски "до свидания" или "пока". Но Джикай!

Я заставил себя улыбнуться и обнаружил, к своему изумлению, что улыбается мне легко - слишком легко.

- Разве я не узнаю твоего имени? Я - Дрей Прескот.

Карие глаза смотрели на меня. Она колебалась.

- Я - Делия, Делия из Дельфонда - Делил с Синих гор.

Я щелкнул пятками, словно находился в гостиной моего адмирала среди знатных дам.

- Мы еще увидимся, Делия с Синих гор.

Аэробот начал подниматься.

- Да, - ответила она. - Да, Дрей Прескот. Я думаю, мы с тобой увидимся.

Аэробот улетел к городу савантов.

Глава 6

ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ В РАЮ

Я многое узнал о планете Креген, вращавшейся под изумрудным и алым солнцами, и должен рассказать о многих диких и ужасных вещах и делах, которым трудно подобрать название. Я часто стоял на балконе дома Масперо, когда с неба уходили оба солнца, и смотрел на небосвод. У Крегена имеется семь лун, и самая большая - почти вдвое крупнее нашей, а самая маленькая всего лишь крапинка света, проносящаяся низко над ландшафтом. И под семью лунами Крегена я размышлял о девушке - Делии с Синих гор.

Масперо продолжал подвергать меня длинной серии тестов. Первый я успешно прошел, прибыв в город, и Масперо все еще находил изумительным, что я наслаждался плаванием по реке Аф. Как я понял, многим пройти этот путь не удавалось; им мешало то же, что приводило меня в восторг.

Масперо выполнил, как я теперь понимаю, всесторонний анализ моих мозговых волн. У меня начало складываться впечатление, что там не все ладно.

Немало времени я проводил, доставляя себе удовольствие участием в спортивных играх савантов. Я уже упоминал об их атлетическом, как на подбор, телосложении и отношении к спорту. Могу сказать только одно - я не посрамил Земли. Обычно я умею найти себе лишний дюйм, последний спут, последний взрывной рывок, что принесет победу. Все это, конечно, были пустые забавы, ибо до тех пор, пока меня не примут в ряды савантов - а имелись, как я хорошо знал, и другие кандидаты, - жизнь моя будет неполной.

Когда я спрашивал Масперо о Делии, он делался необычно уклончивым. Только изредка мне удавалось увидеть ее, поскольку она проживала на другой стороне города. Она всё еще ходила, прихрамывая из-за

вывихнутой ноги. Она отказывалась рассказать мне, откуда родом, - не знаю уж, было это ее собственное решение или приказ савантов. У них, насколько я мог определить, не существовало правительства. Преобладала мирволящая анархия, которая требовала, чтобы по мере возникновения необходимости выполнить какую-либо задачу всегда находились бы добровольцы. Я и сам помогал собирать урожай, работал на бумажной фабрике, подметал и мыл. Какая бы сила ни сковывала доверие Делии, она пока оставалось мне неизвестной. А Масперо, когда я его спрашивал, молча качал головой.

Когда я пожелал узнать, почему ей не вылечили покалеченную ногу, что столь легко могли сделать саванты, он ответил мне нечто вроде того, что, в отличие от меня, ее сюда никто не звал.

- Ты имеешь в виду, что она не проплыла вниз по реке Аф?

- Нет, нет, Дрей, - он беспомощно развел руками. - Она, насколько мы можем определить, не является одной из тех, кто нам нужен для исполнения судьбы. Она явилась сюда без приглашения.

- Но вы можете вылечить ее!

- Может быть.

Больше он ничего не сказал. Меня пробил озноб. Не являлось ли это той самой червоточиной в яблоке, которую я заподозрил и мысль о которой отбросил как недостойную?

Достаточно странно, что я долго не рассказывал Масперо о прекрасной ало-золотой птице. Неважно, как именно всплыла эта тема, но как только я рассказал ему, что видел этого то ли ястреба, то ли орла, он стремительно повернулся ко мне, с яростью в глазах и напряжением в теле. Меня это удивило.

- Гдойнай! - Масперо вытер вспотевший лоб. -

Почему тебя, Дрей? прошептал он. - Мои тесты указывают на то, что ты не таков, как мы ожидали. Ты сканируешься неверно, и мои тесты опровергают все, что я знаю о тебе и твоих наклонностях.

- Голубь прилетел из города?

- Да. Это необходимо.

Я вынужден был напомнить себе, как мало я знаю о савантах.

Масперо вышел, несомненно, для того, чтобы посоветоваться со своими помощниками. Когда он вернулся, выражение его лица было печальней, чем за все время, что я его знал.

- Возможно, для тебя есть еще надежда, Дрей. Мы не желаем потерять себя. Если мы хотим исполнить свою миссию - а, несмотря на все усвоенное тобой, ты еще не понимаешь, в чем именно она заключается, - то должны иметь людей, подобных тебе.

Мы ужинали вечером в тяжелой атмосфере, а луны Крегена проносились над головами, вращаясь, каждая в своей фазе. Сегодня на небе их было пять. Я жевал палины и изучал Масперо взглядом. Он оставался все в том же состоянии, казалось, глубоко уйдя в себя. Наконец он поднял голову.

- Гдойнай прилетает от Звездных владык, Эверойнай. Не спрашивай меня о них, Дрей, ибо я не могу тебе о них сказать.

Я не стал спрашивать. Я почувствовал озноб. Я знал, что каким-то неведомым образом обманул их ожидания. И почувствовал первый приступ сожаления.

- Что вы предпримете?

Он сделал движение рукой.

- Дело не в том, что Звездные владыки проявляют интерес к тебе. Такое, как нам известно, случалось и раньше. Дело в строении твоего мозга. Дрей, он не

продолжил фразы. Наконец он произнес: - Ты счастлив здесь, Дрей?

- Счастливей, чем когда бы то ни было в своей жизни, - за исключением, наверное, самого раннего детства, с отцом и матерью. Но я думаю, что к данной ситуации это не относится.

Он покачал головой.

- Я делаю все, что могу, Дрей. Я хочу, чтобы ты стал одним из савантов, занял свое место в городе, присоединившись к нам в том, что мы должны сделать, - когда полностью поймешь, что именно. Это нелегко.

- Масперо, - сказал я. - Этот город для меня - Рай.

- Счастливо покачаться, - попрощался он и направился к собственным покоям в доме.

- Масперо, - окликнул я его, - Девушка... Делия с Синих гор... вы исцелите ее?

Но он не ответил. Он вышел, и дверь за ним тихо закрылась.

На следующий день я увидел Делию на одной из вечеринок, проходивших ежедневно по всему городу. Там бывали пение, смех и танцы, официальные выступления, музыкальные конкурсы, поэтические семинары, художественные выставки - вся гамма настоящей живой жизни. В Качельном городе любой мог найти то, чего душа пожелает. В расслабляющей атмосфере вечеринки вращалось, наверное, человек двадцать. Устроила ее Голда, красавица с огненными волосами, смелыми глазами и роскошной фигурой - женщина, с которой я провел множество приятных вечеров. Она поздоровалась со мной. В руках у нее была книга - толстый том с множеством страниц из тонкой бумаги. Улыбнувшись, она подставила для поцелуя розовую щечку. Кожа у нее была очень гладкая.

- Тебе это должно понравиться, Дрей. Он издан в

Марлиmore. Это один разумно цивилизованный город, далеко отсюда, на одном из семи континентов и девяти островов. Легенды действительно самые прекрасные.

- Спасибо, Голда. Ты очень добра.

Она засмеялась, протягивая книгу. Ее платье из серебристой ткани ярко блестело. Я пришел на вечеринку в обычной белой рубашке с брюками и босиком. Волосы, в соответствии с обетом, данным на борту лодки-листа, были стрижены до уровня плеч, в честь вечеринки Голды я перетянул их повязкой с самоцветами - одним из множества подарков, полученных мной от друзей в городе.

- Ты рассказывала мне о Гахе, - напомнил Масперо, подойдя с кубком вина для меня, и сделал из своего кубка глоток.

Голда снова рассмеялась, но на этот раз в ее низком голосе почти открыто зазвучала иная нота.

- Гах, мой дорогой Масперо, - это и впрямь оскорбление для морских ноздрей. Они так упиваются своей первобытностью!

Гах являлся одним из семи материков Крегена, где рабство было традиционным институтом, где, как утверждали местные мужчины, самое большее, на что могла притязать женщина, - это на право быть прикованной и пресмыкающейся у ног мужчины, быть раздетой и нагруженной символами порабощения. У них имелись даже железные брусья в изножьях постелей, к которым можно было бы приковать женщину голой и держать всю ночь. Мужчины утверждали, что это заставляло девушек сильнее любить их.

- Такое поведение привлекательно для некоторых мужчин, - заметил Масперо. Произнося это, он смотрел на меня.

- На самом деле это патология, - сказала Голда.

- Они утверждают, что в этом заключается глубокая и многозначительная истина - это потребность женщины покоряться мужчине, и выводится она прямым из нашего первобытного прошлого, когда люди жили в пещерах.

- Но мы больше не рвем мясо зубами, не едим его полукопченым или сырым, - возразил я. - Мы больше не думаем, что детей надувает ветром. Гром, молния, буря и наводнение больше не считаются обозлившимися на нас богами. Люди есть люди. Душа человека растлевается, разъедается и разлагается, только если один человек поработает другого, какого бы он ни был пола и какие бы ни приводились благовидные доводы насчет различия полов.

Голда кивнула. А Масперо сказал:

- Ты прав, Дрей. Там, где речь идет о цивилизованных людях. Но в Гахе женщины тоже соглашаются с этим варварским кодексом.

- Ну и дуры же они, - бросила Голда и тут же поправилась: - Нет, я на самом деле хотела сказать не то. Мужчина и женщина - подобны и все же различны. И очень многие мужчины при мысли о женщине пугаются до глубины души. И слишком остро реагируют на это. Там, в Гахе, понятия не имеют, какова на самом деле женщина - что она такое как личность.

- Я всегда говорил, что женщины - тоже люди, - засмеялся Масперо.

Мы принялись болтать о модах, таинственным образом добравшихся из Внешнего Мира до Афразои. В городе имелось до обидного мало людей, пригодных для руководства. И требовались все. Позже Масперо сказал, что теперь он начинает чувствовать, что я действительно правильного склада как он выразился - один из немногих избранных, кто способен взвалить на свои плечи

ответственность савантов.

- Это будет трудно, - предупредил он. - Не думай, что жизнь саванта легка. Ибо ты станешь трудиться тяжелей, чем когда-либо прежде. - Он поднял руку, останавливая возражения. - О, я помню, что ты рассказывал мне об условиях на борту своего корабля. Но ты будешь оглядываться на те дни и считать их раем по сравнению с тем, что тебе придется испытать в качестве одного из нас.

- Рай - это Аффразия, - просто и искренне ответил я.

И тут мимо прошла Делия из Дельфонда. Ее лицо было столь же искажено от усилий при ходьбе, как и ее нога. Она громко и прерывисто стонала от взрывных вспышек боли.

Я нахмурился.

Хмуриться было легко и привычно.

- А что в раю насчет...? - спросил я Масперо.

- Об этом я не могу сказать тебе, Дрей, поэтому, пожалуйста, не спрашивай.

Заговорить в эту минуту с Делией было бы ошибкой.

Когда вечеринка закончилась и гости, крикнув друг другу "Счастливо покачаться!", прыгали на площадки своих качелей, я нашел Делию, без единого слова сунул ей руку под мышку и помог дойти до посадочной платформы, где стоял, весело болтая с Голдой, Масперо. Делия, один раз сердито, но безуспешно, попытавшись вырваться, позволила мне помогать ей. Она не разговаривала, и я догадался, что язык ей сковывали презрение к собственному состоянию и негодование на меня.

- Мы с Делией, - сообщил я Масперо, - договорились завтра отправиться покататься на лодке вниз по реке. Я заметил, что моя лодка-лист все еще причалена у вашей пристани.

Голда рассмеялась звонким веселым смехом. Она посмотрела на Делию очень добрым взглядом.

- Наверняка, Дрей, ты не должен ничего доказывать? Если бы только Делия могла... - Тут она поймала взгляд Масперо и оборвала фразу, а я потеплел в душе к Голде. Я еще много чего не понимал - и не в последнюю очередь то, какую настоящую задачу поставили перед собой саванты со всем их могуществом, что они намеревались осуществить на такой жестокой планете, какой был Креген.

Я поцеловал Голду в щеку и спокойно поклонился Делии, смотревшей на меня с выражением полного изумления, смешанного с озадаченностью, обидой, досадой и - не могло ли это быть насмешливой симпатией? Ко мне, заурядному Дрею Прескоту, только что выхваченному из жара и вонючего порохового дыма, устилавшего окровавленные шканцы моей жизни на Земле?

То, что она могла не встретиться со мной на причале, было исходом, к которому я был готов и в котором был вполне уверен. Но она ждала меня там, одетая в обыкновенную зеленую тунику и короткую юбку, в серебряных туфельках на ногах - одна жалко вывернута - и с камышовой сумкой в руке, заполненной всяческим добром - фляга с вином, свежий хлеб и палины.

- Лахал, Дрей Прескот.

- Лахал, Делия с Синих гор.

Масперо наблюдал, как мы отчаливали. Я достал пару весел и начал грести в старом знакомом ритме.

- Я подумал, что тебе, возможно, захочется посмотреть этим утром виноградники, - громко произнес я - эта фраза предназначалась для ушей Масперо - и направил лодку вниз по течению.

- Рембери! - крикнул Масперо вслед.

Делия, сидевшая на корме, повернула к нему лицо, и мы хором крикнули в ответ:

- Рембери, Масперо!

Я вдруг задрожал в розовом свете Антареса.

Мы не увидели виноградников. Я сделал круг, двигаясь вдоль противоположного берега озера. Зеленое солнце, которое восходило и заходило в независимом цикле, отбрасывало на воды более темное свечение.

Я заплыл в устье реки Зелф.

Мы мало разговаривали. Делия рассказала, когда я спросил, что несчастье случилось с ней из-за падения с животного, которое она называла зорк, - я понял, что это было что-то вроде лошади - около двух лет назад. Она не могла объяснить, как попала в город савантов. Когда я упомянул о трех погибших мужчинах в желтых одеждах, она озадаченно нахмурила брови.

- Мой отец, - произнесла она сдержанно, - перевернул весь мир, чтобы найти мне лечение.

Дождавшись, когда мы поднимемся достаточно высоко по реке, чтобы оказаться за пределами досягаемости любопытных глаз, я причалил к берегу. Здесь мы позавтракали - и было очень приятно сидеть в своей старой лодке-листе под изумрудным и алым солнцами Антареса, рядом с девушкой, которая интересовала и привлекала меня. И осушать вместе кубки с пряным рубиновым вином, есть свежеиспеченный хлеб, покусывать душистый сыр и жевать сладкие палины.

На берегу я сбросил белую рубашку и брюки и облачился в кожаную одежду охотника, спрятанную под сложенным одеялом на дне лодки. Мягкая кожа обвивала мне талию и скреплялась широким черным поясом с золотой пряжкой призом, добытым мной на арене. Через

левое плечо на кожаной перевязи висел меч савантов. Левую руку я обмотал прочными кожаными ремнями.

Я также надел кожаные охотничьи перчатки, одновременно гибкие и крепкие, с завязками на запястьях. Охотничьим сапогам предстояло еще оставаться в лодке, до тех пор, пока не понадобится двигаться пешком: не люблю носить обувь на борту судна, хотя мне и пришлось это делать, когда я стал ходить по юту.

Единственным предметом экипировки, которая не принадлежала к охотничьей экипировке савантов, был кинжал. Он, конечно, тоже был изготовлен в городе, но сделан из холодной стали и не обладал способностью парализовать, не убивая. Не единожды я спасал себе жизнь в свалке абордажа или при штурме, быстро убивая ножом в левой руке, - как я понимаю, в старину такое оружие называлось мэнгош* [Maingauche (франц.) - левая рука. (Прим. переводчика.)]. Теперь он снова послужит мне.

Делия удивленно воскликнула, когда увидела меня, но мигом вновь обрела привычную уравновешенность и насмешливо окликнула меня:

- И на кого же ты сегодня охотишься, Дрей Прескот? Наверняка ведь не на меня?

Обладай я более чувствительным характером, я ощутил бы себя дураком. Но я чересчур хорошо осознавал, что ждет впереди, чтобы позволить мелочам заставить меня свернуть с выбранного пути.

- Отчаливаем, - лаконично сказал я, сел в лодку, взялся за весла, и мы отплыли.

Если Делия и испытывала страх перед пребыванием в лодке наедине с мужчиной, то не показывала виду. Она до некоторой степени разобралась в характере савантов и знала, что такого поведения, как, например, у жителей

Гаха, в этом городе не потерпят. Снаружи - да, в пределах других городов да, поскольку то, что они там делали, никого другого не касалось. В родном Дельфонде неторопливая полуденная прогулка с мужчиной по реке означала определенно не более и не менее того, чего желали оба ее участника.

Когда я вытащил лодку на берег у подножия первых порогов и помог Делии выбраться, она поглядела на меня полными недоумения глазами.

- Ты должна идти со мной, Делия.

Она резко дернула головой, когда я назвал ее по имени. Но у меня не было времени обдумывать, что это означает. Разумеется, это имело какое-то отношение к тому, как я обратился к ней, но не к пути, на который мы ступили.

Мне пришлось ее нести. Делия, должно быть, угадала кое-что из задуманного мной, и я был совершенно уверен, что она не испытывала ни малейшего страха - или же, испытывая его, не позволяла мне заметить.

Оглядываясь на дикое и мучительное путешествие по реке Зелф к водопаду, я удивляюсь собственному безрассудству. Ведь я нес самый драгоценный предмет в двух мирах - и все же спокойно шел навстречу опасностям, которые обратили бы в паническое бегство любого другого человека, тем более безоружного. Не помню - и не хочу помнить, сколько раз я опускал Делию наземь, чтобы, выхватив меч, отразить атаку какого-нибудь разъяренного чудища.

Я прилагал непрерывные усилия, хитрость и грубую силу. Я рубил всех этих гигантских пауков, червей, жуков, что выползали, выпрыгивали или сваливались сверху. Все это время Делия оставалась спокойной и невозмутимой, будто в трансе, и, освобождая меня для

беспрепятственной схватки, двигалась следом с болезненными стонами, которые вызывали у нее подобные усилия.

Холодная сталь моего клинка не парализовывала. Она убивала.

Чудовища были умными и свирепыми. Но я был умней и свирепей, и в любом случае у меня было больше шансов - потому что я охранял Делию с Синих гор.

Мы достигли небольшого песчаного амфитеатра среди скал и вошли в пещеру.

Я взял Делию на руки, когда растаяло розовое свечение и выросло сверхъестественное синее сияние, - и рассмеялся.

Я - рассмеялся!

Делия не в силах была идти дальше и плотно сжимала губы, чтобы не дать вырваться стонам боли. Поэтому мне пришлось на руках отнести ее к молочному бассейну. Клочковатые испарения все так же поднимались с его поверхности. Я спустился по широкой лестнице. Жидкость лизнула мне ступни, ноги, потом грудь. Я нагнулся к Делии.

- Вдохни поглубже и задержи дыхание. Я вынесу тебя обратно.

Она кивнула и прижалась ко мне.

Я прошел последние несколько ступенек и постоял какое-то время, погрузившись с головой в молочную жидкость, которая не была обычной водой. Я снова почувствовал легкие поцелуи и покалывание миллионов иголок по всему телу. Прикинув, что у Делии скоро закончится воздух, ибо она, в отличие от меня, не могла долго оставаться под водой, я поднялся обратно вверх по лестнице.

Вся наша одежда, а также мой меч и пояс - все растаяло. Мы вышли из бассейна такими же нагими,

какими нам следовало войти в него.

Делия повернула голову и посмотрела мне в глаза.

- Я чувствую, - проговорила она. - Поставь меня на пол, Дрей Прескот.

Я опустил Делию из Дельфонда на каменный пол.

Ее покалеченная нога стала округлой, твердой - и грациозной, как ни одна другая ножка, когда-либо существовавшая во вселенной. Делия светилась красотой. Она выгнула спину, глубоко вздохнула, откинула назад прекрасные волосы и улыбнулась мне, ослепленная чудом.

- Ах, Дрей!

Но я признавал только ее - улыбку, светящиеся глубины в глазах. В тот миг во всех мирах для меня существовало только лицо Делии с Синих гор; все остальное исчезло в мареве, потеряв какое-либо значение.

- Делия, - выдохнул я и неудержимо задрожал.

- О, несчастный город! А теперь должно свершиться предопределенному! пронесся в неподвижном воздухе шепот.

Позади Делии из молочного бассейна поднялось огромное тело. По гладкой коже стекала жидкость. Сквозь белизну просвечивала розовая плоть. Мы были карликами по сравнению с ним. Делия вскрикнула и прижалась ко мне. Я обнял ее и вызывающе поднял голову. В этот момент я испытывал странное ощущение. Если первое погружение в бассейн крещения сделало меня новым человеком, то второе крещение омолодило и укрепило меня свыше всех пределов. Если раньше я чувствовал себя сильным, то теперь моя сила, казалось, выросла в десятки раз. Я пульсировал жизнью, здоровьем и энергией - вызывающий, дикий, ликующий.

- Покалеченная исцелена! - крикнул я.

- Убирайся, Дрей Прескот! - в голосе, исходящем из огромного тела, шелестела печаль. - Ты был почти готов, а саванты крайне нуждаются в людях вроде тебя! Но ты обманул ожидания! Убирайся вон и никогда не возвращайся. Рембери!

В моих объятиях была мягкая обнаженная фигурка Делии. Я наклонил голову и прижался губами к ее устам, а она ответила - радостно и с любовью, потрясшей меня до глубины души.

Я почувствовал, как вокруг меня сгущается, смыкаясь, синее свечение. Я уносился прочь от этого мира, от Крегена. И я закричал:

- Я вернусь!

- Если сможешь, - вздохнул голос. - Если сможешь!

Глава 7

ЗВЕЗДНЫЕ ВЛАДЫКИ ВМЕШИВАЮТСЯ

- Эй, Джок! - крикнул хриплый голос. - Вон какой-то бедолага выполз из джунглей!

Я открыл глаза. И понял, где нахожусь. Увешанный черепами деревянный частокол. Крытые листьями крыши. Дым костров. К берегу и поджидающим каноэ гнали вереницы черных невольников. Посередине реки бросил якорь в вонючую коричневую воду бриг. И вообще запахи были отвратительно знакомыми. О да, я понял, где нахожусь.

Резкий желтый свет солнца вызывал резь в глазах.

Я не считаю необходимым и даже разумным рассказывать о нескольких последующих годах. Мне удалось отплыть из фактории работорговцев, а потом в некотором смысле вернуться к прежней жизни. Продвижение к следующему званию все еще ускользало от меня; но теперь мне было все равно. Я жаждал вернуться на Кregen. Я не держал зла на савантов, зная, что по существу они добры, и считал, что просто не

понимаю ответов на вопросы. Я не смог уразуметь, почему они отказывались лечить Делию - мою Делию! Делия из Дельфонда, Делия с Синих гор! Сколько ночей я стоял на шканцах, глядя на звезды, - и всегда, всегда мои глаза искали красную звезду, называемую Антаресом. Там находилась моя надежда, единственное счастье, какое я хотел найти во вселенной.

Я знал, что со мной случилось. Меня вышвырнули из рая.

Из Рая. Я нашел свое царствие небесное, но мне не дали войти.

После моей жизни, полной боев и трудов, Афразоя была раем.

Теперь, когда я прожил долгие годы и много раз навещал Землю, всегда кажется, попадая в годы напряжения и потрясений, я могу спокойно говорить о своих тогдашних чувствах. Поэтому, чтобы вы могли лучше понять, кем я являюсь сейчас, говоря в ваш маленький звукозаписывающий аппарат, мне следует заметить, что за минувшие годы я нажил на Земле немалое состояние путем обычных деловых инвестиций. Но обладай я хоть в сто раз большей суммой в те дни, когда я опять ходил по шканцам и бросался в пороховой дым на Земле, я отдал бы все до последнего гроша, чтобы только вернуться на Креген под Антаресом.

Когда Патриотический фонд Ллойда вручил мне пятидесятифутовый почетный меч, я стиснул эту мишурную штуку с ее позолотой и искусственным жемчугом, испытывая острое желание вновь ощутить в руке твердую рукоять меча савантов.

Я считаю, что никто на Земле не может представить себе моего состояния души при мысли об алом и изумрудном солнцах Крегена, о пылающих в ночном небе семи лунах на фоне созвездий, совершенно чуждых небу

Земли. Мучительные сожаления толкнули меня на странный шаг. Я приобрел скорпиона и держал в клетке. Часто я подолгу пялился на безобразное создание, надеясь, что меня охватит знакомая дремота. Матросы ругали тварь, когда приходилось готовиться к бою. И когда убирали и сносили переборки и перегородки между каютами, я отправлял скорпиона в трюм вместе с прочим добром.

Началась война на Пиренейском полуострове, и меня назначили первым лейтенантом на борту "Роскоммона" - семидесятичетырехпушечной старой лохани, где капитаном служил один из знаменитых безумных капитанов из командного состава Королевского флота. Совершенно очевидно, меня ждала карьера вечного лейтенанта, пока я не поседею и меня не выбросят под конец жизни гнить на берегу с половинным жалованьем. Не предполагалось одного волоса у меня не поседеют еще тысячу лет.

Мы провели множество операций - интересных только тем, что представляли собой сильное успокаивающее средство от моей душевной боли. Однажды мы взяли восьмидесятипушечный французский корабль и торжествовали по этому поводу. Я слышал, как офицеры отмечали мою поразительную свирепость и неистовство во время абордажа. Меня это не трогало. После боя, истощив эмоции, я стоял на юте, держась за поручни, как обычно, обратив взор к небесам. Альфа Скорпиона насмешливо светила в глаза рубиновым огнем.

Не глядит ли на меня злым взглядом синий силуэт скорпиона?

Я поднял руки к небесам.

Услышав крики квартирмейстера и вахтенного гардемарина, звавших старпома, я не обратил на это

внимания. Синее свечение усилилось. Есть. Есть!

Я потянулся к нему, чувствуя, как синий свет вбирает в себя мое сознание, - и закричал, громко и торжественно:

- Креген! Делия! Делия из Дельфонда! Моя Делия с Синих гор! Я вернусь! Вернусь!

Я открыл глаза на песчаном пляже, слыша рокот огромных волн. Меня охватило болезненное отчаяние. Встав, я взглянул на бушующее море, берег, линию кустов вдали, а за ней огромную и широкую равнину, раскинувшуюся до горизонта.

Сила тяжести... Ощущение воздуха! Да! Этот мир - Креген под Антаресом. Но где же город? Где река Аф? Где Афразоя, город савантов, Качельный город?

Мои глаза быстро приспособились к теплomu розовому свету, но я не видел того, что хотел увидеть. Я врезал кулаком по песку. В каком же месте этого мира я, черт возьми, очутился? Может, на Лоше, континенте тайн, вуалей и спрятавшихся за стенами садов? Или на Гахе, жалком подобии болезненных мужских грез, где женщин приковывают к кроватям? А ведь были еще Хавилфар и Турисмонд - континенты, о которых я ничего не знал, а также девять больших островов и моря между ними.

Как же я клял несовершенство своего знания Крегена!

Между мной и огромным палящим красным солнцем пронеслась тень. Я увидел алую птицу с золотым оперением на шее и голове и вытянутыми черными лапами с грозными когтями (ну прямо имперский орел!!!), неподвижными и величественными широкими крыльями. Она описывала надо мной круги. Я встал и погрозил Гдойнаю кулаком. Он издал резкий каркающий крик. Понаблюдав какое-то время, он начал

подыматься по спирали все выше и выше, лениво взмахивая мощными крыльями. Когда он превратился в крошечную точку в небе, я услышал внезапно оборвавшийся крик. Женский крик.

По пляжу позади меня бежала девушка.

Это могла быть только Делия.

С громким криком радости я бросился к ней.

Дьявол меня побери, если меня волновало, в какой точке этого мира я очутился, если рядом со мной будет Делия с Синих гор.

С дюн позади Делии выскочила группа всадников. Они скакали на странных животных, с коротким телом и четырьмя длинными тонкими ногами, из-за которых рост в холке был куда выше, чем у любого коня. Изо лба у каждого рос винтовой рог. На всадниках горели золотом высокие шлемы. Одеты они были в кожаные безрукавки лилового цвета с медными заклепками. В руках было оружие. Они настигали Делию намного быстрее, чем я мог добраться до нее. Она, как и я, бежала совершенно обнаженная.

Воздух в легких опалял, как огонь. Я совершал фантастические прыжки, мои земные мускулы насмехались над притяжением Крегена. Снова я дал своей земной мускульной мощи встать на защиту этой девушки. Теперь мои скачки покрывали поистине фантастическое расстояние. При каждом прыжке во все стороны летел песок. Но всадники настигали Делию, и теперь я разглядел, что это не люди, хотя они и обладали двумя руками и двумя ногами. Их лица больше напоминали морду памятного мне по дому большого пестрого кота. Глаза-щелки так и горели. Я закричал, а потом поберег дыхание для бега.

Делия выбросила вперед обе руки, споткнувшись о выброшенный на берег плавник, и упала. Я услышал ее

крик:

- Дрей Прескот!

Всадник протянул мохнатую руку вниз, обхватил Делию за талию и перекинул поперек седла лицом вниз. Я ринулся вперед как сумасшедший. Я не мог, в конце концов, так просто потерять ее. Только не теперь, едва только вновь нашел!

Всадник натянул поводья, и мускулы его длинных конечностей с силой напряглись. Полетели тучи песка. Скаун осадил назад, пронзительно заржав, восстанавливая равновесие. Но этих нескольких драгоценных мгновений мне хватило, чтобы дотянуться до стремени. Схватив всадника за сапог, я рванул так, словно собирался оторвать ногу.

Он завизжал, и что-то сильно хлопнуло меня по плечам. Я поднял горящий взгляд. Делия застонала. Всадник в ярости отшвырнул плетъ, выхватил длинный изогнутый меч и занес его над головой, Я вскинул руку, зажал локоть противника меж пальцев, вывернул и услышал, как хрустнули, ломаясь, кости. Всадник снова пронзительно завизжал.

Делия открыла глаза. Они потемнели от ужаса.

- Сзади!

Я резко обернулся, успел увернуться, и кривой меч рассек воздух. Теперь всадники гарцевали вокруг меня, мечи взлетали, плетя стальную сеть. Я снова потянулся к существу, которому искалечил руку. Он испустил режущий уши визг и отчаянно натянул поводья. Зверь встал на дыбы, пытаясь сбросить меня. Молча, увертываясь от разящего меча, я снова прыгнул, очутившись на крупе скакуна. Он был настолько велик, что я наполовину висел, обвив левой рукой талию всадника, а правой отводя назад его голову в надменном золотом шлеме. Услышав, как хрустнули, ломаясь,

позвонки, я сбросил тело прочь. Скользнув в седло, я схватился за поводья и ударил пятками бока зверя. Тот задрожал, фыркнул и скакнул вперед. А затем мир вдруг завертелся в снопах искр. Я увидел, как подымается ко мне песок, и почувствовал твердость врезающейся в лицо почвы.

Должно быть, они решили, что я убит.

Когда я очнулся с болью и головокружением и огляделся, берег был безмолвен и пуст, только жалкое куцее тело убитого животного да растянувшийся за ним всадник напоминали о развернувшейся недавно трагедии.

В миг успеха, на грани спасения подо мной убили скакуна. Оружие все еще торчало из бока бедного животного. Это было копье длиной футов восемь, с тяжелым бронзовым наконечником, не особенно острым. Весьма неудобная штука.

Под всадником - впоследствии я узнал, что этих подобным кошкам полулюдей называли фрислами - я нашел его кривой меч, похожий на шамшер. Несмотря на сломанный локоть, он не выпустил рукоять. Когда я сбросил его с седла, он упал так, что рукоять ударилась оземь и острое клинка вошло в живот. Окровавленное острое выступало из спины чуть не на восемь дюймов. Кровь почернела и запеклась. Несколько мух - ибо они существуют везде улетели, когда я приблизился.

Ногой перевернув убитого на спину, я вынул эфес из его руки и, упершись ногой в тело, вытащил меч, после чего тщательно вычистил лезвие песком. Мыслил я еще не вполне четко. Пользоваться одеждой этого существа я не хотел, поэтому только отрезал кусок лиловой кожи и сработал набедренную повязку на манер охотничьей одежды савантов, затем отрезал от туники столько, чтобы хватило обмотать вокруг левой руки. Сапоги мертвеца оказались мне почти впору. Меч в кожаных ножнах я

повесил на перевязи за спину. Я чувствовал, что как только снова наткнусь на этих кошко-людей, убью очень многих, прежде чем они снова смогут отнять у меня Делию из Дельфонда.

Раздался стук копыт, приглушавшийся песком. Услыхав этот звук, я выхватил меч и повернулся лицом к приближавшемуся всаднику. Ветер уже засыпал песком следы копыт, и не было возможности понять, куда увезли Делию.

- Лахал, - поздоровался всадник. - Лахал, Джикай.

- Лахал, - ответил я. Слово "Джикай", произнесенное с различной интонацией, могло означать просто "бей!", а также "воин", "благородный воинский подвиг" или множество других родственных понятий, связанных с честью, гордостью, статусом воина и, как неизбежно, убийством. Делия с Синих гор тогда произнесла его, не только чтобы выразить восхищение, но и как команду. Я изучил незнакомца взглядом, а затем произнес:

- Лахал, Джикай.

Ибо он явно был воином.

Я допустил ошибку. На его лице появилась недовольная гримаса. Он указал на мертвого воина и скакуна.

- На самом деле это я должен называть тебя "Джикай". Что я сделал такого, о чем ты знаешь?

- Я нисколько не сомневаюсь, что ты могучий воин, - ответил я. - Я ищу девушку, которую забрали эти... существа.

У незнакомца было открытое честное лицо, загоревшее под лучами Антареса, и выцветшие светлые волосы. На луке седла висел стальной шлем, а скакун был из породы тех же странных длинноногих созданий, что лежало мертвым у моих ног. Незнакомец носил красновато-коричневую кожаную одежду, отделанную

кисточками и бахромой на манер, модный в Новой Англии. Он сидел подтянуто и в то же время расслабленно; его вид говорил о мастерстве всадника.

- Я Хэп Лодер, джиктар из клана Фельштраунг, - последнее слово он произнес глухо, с громким призвуком, будто откашливался. Это прозвучало угрожающе, гордо и высокомерно.

- Я - Дрей Прескот.

- Теперь, когда мы совершили паппату, я немедленно сражусь с тобой.

Меня теперь могло поразить очень немного. И в любое другое время я с удовольствием сразился бы с ним. Но сейчас мне было настоятельно необходимо найти Делию.

Он спешил.

- Ты не сказал мне, видел ли ты девушку, - начал было я. Перед глазами у меня сверкнула пика.

- Варвар неотесанный! Разве ты не знаешь, что мы не можем говорить ни о чем, кроме оби, пока не сразимся и не дадим или не возьмем оби?

Меня охватил гнев. Паппату, понял я, означало представление друг другу. Формальности были соблюдены. Теперь этот идиот ничего не скажет о Делии, пока не сразится со мной. Ну что же... Мой трофейный клинок сверкнул. Я не заставлю себя упрашивать.

Хэп Лодер вернулся к высоконому животному, прикрепил тонкую упругую пику к стремени и вернулся с двумя мечами. Теперь в одной руке у него был длинный, тяжелый прямой палаш, в другой - короткий меч для нанесения колющих ударов, наподобие гладиуса.

- Я вызвал тебя на бой. Какой меч против того, что у тебя есть, ты выберешь?

Я посмотрел Хэпу Лодеру в глаза. Пусть мне не терпелось покончить с этим делом, но я умел узнавать

честь, когда сталкивался с ней. Этот молодой человек предлагал мне шанс остаться в живых, а себе - умереть. Мощный палаш, конечно, не устоит против моего шамшера, разве что на песке. Я кивнул на гладиус.

Он улыбнулся.

- Для меня это не имеет значения, - сказал я. - Но давай поспешим.

Хэп Лодер был мне весьма симпатичен - и явно, как подтвердилось позже, отличался честностью и бесстрашием.

- Думаю, ты сам выбрал бы короткий меч, - добавил я.

- Да, - согласился он и, взяв меч за рукоять, отправил длинный палаш обратно в ножны, пристегнутые к седлу скакуна. - Если ты победишь, я буду не прочь дать оби. Но я не желаю умирать без надобности.

На этом изящном логическом доводе наша беседа закончилась.

Хэп Лодер был прекрасным фехтовальщиком, и все же самые прекрасные преимущества быстрого и стремительного гладиуса пропадали теперь втуне. Гладиус лучше всего применять вместе со щитом, особенно в рядах сражающейся армии, где каждый полагается на своего соседа, в тесной и потной свалке ближнего боя, когда короткий меч - господин и повелитель. В принципе большой палаш хитрый и ловкий противник в силах переиграть, и думаю, Хэп Лодер сделал лучший выбор. Но он не мог тягаться с демонической одержимостью, подгонявшей меня.

- Джикай! - крикнул он и сделал выпад.

Я тоже сделал несколько быстрых выпадов, заставивших клинок противника остановиться и заколебаться, а затем старым приемом "крученной петли" отправил гладиус в полет. Мое острое взлетело к горлу

Хэпа. Его глаза широко раскрылись от неожиданности.

- А теперь, Хэп Лодер, рассказывай побыстрей! Ты видел девушку, увозимую тварями наподобие этой падали?

- Нет, Дрей Прескот. Я говорю правду. Не видел.

Он выпрямился, отступив, и встал по стойке "смирно". Затем приложил ладони к глазам, ушам, рту и, наконец, сцепил на груди, возле сердца.

- Я приношу тебе оби, Дрей Прескот. Глазами я буду видеть в тебе только хорошее, ушами слышать о тебе только хорошее, устами говорить о тебе только хорошее. И, если хочешь, вот тебе мое сердце - хоть ешь его.

- Не надо мне твоего сердца, - разозлился я. - Мне нужно знать, где девушка, Делия с Синих гор!

- Знай я об этом, мои знания были бы твоими.

Я стоял, растерянно глядя на него. Это был гордый, честный молодой человек и прекрасный фехтовальщик. Он наверняка сражался много раз и, похоже, все время брал оби.

Он неловко пошевелился, потом нагнулся и поднял меч. Я бдительно следил за ним. Однако он взял клинок за лезвие и направился обратно к своему скакуну. С минуту он разговаривал с животным, успокаивая его. Я ощутил легкий укол от воспоминаний об отце.

Хэп Лодер вернулся, ведя скакуна под уздцы.

- Мой зорк - твой, Дрей Прескот, поскольку ты пеший, а это недопустимо для кланнера.

Зорк! Так вот, значит, животное, упав с которого Делия повредила ногу!

- А разве ты сам не кланнер? И разве тебе не придется быть пешим?

- Да. Но я принес тебе оби.

- Хмм...

Следующий вопрос родился сам собой:

- В какой стороне находится Афразоя, город савантов?

Лицо кланнера выразило недоумение.

- Тут только один город. Я никогда не слышал ни о каком другом.

Именно такого ответа я и ожидал. Меня, должно быть, высадили в каком-то отдаленном изолированном районе Крегена. Потом болезненно открылась правда. Как раз Афразоя и была изолированной и спрятанной. Эти же люди принадлежали планете Кregen и жили обычной человеческой жизнью.

Все, что я мог сделать, - это отправиться вместе с Хэпом Лодером и узнать у него все, что в моих силах. Я найду Делию, найду! И чтобы найти ее, я должен разузнать как можно быстрее, чертовски быстро, все, что только сумею.

Я изучал взглядом зорка с единственным витым рогом. Седло на нем было богато изукрашенное, но вполне функциональное и удобное, а стремяна низкие - значит, здесь не будет ничего похожего на согнутые ноги и спины жокеев со скачек с препятствиями на Роттен-Роу* [Аллея для верховой езды в лондонском Гайд-парке. (Прим, переводчика.)]. В таком седле можно ехать долго. Я решил, что вполне справлюсь.

Кроме пары мечей и упругой пики Хэп Лодер имел также секиру особого типа, выглядевшую весьма впечатляюще - обоюдоострая, увенчанная шестью дюймами стального плоского лезвия, а также короткий составной лук. Я с изумлением посмотрел на его арсенал, затем снова на лук, и ощутил уважение. Он мог застрелить меня задолго до того, как я до него доберусь. Я вскинул бровь и поглядел на него.

- Покажи, как ты умеешь стрелять, Хэп Лодер.

Он охотно выполнил просьбу. Быстрым

тренированным движением натянув тетиву, он взглянул на меня, словно оправдываясь.

- Это легкий охотничий лук, Дрей Прескот. Мощность его невелика. Но я с радостью покажу тебе свое умение, брат по оби.

На песке, в пятидесяти ярдах от нас, валялся кусок плавня.

Хэп Лодер всадил в деревяшку четыре стрелы с такой быстротой, с какой он только мог натягивать и отпускать тетиву. Это произвело на меня впечатление.

Может быть, в конце концов, ему требовалось только это оружие.

К седлу также было приторочены разные доспехи. По большей части стальные, хотя попадались кое-какие из бронзы. Все это выглядело так, словно он собирал доспехи в разные времена по всему свету. Он объяснил мне, что джиктар - это командир тысячи воинов, и мое уважение к нему возросло. От клана Фельштраунг нас отделяло меньше десятка миль. Пока я говорю о расстояниях, пользуясь земными мерами. Когда придет время, я поподробнее расскажу вам о крегенских способах измерения расстояний, времени и количества. Последние, связанные с двумя солнцами и семью лунами, сложны и очень интересны.

Годами я рвался вернуться на Креген. Теперь нельзя терять времени.

- Жди меня здесь, Хэп, - сказал я и вскочил в седло. Ощущение было странное и одновременно знакомое, но в целом бодрящее. Не то же самое, конечно, что взлетать и опускаться на афразойских качелях, но, когда я скакал и ветер развеивал мои волосы, то испытывал похожее ощущение свободы и торжества.

Я найду Делию. Найду!

Я вернулся, осадил скакуна перед Хэпом Лодером и

спрыгнул на землю.

- Мы пойдем пешими, Хэп.

И мы направились к клану Фельштраунг.

Прежде чем покинуть место нашей встречи, Лодер вытащил копье фрислов из бока убитого зорка.

- Негоже зря терять оружие, - сказал он.

- Откуда они взялись, Хэп? Куда они могли увести Делию?

- Не знаю. Возможно, мудрецы ответят тебе. Мы лишь недавно обосновались в этих краях. За год мы преодолеваем много миль. Мы вечно кочуем по прериям.

Вскоре мы оставили море позади, и тут я сообразил, что за все это время не видел ни одного паруса.

Я узнал, что по равнинам этого континента, называвшегося, по словам Хэпа Лодера, Сегестесом, кочевало много кланов, и между ними шла непрерывная война, когда огромные скопища людей и животных перемещались с одних пастбищ на другие. Город же, который был единственным известным Хэпу городом и которого он ни разу не видел, назывался Зеникка. В голосе и словах кланнера, когда он говорил о Зеникке, сквозила не только ненависть, но и презрение.

Пройдя несколько миль в глубь материка, мы наткнулись на охотничью партию, с которой Хэп Лодер расстался, погнавшись за зверем, - которого, между прочим, так и не догнал, - и меня представили. В тот же миг, как мы совершили паппату - необходимую прелюдию к вызову на поединок, Хэп крикнул, что он принес мне оби.

Я увидел растущее уважение на бронзовых лицах кланнеров. Отряд насчитывал дюжину охотников. Двое из них, судя по всему, все равно вызовут меня на бой - по обычаю кланнеров, всякий мог вызвать другого на взятие оби. Но остальные признали, что если я побил Хэпа

Лодера, то побью и их. Хэп надменно смотрел на сдавшихся. Среди кланнеров правили честь и гордость. Слабость сразу же замечали и искореняли. В дальнейшем я узнал о сложных ритуалах, управляющих жизнью кланнеров, о том, что существуют не только дуэли, но и выборы. Но в то время я оглядывался, готовый, если понадобится, драться со всеми и каждым. И, согласно обычаю, сочти я нужным это сделать, Хэп сражался бы рядом со мной, пока нас не убьют либо пока нам не принесут оби.

Один из охотников, угрюмый великан, все-таки решился. В любой группе, похоже, всегда найдется один такой - негодующий на свое поражение, виня в этом случай или невезение, и всегда мстительно высматривающий случай вернуть то, что считает своим по праву. Этот, как потом выяснилось, был смещенным джиктаром. Сразу же по завершении паппату он спрыгнул с зорка и насмешливо бросил мне:

- Я немедленно сражусь с тобой.

Хэп напрягся и произнес:

- Согласно обычаю, да будет так.

Этот парень, его звали Ларт, стоял, покачиваясь на пятках, выставив копьё со стальным наконечником. Я поймал взгляд Хэпа. Тот кивнул на свое копьё, притороченное поперек седла зорка.

- На копьях, Дрей.

- Да будет так, - согласился я.

Как я и предполагал, у копья оказалось тяжелое острие и легкое древко. Для броска оно подойдет, использовать его с такой целью разумно и хорошо да, пожалуй, именно так его и применяли. Но если Ларт бросит свое, а я увернусь, он останется безоружным.

Когда мы осторожно кружили друг вокруг друга, я понял, что Хэп вызвал меня биться на мечах потому, что

я держал в руках именно это оружие. Должно быть, это был один из обычаев.

Ларт бросился на меня, коля и молотя на ходу, надеясь смутить меня быстротой и свирепостью. Я ловко отпрыгнул в сторону, не дав нашим копьям соприкоснуться. Меня прищпоривало то же отчаяние, что и в схватке с Хэпом Лодером. Мне требовалось найти Делию, а не гарцевать тут попусту, сражаясь на копьях со здоровенным, исполненным мщения быдлом. Но я не собирался убивать его ни за что ни про что. По крайней мере, этому меня саванты научили.

Но судьба решила иначе. Быстро взмахнув бронзовым наконечником, я сделал финт влево, крутанул вправо и совершил выпад.

Ларт стоял с глупым выражением лица, цепляясь за древко моего копья, насквозь пронзившего его тело. Из раны по древку сочилась густая кровь. Когда я, резко рванув на себя, выдернул копье, кровь хлынула ручьем.

- Ему не следовало вызывать меня, - произнес я.

- Ну, - Хэп Лодер хлопнул меня по плечу. - Но одно уже наверняка. Ларт отправился в Туманные Равнины. Теперь он не сможет принести тебе оби.

Остальные засмеялись.

Я - нет. Дурак, конечно, сам напросился, но я поклялся никогда не убивать - кроме случаев, когда не останется другого выхода. Потом я вспомнил более важную для меня клятву.

- Если кто-то из вас, - бросил я, - видел девушку, взятую в плен фрислами, расскажите мне, быстро и правдиво.

Но о Делии никто ничего не слышал.

Как полагалось по обычаю, я взял зорка Ларта. Все его имущество должно было стать моим, после того как вожди клана вынесут решение. Окруженный кланнерами,

я поехал к шатрам клана Фельштраунг. Делия казалась теперь страшно далекой.

Глава 8

Я БЕРУ ОБИ У КЛАННЕРОВ ФЕЛЫНРАУНГА

Я, Дрей Прескот с Земли, сидел среди кланнеров, несчастный, сгорбленный, в шатре убитого мной человека и ощущал только бессильный гнев, муку и ад подавленности и печали.

Делия погибла.

Мне сообщили об этом вожди клана. Дозорные видели фрислов, подвергшихся нападению, как они выразились, "странных зверей верхом на странных зверях". Сомнений не оставалось. Но сомнения должны были оставаться. Как Делия могла погибнуть? Это немыслимо, невозможно. Это ошибка. Я сам расспросил дозорных, раздражаясь от паппату и время от времени бросаемых вызовов на поединок. Правда, все стойбище знало, что Хэп Лодер, джиктар тысячи воинов, принес оби Дрею Прескоту, и меня мало кто вызывал на бой. Я узнал про обычаи кланнеров и про то, как получалось, что десять тысяч бойцов могли жить вместе, не вызывая постоянно друг друга на бой. При первой встрече оби могли дать или взять. Впоследствии дело решали мудрецы и вожди клана, обычай и необходимость, и выборы, когда вождь умирал или погибал в бою. Меня все это раздражало. Я искал по стойбищу людей и задавал вопросы - достаточно легко, после того как убил троих и взял оби у остальных - у двадцати шести человек. Рассказы дозорных сводились к одному и тому же. Странные звери, едzące на странных зверях, напали на фрислов и перебили весь отряд.

Поэтому я, Дрей Прескот с Земли, сидел в своем шатре из шкур, окруженный трофеями, добытыми в результате моих поисков, и с болью размышлял об

утраченном.

Но я не переставал сомневаться. Наверняка во всем мире не найдется настолько глупого человека, способного убить такую замечательную красавицу, как Делия из Дельфонда. Правда, нападавшие были вроде бы зверьми. Я содрогнулся. Неужели они не разглядели в Делии красавицу? А впрочем... Мне в голову пришла ужасная мысль... Если это произойдет, лучше уж Делии погибнуть.

Я надеюсь, что вы, слушающие пленки на магнитофоне, простите меня, если я не стану задерживаться на описании жизни среди кланнеров Фельшраунга. Я провел с ними пять лет. Не состарился. Путем вызова на бой, выборов и поединков я поднялся в иерархии, хотя и не стремился к этому. Изумительно и отрезвляюще действует осознание мощи десяти тысяч бойцов, принесших оби одному человеку. К концу этих пяти лет кланнеры Фельшраунга все до одного принесли мне оби - либо в результате победы в схватке, либо косвенными методами признания, со всеми требуемыми оби церемониями.

Все это, конечно, мало для меня значило.

Положение было навязано мне главным образом обстоятельствами и стремлением спасти собственную шкуру. Я знал, почему хочу жить. Не говоря уж о моем отвращении к самоубийству, как я оправдаюсь перед самим собой в Туманных равнинах, если Делия из Дельфонда все еще жива и нуждается во мне?

В иные дни, когда мы ехали на зорках под порывами ветра по широким равнинам, я начинал думать, что Делия и впрямь мертва. Но потом, когда хлестали дожди и по равнинам ползли выючные животные и бесконечные колонны повозок, тонувших по оси в грязи, я снова надеялся, что она жива. Я часто ловил себя на вере в то,

что Делию каким-то чудесным образом перенесли обратно в Афразю, город савантов. Меня изгнали из этого рая за оказание ей помощи. Может быть, теперь саванты пересмотрели свой вердикт? Мог ли я опять ждать встречи с Качельным городом? А то, что под моим началом находилось десять тысяч самых свирепых бойцов, каких я когда-либо возглавлял, было случайностью.

Главным оружием кланнерам служил составной изогнутый лук. Я тоже освоил искусство попадания пятью стрелами в пять глаз чункры. Чункра домашняя скотина, большегрудая, рогатая, свирепая; ее мясо превосходно в жареном виде. Я нуждался в подобных навыках владения луком, ибо не раз во время выборов соперники, с которыми я дрался, желали взять у меня оби с помощью лука. Я находил первобытное удовольствие в том, чтобы мчаться верхом на зорке или ваве навстречу противнику, одетому, как и я, в кожаный охотничий костюм, с луком против лука, ускользя от его стрел и отправляя свои глубоко ему в грудь.

Кланнеры применяли древнюю и отлично продуманную систему военных действий. Они использовали стада чункр, которые неслись, сотрясая землю, для прорыва вражеских частоколов и поставленных в круг фургонов, хоть и считали это напрасной потерей мяса. Они оборонялись, когда возникала надобность, из-за плотно сомкнутого круга повозок. Но самую горячую радость им доставляли верховые животные - вавы и зорки. В качестве кланнера я делил с ними два совершенно непохожих развлечения: атаковать бок о бок массивной лавой вавов и описывать изумительные пируэты на проворных зорках, пока молниеносно посылаемые стрелы косили вражеские ряды.

Для первого удара вавов, когда земля содрогалась от грохота копыт, кланнеры применяли длинную, тяжелую, берущуюся наперевес пику, окованную сталью. Потом хватались за секиры, с которыми становились неудержимыми. Палаш применяли часто, но, как правило, только после того, как секира разлеталась или срывалась с темляка. С опытом орудования абордажным топором на родной Земле, я был в состоянии постоять за себя. Но у секиры относительно короткая режущая кромка, палаш же наносит раны почти всей длиной. Даже с зорков и вавов, сидя в высоких седлах, враги не могли одолеть меня секирами. Я обнаружил, что в свалке кавалерийского боя, когда могучие вавы сражались голова к голове и размахнуться становилось почти что негде, топор мог причинить куда больше ущерба, уверенно пробивая насквозь сталь, бронзу и кость. Он становился полезным оружием. Но когда давка усиливалась и поднималась пыль, душа, слепя и разъедающая залитые потом глаза, набиваясь даже за наши платки, - вступал в дело короткий меч, и его колющие удары позволяли в два счета разделаться с противником, недоступным для секиры.

Некоторые кланы Великих равнин довольно благосклонно относились и к сбалансированному метательному ножу. Терчик, как кланнеры называли его подозреваю, не столько за форму, сколько за издаваемый звук, - разил быстро и метко. Однако считался женским оружием. Горячие зеленоглазые загорелые девушки кланов умели метать терчики с безупречной меткостью. Во время брачной церемонии жених становился пред невестой у набитых травой мешков, и та всаживала в них полный колчан терчиков. Потом, когда запас средств самозащиты иссякал, жених, смеясь, заключал невесту в объятия и, бережно усадив на вава, отправлялся с ней в

свадебное путешествие.

Вавы - это крупные восьминогие звери, рогатые, хохлатые, с диковатым норовом. Лохматая шерсть отликает красно-коричневым цветом в лучах солнц Антареса. О выносливости вавов ходили легенды. День за днем, во время долгой непрерывной погони, их сердца исправно качают кровь, пока животное не рухнет замертво, все еще порываясь мчаться дальше. Они несли в бой главные боевые силы кланнеров, нанося удар массой и силой. Зорки отличались большей легкостью и быстротой бега, но не обладали внушающей трепет выносливостью вавов.

Через пять лет возникла необходимость покорить клан Лонгуэльм. Опять же это принесло минимальную радость. Хэп Лодер, ставший моей правой рукой, заметил, что я мог бы, если пожелаю, сплотить всех кланнеров Великих равнин в единую могучую боевую силу.

- Зачем, Хэп? - спросил я.

- Подумай о славе! - Лицо Лодера отразило увиденные радужные перспективы. - Перед такой мощью ничто не устоит. И ты можешь добиться этого, Дрей.

- А если добьюсь, с кем мы будем драться?

Лицо у него вытянулось.

- Об этом я не подумал.

- Наверно, - сказал я ему. - Именно потому, что тогда не с кем будет драться, это, возможно, и предстоит сделать.

Он действительно не понял меня.

За пять лет у меня набралось немалое по любым меркам богатство. Мне принадлежали тысячи зорков и вавов и десятки тысяч чункр. Я распоряжался правами жизни и смерти двадцати тысяч бойцов и в три раза большего количества женщин и детей. На моих повозках

имелись сундуки с драгоценностями, редкими пандахемскими шелками, пряностями из Аскинарда, резной костью из джунглей Чема. Стоило щелкнуть пальцами - и ко мне примчалась бы дюжина самых прекрасных девушек, каких только можно сыскать, чтобы танцевать передо мной. Вино, еда, музыка, литература, добрая беседа и знания мудрецов - все было бы моим, только пожелай.

Но все это время я лишь существовал, ибо меня интересовала только Делия с Синих гор, а после нее - Афразоя, где вся роскошь, все изыски культуры были бы неизмеримо слаще на вкус.

Жизнь, однако, требовалось прожить.

Если я создал впечатление, что оби является всего лишь делом вызова и относительно бездумного размахивания оружием, то я оказался несправедлив к кланнерам. Все обстоит куда сложнее. От мудрецов, например, никто не ждал, что они со своей старческой прозорливостью будут постоянно вскакивать, махать мечом и стрелять из лука. Система выборов поддерживала равновесие, в конечном счете, это было выгодно клану. Вождь всегда являлся прекрасным бойцом, что весьма полезно, учитывая условия жизни на Великих равнинах Сегестеса.

Я знал, что могу рассчитывать на абсолютную и фанатичную верность всех до единого бойцов кланов Фельшраунг и Лонгуэльм. Я сделал своей задачей выпалывание личностей вроде покойного Ларта. Первый лейтенант королевского флота быстро научится управлять любыми людьми. Я испытывал извращенную гордость, что мои ребята служили мне, не нуждаясь в плетке, и мнил также, что они испытывают ко мне некоторую приязнь. Я не был бы человеком, если бы меня это не радовало.

Но это недостаточная замена тому, что я потерял.

Надо сказать, рабов кланнеры не держали. Так что не было никакой необходимости заниматься их освобождением - со всевозможными последующими слезами, смятением и трагедиями. Вторжение рабства на Великие равнины препятствовало бы преданности и приязни между человеком и человеком, между мужчиной и женщиной. Мы носились, как степной ветер, и, подобно ветру, появлялись тут и там, исчезая прежде, чем успевали заметить неуклюжие смертные. На Великих равнинах под семью лунами Крегена мистицизм приходит легко.

Большинство поединков оби проводилось верхом. То, что первые поединки я провел на ногах, обеспечило мне несомненное преимущество. Кланнер живет в седле. Когда юноша и девушка соединяются после брачной церемонии, которая проходит с одобрения старейшин, они едут дальше на своих скакунах, и это естественное продолжение известной им жизни. Я это понимал. Среди многих языков Крегена - а я достаточно скоро научился говорить не только по-крегенски, но и на наречии кланнеров - существует много различных названий для красного и зеленого солнц, и для каждой из семи лун и каждой из фаз. Если возникнет необходимость, я буду употреблять наиболее подходящие названия, поскольку названия и имена на Крегене очень важны важнее, чем на Земле. Благодаря названию и имени первобытный человек чувствует, что обладает внутренней природой названной вещи. Названия даются не просто так, и коль скоро они даны, значит, объекты пользуются уважением. Да, имена и названия очень важны, об этом не следует забывать.

Я не буду пока рассказывать о кланнерах Сегестеса и перейду к событиям одного дня ранней весны -

крегенские времена года сменяются так же, как и наши, поэтому там есть время сева, время сбора урожая и время пиров. Но два солнца вызывают неизбежные элементарные отличия, постоянно, год за годом меняющиеся. В тот день я ехал во главе охотничьей партии. Воины скакали весело и беззаботно, ибо жизнь была хороша. Они говорили, что никогда не знали столь великого вождя, столь неистового зоркандера, чем Дрей Прескот.

Мы углубились далеко на юг, оставив много миль между собой и блистающим морем, для которого у кланнеров нет названия, ибо они - дети Великой равнины. Нам удалось присоединить к своим пастбищным угодьям новые участки, благодаря слиянию с кланом Лонгуэльм. Это и являлось одной из причин для дальнейшего продвижения моей дипломатии мечей.

Мы вступили в края, неизвестные кланнерам Лонгуэльма, и наш отряд отправился на разведку.

Теперь, оглядываясь назад, я виню себя в плохой организации разведки и плохом руководстве. Но если бы наш передовой дозорный не прозевал того, что следовало увидеть, прежде чем его убили, то всего того, что последовало, не произошло бы и вы не слушали бы сейчас эту кассету.

Местность была прекрасна из-за расцветающей весенней зелени. Мы скакали меж двух округлых холмов, поросших лесом, радуясь деревьям, видя в них признак близости воды и пахотных земель. Воздух был душистым и свежим. Два солнца сияли, изумрудно-алый огонь отбрасывал ставшие такими привычными для меня двойные тени.

Мы ехали верхом на горячих зорках, а сзади следовала цепочка вавов. Несколько вьючных животных, по большей части калсаниев - крегенских ослов, везли

наши принадлежности для лагеря. Да, жизнь была хороша, свободна и полна вкуса для следовавших со мной людей. Но во мне все еще отзывался постоянной тупой болью образ Делии с Синих гор. И все же я начинал наконец допускать, что мне придется жить без нее.

Туча стрел и копий неожиданно накрыла нас, свалив четверых людей. Подо мной убило зорка, я оказался сброшен в пыль. Мгновенно вскочив на ноги, я выхватил меч, но над моей головой уже сомкнулась сеть. Я увидел швыряющих сети тварей странного вида и попытался разрубить и рассечь путы - а потом мне врезали дубиной по голове, и я рухнул, потеряв сознание.

Как же я был удивлен, когда, придя в сознание, обнаружил, что на мне нет ничего, кроме набедренной повязки, руки скручены веревкой, а сам я привязан за шею к немногим оставшимся в живых моим людям.

Нас толчками подняли на ноги и приказали идти.

Взявшие нас в плен звери пахли не самым приятным образом. Не выше четырех футов ростом, покрытые густыми волосами темно-коричневого цвета, темнеющими на кончиках, они обладали шестью конечностями. Нижняя пара была обута в грубые сандалии, в верхней они держали копья, которыми тыкали нас, мечи и щиты, а средняя выполняла прочие функции, в которых возникала необходимость. Они одевались в туники с разрезами, сделанные из какого-то блестящего материала изумрудного цвета - цвета зеленого солнца Антареса. Лимонообразные головы, с массивными челюстями и выступающими резцами, увенчивали нелепые плоские шапочки из изумрудного бархата. Копья они держали так, словно действительно умели ими орудовать.

- Ты цел, зоркандер! - спросил меня один из моих

ребят. Ближайший зверь тут же гортанно зарычал, как пес, и ударил его по голове, но парень даже не вскрикнул. Он был кланнером.

- Мы должны держаться вместе, кланнеры! - крикнул я, и прежде, чем зверь успел ударить меня, повысил голос и проревел: - Мы прорвемся, друзья!

Острые копыта прошлось вдоль моей головы, и некоторое время я спотыкался, ослепленный, ослабевший и оглушенный.

Лагерь, куда нас привели, блистал богато изукрашенными большими палатками и шатрами. Видимые повсюду признаки изобилия и роскоши указывали, что эти существа считали, что жизнь на Великих равнинах должна быть устроена как можно удобнее. Ряды привязанных зорков соответствовали рядам других животных, восьминогих зверей, напоминающих вавов, за исключением того, что эти были мельче, легче, без рогов и клыков, и явно не обладали свирепостью. Привели и наших скакунов, привязав вместе с другими. Однако взявшие нас в плен не привели ни единого вава. Будь я склонен к пустым жестам, я бы улыбнулся.

Из шатра вышел мужчина. Он встал, широко расставив ноги, подбоченясь, и стал рассматривать нас, скривив губы. У него была очень белая кожа, темные волосы, тело облежала кожаная одежда того же изумрудно-зеленого цвета, что и одеяния поймавших нас тварей.

Я решил, что сломать ему шею будет достойным событием, способным скрасить однообразие будней.

Он повернулся к входу в шатер. Этот шатер был самой грандиозной постройкой во всем лагере. Мы стояли голые и вымазанные в пыли.

- Взгляните, моя принцесса, - крикнул белолицый. -

Оши добыли улов, который может позабавить вас.

Так, подумал я, значит, у них здесь есть принцессы, да?

Принцесса степенно вышла из шатра.

Да, она была прекрасна. После всех этих лет я должен признать, что она была прекрасна. В первую очередь бросались в глаза волосы цвета спелой пшеницы, освещаемой утренним солнцем на полях нашей родной Земли. Глаза сияли васильковой голубизной цветов. Эти штампы устарели и стерлись задолго до того, как добрались до Крегена, но я вспоминаю ее такой, какой впервые увидел в тот давний день, когда она стояла, глядя на нас, пленников, брошенных лицом в пыль.

Она подняла округлую белую руку, светившуюся от пульсации теплой розовой крови. Прекрасные губы, красные и мягкие, напоминали сладкий плод. Она была одета в изумрудно-зеленое платье, открывавшее шею, руки и нижнюю часть ног, а на шее висело ожерелье из сверкающих изумрудов, на которые, наверное, можно было купить целый город. Она смотрела на нас сверху вниз, сморщив нос, словно от неприятного запаха. Она была прекрасной и властной такой я запомнил ее.

Я поднял голову и посмотрел ей в лицо.

Белолицый подошел и пнул меня ногой.

- Отверни свой взгляд в грязь, раст, когда проходит принцесса Натема!

Я перекатился, насколько позволяли путы и ярмо, продолжая смотреть на принцессу, хотя пинок, которым этот тип наградил меня, был жестоким и сильным.

- Разве принцесса не желает видеть восхищения в глазах мужчины?

Белолицый впал в бешенство.

Он пинал и пинал меня. Я откатывался, но мешали путы. Послышался гневный крик принцессы:

- Зачем вытирать сапоги об этого раста, Гална? Проткни его копьем, и делу конец. Мне это надоело.

Ну, если мне предстоит умереть, эта обезьяна умрет вместе со мной.

Я дал Галне подножку и, навалившись на него, нажал на горло связанными запястьями. Его лицо побагровело, глаза вылезли из орбит. Я зло глянул на него.

- Ты пнул меня, пустобрех, и умрешь за это!

Он что-то пробулькал. Раздался рев. Подбежали, размахивая копьями, оши. Я рывком поднялся, сжимая Галну, привязанные ко мне ребята поднялись вместе со мной. Я пнул первого оша в живот, и тот с воплем отлетел прочь. Мимо просвистело копье. На боку Галны висела пижонская шпажонка, усыпанная драгоценными камнями. Я выронил Гална, словно гремучую змею, сумев вытащить эту маленькую колючку в самоцветах. Следующий ош получил удар шпаги в глотку. Она сломалась, зверь пронзительно завизжал, задержался и издох.

Я швырнул рукоять в следующего оша, раскроив ему голову.

Затем снова приподнял Галну. Мои руки напряглись, разрывая путы, и я швырнул его прямо в принцессу.

Она вскрикнула и исчезла в шатре.

Затем, как случалось не раз, когда дела принимали интересный оборот, на меня упало небо.

Никому из нас не забыть моей первой встречи с принцессой Натемой Кидонес из Знатного Дома Эстеркари города Зеникка.

Глава 9

ЧЕРНЫЙ МРАМОР ЗЕНИККИ

Мраморные карьеры Зеникки лежат на поверхности, открытые двум солнцам, чьи топазовые и опаловые огни

горят на белом камне, расцветивая его миллионами оттенков. Добывать белый мрамор было тяжелой каторгой. Но самых непокорных рабов отправляли извлекать из недр черный мрамор. И работа в Черных Шахтах была непрерывной пыткой.

Многие ли люди, восхищающиеся прекрасной скульптурой из черного мрамора, изящной вазой или великолепной архитектурой, понимают, сколько мук и отвращения было испытано при их создании? Черный мрамор черен из-за примеси битумного материала. Всякий раз, когда этот мрамор раскалывается, при каждом ударе, он испускает зловонный, мерзкий, отвратительный запах.

Мы работали совершенно голыми, обматывая набедренными повязками рты и носы, пытаясь хоть таким нехитрым способом ослабить смрад.

В чашах из черного мрамора горели, шипя, жировые фитили, немного раздвигая границы тьмы. В этой шахте работали двадцать из нас, и охранники закрывали над нами тяжелую бревенчатую дверь. Нас кормили только тогда, когда мы нарубали и подымали на поверхность требуемое количество мрамора. Если мы не укладывались в норму, мы оставались без еды. Семь дней полагалось нам трудиться в Черных Шахтах, страдая от тошноты, отчаянно пытаясь приспособиться к воню и усталости. На следующие семь дней нас переводили в открытые карьеры добывать белый мрамор, а потом еще семь дней мы занимались перетаскиванием и перевозкой мрамора по каналам города.

Мы часто лишались этого третьего периода и отбывали семь дней в черном низу и семь дней на белом верху. Я плохо помню это время. Город был большим, впечатляющим, прорезан каналами, реками и широкими проспектами, застроен прекрасными зданиями и

аркадами. Зеленые и пурпурные растения вырастали из-за каждой стены. На улицах толпилось много странного вида полулюдей-полужверей. Все они, как я понял, занимали невысокое положение, немногим лучше рабов.

Мое негодование на рабство было столь велико, что, должен признаться, я не пытался рассуждать, отбивался, отвечал ударом на удар, вырывал у охранников кнуты и ломал об их головы, прежде чем ко мне вернулась толика мудрости.

Когда юный Локи, прекрасный кланнер, у которого я считал за честь принять оби, умер у меня на руках в зловонной атмосфере Черных Шахт, я понял, что в ответе за его смерть, понял, как эгоистичен был в ненависти.

Охранники поступали умно и хитро. Они разделили моих кланнеров на три группы, и все трудились в разных сменах, поэтому, находясь наверху в белых карьерах, когда побег был в принципе возможен, я не мог использовать эту возможность, ибо со мной не было большинства моих ребят. Треть из них в это время горбатилась в Черных Шахтах. Никто из нас не посмел бы оставить друзей.

Охранников вербовали из множества рас. Оши и другие зверо-люди, особенно часто - рапы, монстры, которые напоминали результат кошунственного скрещення серых людей со стервятниками. Они очень ловко орудовали кнутами, эти рапы - быстро, виртуозно и резко.

Из многочисленных безрассудно храбрых поступков, совершенных мной за долгую жизнь, тот, что я совершил в Черных Шахтах Зеникки, следует расценивать как один из самых глупых. В конце нашего семидневного срока пребывания в мерзости и вони, когда нас выпустили наверх для работы в белых карьерах, я затаился за вонючим камнем и дождался новой смены. Один из моих

кланнеров в группе выходящих рабов схватил своего друга из новоприбывших и поторопил его занять мое место, чтобы численность осталась прежней.

Когда массивные бревенчатые двери закрылись, я поднялся из-за камня.

- Лахал, Ров Ковно, - поздоровался я.

Ров Ковно молча воззрился на меня. Он был джиктаром тысячи, могучим воином, с телом как бочка и светлыми волосами. Его нос был сломан в нескольких местах, а подбородок надменно выпячен. Он принадлежал к клану Лонгуэльм. Я подумал, что ошибся и рассчитал неправильно. Стоя в едва раздвигаемой светильниками темноте, с забивающей рот и ноздри вонью, исходящей от адского черного мрамора, я думал, что Ров Ковно винит меня в нашем положении. Я стоял молча и ждал.

Ров Ковно двинулся вперед. Он держал в руках молоток и зубило - орудия нынешнего ремесла. Но вот выронил их в пыль и осколки, покрывавшие пол. И протянул мне обе руки.

- Вавадир! - произнес он, и голос его пресекся. - Зоркандер!

Один из людей в его смене, не кланнер - просто еще один из несчастных, поработанных городом Зениккой, посмотрел на меня и сплюнул.

- Он остался здесь после того, как его смена поднялась, - произнес он, не веря собственным глазам. - Этот человек - идиот! Или рехнулся! Наверняка рехнулся!

- Говори уважительно, крамф, или не говори вовсе, - прорычал Ров Ковно. Он приложил ладони к ушам, глазам, рту, затем сложил перед сердцем. Ему не требовалось ничего говорить, но я обрадовался. Это означало, что можно немедленно приступить к

осуществлению моего плана и не беспокоиться.

Я стиснул ему руку.

- Я не могу сбежать, не взяв с собой всех своих кланнеров, - сказал я. - Есть план. Как только ты со своими людьми сбежишь, Арк Атвар чуть позже сбежит со своими. Моя смена пойдет последней.

- Арк Атвар знает об этом, Дрей Прескот?

- Пока нет.

- Тогда я останусь здесь, в Черных Шахтах, на следующую смену и сообщу ему.

Я рассмеялся - там, в Черных Шахтах, я, человек, не склонный к пустым жестам.

- Отнюдь нет, Ров Ковно. Это - задача твоего вавадира.

Он склонил голову. Не хуже моего он знал про ответственность, налагаемую званием вождя и взятием оби.

Мы понимали, что первой группе побег удастся относительно легко - им придется просто-напросто дать деру с баржи, перевозящей по каналам мраморные блоки с карьеров к стройплощадкам. Второй группе будет потруднее, но, несомненно, все получится и у них. Третий побег станет самым трудным, и его осуществит моя смена. Я знал, что мои люди не допустят иного исхода.

Мне пришлось дать согласие Рову Ковно приказать Арку Атвару бежать первым.

О фанатичной преданности кланнеров Великих равнин Сегестеса недаром ходят легенды.

На седьмой день беспрестанного откалывания и перетаскивания огромных черных камней Ров Ковно умолял позволить ему остаться в этом аду и передать инструкции Арку Атвару. Я мог бы, хотя это и глупо, гордиться, думая, что нисколько не упаду в его глазах,

уступив мольбам. По правде говоря, мысль вылезти из этой зловонной ямы, снова увидеть солнечный свет и вдохнуть душистый воздух Крегена очень сильно меня волновала.

Я довольно резко ответил:

- Я взял у тебя оби и знаю, какие обязательства приобретает взявший оби по отношению к давшему. Больше не проси меня.

И он больше не просил.

Когда Ров Ковно утащил входящего кланнера в ряды своей смены и обеспечил прежнюю численность, я поперхнулся вонью шахт и чуть не рванул на волю. Но сдержал себя и сумел произнести почти нормально, когда поздоровался:

- Лахал, Арк Атвар.

Последующая сцена почти в точности повторила предыдущую.

Время терять не следовало. После недели в белых карьерах на поверхности для рабов начнется неделя перевозки блоков. Тогда сбежит Ров Ковно. Неделя прошла также медленно, это была третья неделя моего пребывания в Черных Шахтах. Никто прежде, как мне сказали, не пережил трех недель в этом тошнотворном аду. Жить и двигаться меня заставляла только мысль, что я взял оби у своих людей, значит, обязан обеспечить им жизнь и свободу. Признаться, образ Делии с Синих гор померк тогда, к стыду моему, превратившись в хрупкий и далекий сон.

Когда бревенчатые двери открыли и звери-охранники бичами погнали вниз новую партию рабов, я смотрел на новоприбывших с дрожью ожидания. По выражениям на лицах ребят я понял - они не ожидали, что я выживу, они не надеялись вновь увидеть меня. Началась моя четвертая неделя в Черных Шахтах. К

последнему дню я очень ослаб. Отвратительная вонь клубилась вокруг головы, запускала мерзкие щупальца в живот, вызывая постоянную головную боль, делая невозможным переваривать пищу. Ребята работали как проклятые, рубя и грузя камень, чтобы моя бесполезность не помешала им получить несчастную порцию еды и питья. Другие трудившиеся с нами рабы, не кланнеры, ворчали. Но поневоле возникло грубое товарищество, мы сработались достаточно неплохо.

В последний день, когда огромные блоки закачались, подымаясь на люльках, поблескивая в огнях светильников, мы с нетерпением ждали, когда нас наконец сменят. Бревенчатые двери отворились, и стала спускаться новая смена рабов. Я увидел бритоголовых гонов, рыжих уроженцев Лоша и нескольких зверолюдей, тоже использовавшихся в качестве рабов. Ни одного из кланнеров среди рабов не было.

Ров Ковно и его ребята сбежали!

Когда мы поднялись в мраморные карьеры, где нас со всех сторон окружали блестящие скалы, нарезанные гигантскими ступенями, я увидел крошечные фигурки охранников и рабов, работавших на фасах - огромных, похожих на мастодонтов зверей, волокших нарезанные блоки. Возле причала стояли баржи, нагружаемые под мерное раскачивание подъемных стрел. Я подумал, что жизнь может опять начаться.

- Дипру Ловкопалый побери! - прохрипел, моргая и щурясь, низкорослый человечек с лицом как у хорька. - Как язвит мне глаза благословенный солнечный свет!

Звали его Нат. Это был жилистый горожанин с редкими, песочного цвета волосами и бакенбардами. Его костлявое тело покрывали шрамы, на плоской груди проступали ребра. Я давно взял его на заметку, как способного принести пользу. Я догадывался, что прежде

он промышлял в городе воровством и, следовательно, мог оказать определенную услугу кланнерам.

В воздухе над карьером висела туча каменной и мраморной пыли, поднимаемой тысячами работающих людей. Она раздражала глаза и ноздри, поэтому мы все пользовались кусками набедренных повязок, закрывая лица, что делало нашу одежду короче, чем когда бы то ни было. Напротив хижин с провисшими крышами, окруженной мраморным забором, куда нас селили на время семидневного пребывания в белых карьерах, я увидел группу рабынь, обтесывающих мраморные блоки. Спины женщин блестели от пота, а к поту примешивалась патина из мраморной крошки и пыли. Как и мы, они были одеты только в набедренные повязки. Лодыжки сковывала тяжелая железная цепь, соединяющая всех. Что и говорить: здесь, в пределах мраморных карьеров Зеникки, рабство было лишено какого бы то ни было романтического ореола.

Охранников попадалось больше обычного.

Один из моих парней, юный Локу, хикдар сотни, приходившийся братом умершему бедняге Локи, приблизился ко мне с докладом. Свирепое лицо воина, блестевшее от пота и покрытое пылью, выглядело серым и осунувшимся, но жесткое выражение в глазах меня успокаивало.

- Женщины рассказали мне, Дрей Прескот, что произошло два побега. Парень сильно рисковал, заговорив с женщинами средь бела дня. - Один - с баржи с мрамором, другой - из карьеров, прошлой ночью.

- Хорошо, - одобрил я.

Нат, вор, откашлялся и сплюнул пыль.

- Для них хорошо, а для нас плохо. Теперь рапы наверняка будут бить вдвое сильнее.

Локу намеревался двинуть Нату по зубам за

неуважение к вавадиру, но я удержал его. Нат был мне нужен.

- Выясни, чья очередь кормить вусков, - приказал я Локу. - И устрой так, чтобы выполнять эту неприятную задачу выпало кому-то из наших.

Вуски - животные, начисто лишённые ума, большие, толстые, похожие на свиней твари примерно шести футов в холке, шестиногие, с гладкой маслянистой кожей беловато-желтого цвета и атрофировавшимися клыками. Их использовали для вращения водяных насосов, перевозки грузов, подъема клетей, а также для производства вкусных и сочных бифштексов и ломтиков ветчины. Правда, мы, рабы, видели в них только рабочую скотину. Ели мы те же помои, что и вуски.

Мастодонтов, которые выполняли действительно тяжелую работу, кормили задешево особого рода травой, привозимой с острова Страй.

Помимо охранников-рап, вместе с нами трудилось много рап-рабов, серых созданий, похожих на стервятников, с костлявыми шеями и клювастыми мордами, чьи серые тела издавали неприятный запах пота. Той ночью в карьерах, когда два солнца опустились за мраморный край и по небу поплыла первая из семи лун, они вели себя беспокойней других.

Я заставил Ната рассказать все, что он знал о городе Зеникке.

В городе проживало около миллиона жителей - примерно столько же, сколько в Лондоне моего времени. При этом в Зеникке находилось множество рабов, подвергавшихся страшному угнетению и произволу. Посредством рукавов дельты реки Никки и искусно сооруженных каналов, а также необыкновенно широких проспектов город разделялся на независимые анклав. Гордость Дома котирировалась в Зеникке очень высоко.

Человек либо принадлежал какому-то дому, либо был никем и ничем. Сохраняя твердокаменное выражение лица, подобное мрамору вокруг под светящимися сферами первых трех лун Крегена, я услышал, что цвет Дома Семейства Эстеркари был изумрудным в честь зеленого солнца Крегена. Значит, крамф Гална, которого я швырнул в принцессу Натему, принадлежал ее дому. Я представлял, как бы он умер, привязанный к рогам вава и пущенный по широким равнинам Сегестеса. Умер бы, как мне представлялось, не слишком достойно - как обнаружилось позже, я был к нему несправедлив.

У внешней ограды одного раба-рапу избивала пара рап-охранников. Они действовали кнутах умело и ловко, серое стервятникоподобное существо пронзительно визжало и дергалось в цепях. Он потерял, как шепотом передавали рабы, свой молоток и зубило, а это являлось - если так решал надсмотрщик - тягчайшим преступлением. Вуски, терпеливо вращая рычаги кабестана, втянут изломанное тело на самую верхнюю ступень мраморных карьеров, а потом его швырнут вниз с высоты тысячи футов, и он разобьется, превратившись в кровавый ком.

В оттененном лунами сумраке мраморных стен Локу подкрался ко мне. Лицо его оставалось таким же серым и осунувшимся, но подбородок, выпяченный еще свирепее, вызвал у меня подъем духа.

- На этой неделе вусков кормим мы, - доложил он, сверкнув глазами в лунном свете.

- И? - спросил я.

Он вынул из набедренной повязки молоток и зубило. Я кивнул. Найденные в хижине такие инструменты означали смерть, если ими не работали на мраморных фасах или в Черных шахтах. Там внизу, запертые на семь дней и ночей, рабы не носили цепей. Теперь, на

поверхности, нас снова крепко сковали.

- Ты действовал отлично, Локу, - одобрил я. - Мы, кланнеры Фельшпраунга, никогда не забудем Локу.

- Да помогут нам быстрые ноги Дипру! - простонал Нат, съезживаясь. Локу лениво двинул ему кулаком в челюсть, отправив в угол хижины.

Я не думал, что Нат, вор, предаст нас.

Семь дней мы ждали в белых карьерах, пока не пришла наша очередь грузить на баржи огромные мраморные блоки в соломенных тюках и отвозить их в город. Где-нибудь в городе или, что лучше, на открытой равнине нас будут поджидать мои люди. Они без сомнений оставались на свободе. То, что делали с пойманными рабами, было, учитывая обстоятельства, безобразно и становилось известно всем.

Всю неделю были выставлены дополнительные охранники, многие в ало-изумрудной форме городской стражи. Это были воины, выставаемые Домами в качестве полицейских сил. Рапы чаще обычного пускали в ход кнуты. Рапы-невольники кипели от возмущения. Мы же с моими ребятами вели себя образцово.

Непрестанное звяканье инструментов обтесывающих камни женщин, тяжелый стук молотков по зубилам на всех фасах карьера, глухое рычание вращаемых вусками пил, поднимающих тучи крошки и пыли, - все эти звуки день за днем действовали на нервы. Но мы оставались спокойными, послушными и внимательными.

Мы кормили вусков по очереди, сливая остатки помоев в их корыта, зажатые между бесценных мраморных плит. Вонь стояла почти такая же, как в Черных Шахтах. Вуски опускали в корыта рыла, хрюкали и чавкали, а волны тошнотворной жидкости омывали наши ноги, наполняя носы зловонием. Те, в чьи

обязанности входило кормить вусков и кого мы освободили от этих обязанностей, думали, что мы рехнулись. Множество настороженных охранников несло дозор, но мало кто стремился подходить чересчур близко к загонам вусков. Постепенно мы начали сокращать вускам пойло.

В предпоследний день они сделались непокорными, как ни разу не наказанные рабы. Так что какое-то время, трудясь на мраморе, с отражающимся от блестящих поверхностей и слепящем солнечном свете я опасался, что рассчитал неправильно. Но вуски, - глупые твари. К концу дня они хрюкали, визжали и по пути назад в загон даже пытались неуклюже убежать в сторону. Мы соблазнили их небольшим количеством еды и несколько успокоили.

В последний день они выглядели угрюмыми и озабоченными, тянули грузы и вращали колеса с какой-то глупой агрессивностью, заставившей меня от души пожалеть бедняг за то, что мы вынуждены были с ними делать. Рабы, приставленные погонять вусков, по большей части мальчики и девочки, держались от них подальше, а вечером, когда два солнца утонули в золотых, изумрудных и алых потоках света, предпочли не попадаться им на пути.

Мы отнесли большие чаны с пойлом к загонам, и я сумел пролить изрядное количество мерзкой жидкости чуть не под сапоги охранника-рапы, который гортанно прокричал в мой адрес непристойные ругательства. Мне пришлось выдержать щелчок его кнута, но не без пользы, так как охранники в результате убрались прочь.

Помои мы вылили за мраморными стенами загон. В последнюю ночь вуски отправились спать голодными. Утром они тоже голодали, хотя нам полагалось накормить их в последний раз, прежде чем оттолкнуть от

причала нагруженные баржи. Они визжали и хрюкали, а некоторые, сочтя голод стимулом к более первобытным действиям, тыкались атрофированными клыками в стены загонов.

Этим утром оба солнца Антареса взошли с особенно великолепным блеском. Мы до отвала наелись пойла, так и не увиденного вусками. Нат находился под наблюдением Локу. Все цепи мы тайком перерубили обмотанными в тряпье молотками и теперь готовы были сбросить их в любую минуту. Нат дрожал и взывал к своему языческому богу, покровителю воров.

Мы взошли на борт баржи, карабкаясь среди гигантских мраморных блоков, обтесанных женщинами до аккуратной квадратной формы, следуя оставленным каменщиками меловым пометкам. Я пошел на большой риск, вернувшись быстро и тихо к загонам вусков. Распахнув ворота, я побудил глупых зверей выйти, воспользовавшись стрекалом, и с радостью увидел их уродливые морды и свинячью злобу в крошечных глазках. Они страшно проголодались. И их выпустили на волю.

Вуски разбрались по всему карьеру в поисках пищи.

Охранники носились, гневно крича, стараясь восстановить порядок. Я видел, как один ош, взволнованно размахивая двумя парами верхних конечностей, пытался с помощью пики загнать глупого вуска обратно, и изрядно повеселился, когда обычно послушное животное набросилось на него и сшибло с ног, стуча атрофированными клыками. Я прыгнул с причала на баржу и присоединился к остальным, когда на борт поднялись охранники-рапы. Их должно было быть десять, как я знал, ибо граждане Зеникки со вполне объяснимой чувствительностью относились к пребыванию в городе недостаточно охраняемых рабов.

Однако этим утром, из-за того, что по непостижимой для большинства причине вуски взбесились и безобразничали в карьерах, охранников было всего шестеро.

Мы отчалили и, отталкиваясь длинными шестами, медленно поплыли по каналу меж мраморных берегов.

Вскоре берега стали кирпичными, а потом последовали и первые дома. Пока это были лишь хибарки, принадлежащие людям-без-Дома, жившим на городских окраинах и только считавшимся свободными.

Признаюсь теперь, что, снова отправившись в путешествие по воде, я пережил странное ощущение.

Мы проплыли под изукрашенной гранитной аркой, над которой проходила утренняя процессия рыночных торговцев, лотошников, домохозяек, воров и всевозможного сброда. Весь этот гам, запахи, утренняя болтовня, смех пробуждали волнение в моей крови. Небо порозовело от призрачного розового свечения, разливающегося над Крегеном тем прекрасным утром. Когда мы приблизились к городу, воздух стал слаще, напоминая нам о том, в какой зловонной атмосфере мы потели и надрывались все это время. Канал влился в более широкую протоку с кирпичными стенами, вздымавшимися на высоту десяти футов над уровнем воды. С обоих берегов на нас хмуро взирали глухие стены примыкавших друг к другу домов. Крыши были разной высоты и формы, так что небосклон при взгляде против солнца казался обрамленным прихотливым бордюром.

На наблюдательных пунктах стен виднелись часовые, одетые в цвета своих Домов. Между анклавами проходили зоны вооруженного перемирия.

Приблизившись к цели, мы свернули в широкий канал, где все больше возрастал поток грузовых судов.

Плыли легкие быстроходные суда, подобные гондолам. Плыли толкаемые рабами доверху нагруженные баржи, вроде нашей. Степенно проплывали весельные корабли, украшенные яркими тентами и шелками. Порой на них были люди, а иной раз я видел, как по палубам прогуливаются диковинные существа в странных нарядах, например, сплошь сшитых из золотых и серебряных кружев, в заломленных набекрень шляпах с яркими перьями. Я наблюдал за судами голодным взглядом - уже не один год я не видел даже лодки, не говоря уж о корабле, идущем по волнам на всех парусах.

Впереди над каналом возвышалась поистине невероятных размеров арка. Одна ее сторона была увешана охристо-лиловыми украшениями, другая блистала сплошным изумрудно-зеленым. Мы свернули за ней в канал, повернув к зеленой стороне, и вскоре в архитектуре стала заметна несколько большая открытость. Мы были внутри анклава. По цветам знамени я догадался, что это анклав Дома Эстеркари. На миг свирепая и жутковатая радость охватила меня, угрожая заставить отказаться от первоначальной цели.

Строительная площадка находилась позади каменного причала. Мы все медленнее и медленнее подталкивали судно к причалу, и вода закручивалась в водовороты по обе стороны от тупого носа. Я кивнул двоим своим ребятам. Они вытащили из воды шесты и шмыгнули в нишу, специально устроенную нами между мраморных блоков. Я услышал короткие резкие звуки, как от ударов железа по железу.

Охранник-рапа, стоявший на носу, оглянулся, на его морде стервятника застыло вопросительное выражение. Я, со своего места на корме, тоже оглянулся, словно, подобно охраннику, высматривал источник звука за кормой. За нами следовала еще одна баржа с грузом

мрамора, с экипажем из рап и охранниками-ошами. Мы сильно потеряли скорость, и баржи должны были вот-вот столкнуться. Я не имел ничего против. Теперь до меня донесся новый оттенок журчания воды - веселый, легкий и вдохновляющий. Это журчала вода, бившая ключом изнутри нашей баржи.

- Что еще за шум? - прокаркал рапа.

Я пожал плечами, демонстрируя неосведомленность, затем спрыгнул с высокой кормы и пошел вперед, волоча за собой шест, словно меня позвали. Баржа уже заметно погрузилась в воду. Охранник-рапа в центре судна сделал движение, собираясь остановить меня. Я ударил рапу изо всех сил и сбросил вниз, на мраморные блоки, где двое моих ребят схватили его и заставили замолчать навсегда. Затем исчезло еще двое рап-охранников. Вода уже хлестала, поднявшись до планшира. Сгинул еще один рапа. Я увидел, как Локу и Нат намотали цепь на птичьи голени пятого охранника, обутого в большие сапоги, и уволокли его прочь. Короткий визг рапы оборвался, едва начавшись, - похоже, он задохнулся.

Следующая за нами баржа обогнала нас и двинулась мимо. Никто на ее борту не обращал на нас ни малейшего внимания - и тут я увидел, почему. На миг меня охватил неистовый гнев.

Невольники-рапы на второй барже убивали цепями своих охранников-ошей и сбрасывали этих четырехруких созданий с толстыми мордами за борт. Взлетали брызги воды.

Мы продолжали тонуть. Через несколько секунд вода должна была хлынуть через борт. Мы собирались нырнуть и плыть к берегу, воспользовавшись суматохой. Но сейчас со всех сторон сбегались охранники. Бунт рап, неуклюжий и жестокий, вызвал ответную реакцию. Теперь наш побег уже не мог пройти незамеченным.

Баржа с рапами ткнулась в причал, и они повалили на берег, вопящие, воспламененные, наводя ужас вращающимися в воздухе цепями.

Глава 10

"МОЖЕШЬ ПАСТЬ ПЕРЕДО МНОЙ НИЦ, ДРЕЙ ПРЕСКОТ!"

Принцесса Натема Кидонес из Знатного Дома Эстеркари явилась в тот день с утра пораньше на причал для подвоза камня, чтобы выбрать мрамор для стен летнего дворца, который возводили для нее. Ни в малейшей степени принцессу не волновало, что она забирает мрамор, предназначенный для строительства нового здания городского водоснабжения. Принцесса знала, что всегда может получить, что захочет.

Глядя в немой ярости, как эти идиоты-рабы уничтожили плоды моего планирования, я не знал тогда, что в группе ярко разодетой знати на причале стояла, нетерпеливо постукивая по камням украшенной самоцветами сандалией, принцесса Натема.

Я видел лишь атаку толпы рап, блеск оружия в солнечных лучах и грозно вращающиеся железные цепи.

Рапы, в конечном итоге, оказались не так уж глупы. Они успешно протащили на борт множество своих сотоварищей. В этом им, несомненно, помогла моя проделка с вусками. Теперь, одетые в лохмотья, размахивающие цепями, с ревом бросаясь на пристань, они представляли собой внушительное зрелище.

Для нас было еще не все потеряно.

- Локу, вперед! - заорал я. - Нат, теперь твое дело показать нам дорогу через город. Мы полагаемся на тебя. Если подведешь - ты догадываешься, какая судьба тебя ждет.

- О-ой! - вскрикнул он и схватился правой рукой за левую, будто ее сломали. - Клянусь Великим Дипру, я не

подведу! Я не посмею! - И нырнул за борт. Тех кланнеров, кто не умел плавать, потому что не практиковался в этом искусстве на одиноких озерах среди вересковых пустошей, снабдили брусками крепежного леса. Теперь все они попрыгали в воду иплыли к противоположному берегу. Дальше все зависит от Ната.

Я подождал, как и положено вавадиру и зоркандеру. Такое звание не дают кому попало. Когда под началом одного вождя объединяются два, три или более кланов - только тогда он вправе назвать себя вавадиром и зоркандером. Этимология этих названий очевидна. Принятие оби становится ответственностью намного более значительной. Поэтому я ждал, когда все мои люди отплывут на безопасное расстояние. Я все еще сжимал цепь в кулаках, готовый к любой неожиданности.

Баржа прекратила дрейф, ткнувшись носом в левый борт баржи рап. Канал здесь обмелел, и баржа не могла полностью затонуть. Сейчас над водой выступало примерно четыре фута мраморных блоков. Я пригнулся, вжавшись в нишу между блоков, и прислушивался к происходящему.

По крикам, воплям, неистовому лязгу мечей и копий по железным цепям было ясно, что за крошечный ад творится на причале. Скорее всего, подбежали новые стражники и приступили к задаче, не самой отвратительной для солдатни - к избивению последних оставшихся в живых рабов. Я не мог вмешаться в происходящее. Долг связывал меня с моими людьми.

Шум сражения не утихал. Наверное, разделаться с рабами оказалось не так уж легко. Я рискнул выглянуть из-за блоков. Солнечный свет заливал с траверза причал, где охранники и рапы-невольники сошлись в жестокой и жуткой битве. Железные цепи, раскручиваемые с такой

отчаянной и решительной смелостью, становятся страшным оружием.

Я увидел, как трое мужчин спустили женщину в небольшой ялик у стенки причала. Очевидно, они попали под первую бешеную атаку рабов и не сумели сбежать. Теперь их единственной надеждой стал канал. Ялик отчалил, развернулся и столкнулся с первой баржей. Удар цепи практически снес голову сидевшего на веслах, и тот повалился, истекая кровью, на борт. Женщина пронзительно закричала. Другой мужчина схватился за весла, но мертвое тело мешало ему. Ялик снова стукнулся о борт баржи. Группа рабов увидела в этом свой шанс и решила его не упускать.

С пронзительным криком, напоминающим крик стервятников, они запрыгнули на мраморные блоки, перебрались на корму и соскочили в ялик. Тот угрожающе погрузился в воду. Двоих мужчин и их мертвого товарища, не долго церемонясь, выкинули за борт. Двое рап схватились за весла. Еще двое неуклюже возвышались на корме, все еще вращая цепями в рефлексе насилия. Пятый прыгнул вперед, обхватил женщину за талию и прижал ее к себе. Он повернулся так, чтобы женщину ясно видели с причала. Его намерения не вызывали сомнений.

- Отпустите нас! - завизжал он. - А не то она умрет!

Гул боя начали перекрывать крики замешательства.

Вопли женщины прорвались сквозь гвалт и отозвались во мне. Я подумал о своих бойцах, поджидающих меня. И о Делии - уж не знаю почему.

Я знаю только одно: нельзя допустить, чтобы женщину убили таким образом, так бессмысленно. Вы спросите меня: что бы произошло, если бы бежали рабы-люди и использовали для своей защиты тело презренной аристократки? Не знаю, что ответить.

Без единого звука я перепрыгнул с полузатонувшей баржи на ялик. Я очень не хотел кого-либо убивать и сделал для этого все, что мог. Двоих гребцов я сразу опрокинул за борт. Двое на носу вскочили, со свистом раскручивая над головой грозные цепи.

- Умри, раб! Сдохни, человек! - закричали они.

Если бы не эти слова, я, наверное, не стал бы драться столь ожесточенно. Но я дрался именно так. Моя цепь стремительно просвистела в воздухе и срубила клюв ближайшему стервятнику. Он закулдыкал и опрокинулся за борт. Я увернулся от цепи второго, а затем обрушил на него свою цепь с такой быстротой, что чуть не потерял равновесие. Она обвилась вокруг его длинной и тонкой шеи, описав двойную петлю. Я рванул цепь на себя. Рапа пошатнулся и упал вперед, так что я смог нанести ему солидный удар. Он рухнул навзничь. Я услышал за спиной крик и снова увернулся от цепи, которая разнесла в щепы огромный кусок борта ялика. Я метнулся вперед, чтобы встретиться лицом к лицу с последним рапой.

Тот принял боевую стойку.

Его клювастое лицо злобно смотрело на меня. Должно быть, он понял, что для него все кончено, - и все же, если бы он мог отделаться от меня и выгрести к главному каналу, ему бы удалось скрыться с человеческой женщиной в качестве заложницы. Было ради чего бороться. Я сделал финт, цепь со свистом рассекла воздух. Он отпрянул и снова окинул меня злобным взглядом.

- Человеческая падаль! - это скрежещающее кулдыканье успокоило мое бешено колотившееся сердце. Я смерил рапу взглядом. Его цепь могла сломать мне руку, ногу, могла удушить меня - задолго до того, как я сумею до него добраться. Я размял ноги и уперся в доски

дна. В отличие от меня, рапа, похоже, не имел опыта плавания на лодках. Я начал раскачивать ялик из стороны в сторону.

Рапа вскинул руки вверх и бешено завращал цепью. Женщина вцепилась обеими руками в транец. Я не мог видеть ее лица, скрытого густой вуалью из изумрудно-зеленого шелка. Я все сильнее раскачивал ялик. Рапа пошатнулся, наклонился, но восстановил равновесие и опрокинулся в другую сторону. При каждом качке планширы хрупкой посуды черпали воду.

Наконец с воплем яростного отчаяния ярости рапа выронил цепь и, склонившись, уцепился за планшир. Последним качком я выкинул его из лодки. Он пролетел над водой и окунулся мордой вниз, раскинув руки. Его приводнение сопровождал великолепный цветок брызг.

Выровняв на воде ялик, я схватил весла. Рапу унесло течением. Я обратился к женщине.

- Ну, моя девочка, - резко сказал я, - с тобой все в порядке. Тебе не причинили никакого вреда. - Я не хотел, чтобы она пугалась, а то еще, чего доброго, перевернет ялик.

Она рассматривала меня сквозь прорези в вуали. Сидела она совершенно неподвижно и очень прямо. Я стоял, возвышаясь над ней, моя грудь поднималась и опускалась от напряжения боя, по бедрам струились вода и кровь, сверкали, выступая, мускулы, твердые как железо.

Она носила длинное изумрудно-зеленое платье, лишенное украшений. Поверх зеленой вуали красовалось треугольная шляпка из черного шелка с завитым в спираль изумрудным пером. Руки скрывали белые перчатки, на трех пальцах поверх перчаток сверкали перстни - с рубином, изумрудом и сапфиром.

Я принялся грести к причалу.

В голове у меня начала складываться байка для отчета за разбитые рабские цепи.

Женщина ничего не говорила. Она сидела неподвижно и безмолвно, и я подумал, что она пребывает в шоке.

Когда мы достигли причала, она встала и высунула из-под платья ножку, обутую в усыпанную драгоценностями сандалию. Я вытянул руку, она ступила на мою могучую коричневую длань, и я поднял ее на причал, как лифт в гигантских стволах растений-домов далекой Афразои.

Забота, тяготившая душу, несколько уменьшилась, когда я увидел плывущее в воде тело охранника-рапы с обмотанной вокруг шеи рабской цепью. Морда с клювом была свернута вбок и разве что не отделена от тела. Это был дельгар - командир десятка, и он был в числе шестерки охранников на борту нашей баржи.

Я не спеша выбрался на причал.

Женщину окружила галдящая толпа стражников и знати в кичливых нарядах. От рабов не осталось следов, кроме пятен крови на камнях.

- Принцесса! - заголосил кто-то. - Мы уже подумали, что навек лишились вашего драгоценного света! Хвала могучему Зиму и втройне - могущественному Генодрасу, вы в безопасности!

Она повернулась лицом ко мне, высоко подняв голову. Платье висело на ней, как шатер, и ступни в сандалиях стали не видны. Она подняла руку в белой перчатке, и гомон стих.

- Дрей Прескот! - произнесла она, и это поразило меня так, что я не могу передать словами. - Ты можешь пасть передо мной ниц!

Я стоял, освещенный светом двух солнц, красноватая тень падала на север-северо-восток,

зеленоватая - на север-северо-запад, с точностью до градуса. Я стоял и смотрел на принцессу, разинув рот.

Вперед протолкался субъект, которого звали, как я вспомнил, Гална. Лицо его выражало одновременно угрозу, жажду мести и тайное злорадство. Облегающая тело зеленая кожаная одежда блестела в лучах солнц.

- Теперь-то я проткну его, принцесса - с вашего позволения.

Он выхватил шпагу из выложенных бархатом ножен. Я едва успел заметить его движение, во все глаза глядя на женщину. Но пасть перед ней ниц? Конечно, мне не хотелось умирать. Я отвесил поклон - жестко, официально расшаркался, элегантно взмахнул рукой перед грудью, а затем, поднеся ее к голове, грациозно щелкнул пальцами. Одну ногу я выдвинул вперед, другую назад, а голову склонил в поклоне - в низком поклоне.

Если эту нелепую позу, столь почитаемую в надушенных гостиных Европы, сочтут за оскорбление...

Я услышал легкий смех.

- Не убивай пока этого раста, Гална. Из него выйдет лучшая забава попозже.

Я выпрямился.

- Меня освободил от цепей охранник-рапа, чтобы я лучше помогал с мрамором, - начал было я. Гална злобно ударил меня шпагой плашмя по лицу. Вернее, ударил бы, не отдерни я голову назад. Вперед выскочили стражники.

- На колени, раст, когда к тебе обращается принцесса Натема!

В спину мне уперлась чья-то рука, а нога стукнула по голням, и я оказался распростертым ниц, хребет выгнут, корма поднята, а нос болезненно ткнулся в камни причала. Мраморная пыль раздражала глаза и ноздри. Меня держали четыре человека.

- На колени, раст!

Волей-неволей мне пришлось это сделать. Я усвоил кое-что из того, что должен знать домашний раб семейства Эстеркари, если хочет остаться в живых.

Даже тогда, уткнувшись носом в камни, я сопоставлял эту варварскую позу с изящными жестами дачи оби.

Я знал, что смерть очень близка.

Принцесса Натема дотронулась до меня усыпанной самоцветами сандалией. Ногти на ее пальцах покрывал блестящий зеленый лак в тон платью.

- Можешь согнуться, раб.

Полагая, что понял правильно, я сел в согнутом положении, словно ластящийся пес. Меня никто не ударил, и я понял, что усвоил еще урок. Со стороны группы аристократов донеслось несколько резких слов, бормотание и язвительные замечания. Затем я услышал звон цепей. Вперед с важным видом вышел невысокий плотный человек, одетый в бледно-серое, похожее на тунику платье с зеленой каймой и нашитыми на спине и груди символами в виде ключа. Под бешеными взглядами и нацеленными на меня шпагами Галны и прочих вельмож этот субъект повесил на меня цепи. Он защелкнул у меня на шее железное кольцо, вокруг талии - железную полосу, на запястьях и щиколотках браслеты кандалов. В петли всех этих весомых предметов он продел прочную железную цепь длиной, наверное, больше кабельтова.

- Позаботься, чтобы его перевели в мой опаловый дворец, Нижни, небрежно бросила принцесса, словно говорила о доставке новой пары перчаток. Но когда Нижни, надсмотрщик, погнал меня тычками стурмового жезла - своего знака отличия, я понял, что был не прав. Выбору новых перчаток она уделила бы больше заботы.

Я сбежал из одного рабства и попал в другое.

Будущее рисовалось мне столь же мрачным, как прежде. Во всем у меня была только одна надежда - мои ребята, мои верные кланнеры, братья по оби, которые освободились от рабства и цепей.

Глава 11

ПРИНЦЕССА НАТЕМА КИДОНЕС ИЗ ЗНАТНОГО ДОМА ЭСТЕРКАРИ

Как посмеялись бы мои братья по оби, увидев меня сейчас! Как весело ржали бы эти свирепые кланнеры, увидев своего вавадира и зоркандера разодетым, как попугай!

Прошло три дня с моей неудачной попыткой сбежать. Я знал, что меня выкупили с мраморных карьеров. Когда принцесса Натема чего-нибудь желала, люди дрожали за свою жизнь, пока она не получала желаемое. Теперь я расхаживал по отведенному мне деревянному закутку в мансарде опалового дворца и с презрением рассматривал себя.

Я отказывался облачаться в это одеяние, но Нижни, толстый, скучный, вечно жующий чам надсмотрщик, свистнул трех здоровенных парней - едва ли их можно было назвать людьми. У них были яйцеобразные головы, массивные покатые плечи, мышцы покрывали толстые шкуры мышиноного цвета почти панцирной толщины и крепости, а короткие мускулистые ноги оканчивались перепончатыми ступнями. Двоим было приказано держать меня, а третьему - наносить болезненные удары по спине и ягодицам толстой тростью. Она столь разительно походила на трости из ротанга, положенные старшинам Королевского Флота, где я служил, что я получил три удара прежде, чем у меня хватило ума закричать, что я согласен надеть этот наряд. Ибо, в конце концов, что значит это дурацкое щегольское платье, когда

кругом столько убожества и страданий?

Бивший меня человек - ибо я должен был думать о нем как о человеке и даже не пытаться размышлять, из какого котла кровосмесительных генов он появился, - прежде чем отойти, нагнулся ко мне поближе.

- Я - Глоаг, - представился он. - Не отчаивайся. Настанет день... - Он говорил, будто слова застревали у него в глотке.

Я с недовольством осмотрел себя. На мне была щегольская рубаша с изумрудными и белыми ромбами и алой вышивкой и шелковые штаны с большим расшитым кушаком таких цветов, что слезились глаза. На голове - большой бело-золотой тюрбан, сверкающий фальшивыми самоцветами, яркими перьями и болтающимися бусами.

Если бы меня видела сейчас моя дикая братия с равнин Сегестеса - каких бы только шутилых и фривольных замечаний не отпустили бы они в адрес своего грозного и уважаемого вавадира!

За мной пришел Нижни с Глоагом и его людьми и тремя гибкими и проворными молодыми рабынями. Девушки были одеты в ожерелья из бус, другой одежды почти не было. Глоаг и его товарищи вели свое происхождение с Мезты, одного из девяти островов Крегена. Они носили набедренную повязку из серой кани, типичную одежду раба, но каждого опоясывал изумрудный ремень, на котором покачивалась тонкая ротанговая трость. Я пошел за ними. По своей наивности я понятия не имел, куда иду и зачем так одет. Я не особо задавался также вопросом, зачем мне пришлось принять подряд девять ванн, хотя это не было лишено приятности. Первая ванна была чуть теплой, с меня смыли грязь, которая черными тучами расплзлась в воде, потом ванны становились все горячее и горячее,

пока с меня градом не покатился пот, а затем все холоднее и холоднее, пока я не заорал и не выпрыгнул из ванны, словно из ледяного озера. Однако я почувствовал прилив бодрости. Нижни остановился перед усыпанной изумрудами дверью из золота и серебра. Взяв со стоявшего рядом столика шкатулку, он вынул из нее завернутый в бумагу пакет и аккуратно снял обертку. Внутри лежала девственно белая пара невероятно тонких шелковых перчаток.

Рабыни с утонченной деликатностью помогли мне надеть эти перчатки. Нижни посмотрел на меня, бесконечно жуя свой кусок чама, и склонил голову набок.

- За каждую прореху в этих перчатках, - уверил он меня, - ты получишь три удара ротангом. За каждое пятно - один удар. Не забудь. - И с этими словами он распахнул двери.

Помещение оказалось небольшим, роскошным, доведенным до такого изящества, что переставало быть элегантным и впадало в декаданс. Именно такого, я полагаю, следовало ожидать от покоев принцессы, с рождения привыкшей, что каждая ее прихоть удовлетворялась, что всевозможные роскошества сваливались на нее немедленно. Она никогда не испытывала ни сдерживающего влияния более зрелой и мудрой личности, ни ограничений здравого смысла. Все на свете было для нее возможно.

Принцесса сидела, откинувшись в шезлонге под золотым светильником в виде одной из изящных нелетающих птиц равнин Сегестеса, которых кланнеры любят ловить ради ярких перьев на подарки, приносимые девушкам вместе с несметными стадами чункр. На ней было короткое изумрудно-зеленое платье этого ставшего ненавистным цвета, оживляемого спереди манишкой из серебристой ткани. Свет делал округлые руки розовыми.

Голени у нее были точеные, лодыжки - прекрасной формы, но бедра, как мне подумалось, чуточку тяжеловаты - твердые, округлые и великолепные, но на бесконечную малость полноватые для мужчины с таким требовательным вкусом, как у меня. Буйные желтые волосы лежали на голове, как стог, скрепленные шпильками с изумрудами. Прекрасные губы горели алым, тепло и приглашающе.

Позади нее я увидел в нише нижнюю часть тела и ноги человека гигантского роста, облаченного в стальную кольчугу. Его грудь и голову скрывали от обзора две дверцы из резной кости. Рядом с собой, опираясь острием на пол, он держал длинную шпагу. Мне не требовалось объяснять, что единственный приказ принцессы Натемы заставит его одним прыжком оказаться в комнате и смертельное острие окажется возле моего горла или вонзится в сердце.

- Можешь пасть ниц, - произнесла она.

Я так и поступил. Она не назвала меня растом. Раст, как я теперь знал, был отвратительным шестиногим грызуном, живущим на навозных кучах. Возможно, она поступила неправильно. Возможно, если не считать моих четырех конечностей и более крупных размеров, я в этом дворце был ничуть не лучше раста в его навозной куче.

- Можешь выпрямиться.

Я повиновался.

- Посмотри на меня.

Я снова послушался. Воистину такому приказу подчиниться нетрудно.

Она медленно, лениво поднялась с ложа. Подняв белые, округлые и порозовевшие на свету руки, она томно, сладострастно вытаскивала из волос шпильки с изумрудами, и волосы упали нимбом вокруг ее головы. Она прошла по комнате - легко, изящно, казалось, едва

касаясь надушенных ковров из далекого Пандахема розовыми ступнями с покрытыми изумрудным лаком ногтями, что выглядело несколько экстравагантно. Зеленое платье сползло по плечам, и у меня перехватило дыхание, когда под шелком выступили две твердые округлости. Платье съезжало все ниже и ниже, скользя с едва слышным шелестом, так что она предстала наконец передо мной, одетая только в сорочку из белой ткани, кончавшейся на бедрах рубчиком. Тело принцессы словно светилось изнутри, будто священный огонь в храме.

Она посмотрела на меня сверху вниз - оскорбительно, насмехаясь надо мной, отлично зная притягательную власть собственного тела. Алые губы чуть приоткрылись, и свет лампы упал на них и сверкнул мне в глаза ослепительной звездой страсти.

- Разве я не женщина, Дрей Прескот?

- Да, - согласился я. - Ты женщина.

- Разве я не прекраснейшая из всех женщин на свете?

Она не тронула меня - пока.

Я задумался.

Губы ее сжались. Дыхание вырвалось резко, почти с присвистом. Она стояла передо мной, откинув голову, со сверкающим вокруг нимбом волос, и ее тело было преисполнено природной силой женщины.

- Дрей Прескот! Я сказала: разве я не прекрасней всех женщин на свете?

- Ты прекрасна, - уклончиво ответил я.

Натема втянула воздух и сжала маленькие белые руки.

Она сверлила меня взглядом, и я начал остро осознавать присутствие скрытого в нише мрачного великана в кольчуге. Теперь ее презрение растекалось,

точно сладкий мед.

- Наверно, ты знаешь женщину более прекрасную, чем я?

Я поднял голову и посмотрел Натеме прямо в глаза.

- Да, знал однажды. Но она, думаю, умерла.

Она рассмеялась - жестоко, издевательски, с ненавистью.

- Что проку живому мужчине в мертвой женщине, Дрей Прескот? Я прощаю тебе оскорбление. - Она остановилась и прижала руку к сердцу. - Я прощаю тебя, - повторила она, видимо, удивляясь самой себе. - Но разве я не самая прекрасная из всех живых женщин?

Я признал это. Я не видел никакой причины давать себя убить из-за гордости избалованной девчонки. Моя Делия, Делия с Синих гор - я подумал тогда о ней, и боль скрутила меня, так что я чуть было не забыл, где нахожусь, с трудом сдержав стон. Могла ли Делия остаться в живых? Может быть, саванты взяли ее обратно в Афразою? Я не мог этого выяснить иначе, как отыскав город савантов - но это представлялось невозможным, даже будь я свободен.

Словно внезапно устав от мелких насмешек - хотя, видит небо, она действительно гордилась своей красотой - Натема проказливо упала обратно в шезлонг и, встряхнув головой, обрушила водопад волос на ковры из далекого Пандахема.

- Принеси вина, - лениво приказала она, показывая усыпанной самоцветами сандалией.

Я послушно встал и наполнил хрустальный кубок светлым, неизвестным мне вином из большого янтарного графина. Запах не показался мне особенно приятным. Мне она выпить не предложила, но это не имело значения.

- Мой отец, - сказала она, словно ее мысли

повернули на девяносто градусов в бейдевинд, - считает, что мне следует выйти замуж за князя Працека из Дома Понтье. - Я промолчал. - Дома Эстеркари и Понтье в данное время союзники и господствуют в Большом Собрании. Я говорю с тобой об этих делах, болван, чтобы ты понял, что я не просто прекрасная женщина. - Я по-прежнему не отзывался. Она мечтательно продолжала: - Всего у нас пятьдесят кресел. Вместе с другими объединившимися в блок Домами, как Знатными, так и Простыми, мы образуем достаточно мощную партию, чтобы контролировать все важные дела. Я буду самой могущественной женщиной во всей Зеникке.

Если она ожидала ответа, то напрасно.

- Мой отец, - сказала она, садясь и опираясь округлым подбородком о кулак, рассматривая меня сияющими васильковыми глазами. - Мой отец держит в своих руках власть нашего блока, являясь кодифексом города, его правителем. Ты, Дрей Прескот, должен чувствовать себя крайне счастливым от того, что тебе довелось стать рабом Знатного Дома Эстеркари.

Я склонил голову.

- Думаю, - произнесла она все тем же мечтательным тоном, - что прикажу повесить тебя на балке и высечь. Тебе неплохо будет усвоить такой предмет сегодняшнего урока, как дисциплина.

- Могу я говорить, принцесса? - осведомился я.

Грудь ее поднялась во внезапном глубоком вдохе. Глаза жгли меня, как расплавленный свинец.

- Говори, раб!

- Я пробыл рабом недолго. Мне становится неудобно в этой нелепой позе. Если ты не позволишь мне встать, я, вероятно, упаду.

Она вздрогнула, как от удара, свела брови, губы ее задрожали. Я не уверен, даже сейчас, даже после всех

этих долгих лет, действительно ли она поняла, что над ней посмеялись. Раньше с ней такого не случилось - так откуда же она могла знать? Но она поняла, что я отреагировал не так, как полагалось рабу. В тот момент она утратила надменность принцессы, под усыпанными драгоценностями сандалиями у которой лежали все мужчины-расты. Ее серебристая сорочка пошла складками от участвовавшего дыхания. Затем она схватила зеленое платье, небрежно накинула его и ударила полированными ногтями по золотому гонгу, висевшему на шнурах на расстоянии вытянутой руки от шезлонга.

В комнату немедленно вошли Нижни, рабыни и Глоаг со своими людьми.

- Отведите раба в его комнату.

Нижни заискивающе отвесил поклон.

- Наказать его, принцесса?

Я ждал.

- Нет. Нет. Отведи его обратно. Я его еще вызову.

Глоаг вывел меня весьма грубо, чуть ли не вытолкнул взащей.

Три рабыни в скудных одеяниях из жемчужных ожерелий смеялись, хихикали и лукаво посматривали в мою сторону уголками раскосых синих глаз. Я гадал, какую, черт возьми, тему для болтовни они нашли, а потом вспомнил о своей нелепой одежде. Я представил, что сказали бы Ров Ковно, Локу или Хэп Лодер, скачущие сейчас на вавах на красный закат Антареса по Великим равнинам Сегестеса.

Глоаг хлопнул меня по плечу.

- По крайней мере, ты еще жив, Дрей Прескот.

Мы покинули надушенный коридор, где Нижни снял с моих рук шелковые перчатки. На правом большом пальце осталось пятно от вина. Он поднял хмурый

взгляд, не переставая жевать чам-жвачку.

- Один удар ротаном! - распорядился он, похоже, обиженный, что нельзя дать больше. Из-за угла перед нами вышла рабыня, одетая в обычную серую набедренную повязку, какую носили все рабы-слуги, с кувшином с водой. Висевшая на золотых цепях у нас над головой лампа неожиданно превратила ее волосы в нимб, на мгновение ослепивший меня. Я отвернул лицо и зло посмотрел на Нижни.

- Ах!

Я услышал возглас, полный отчаяния. Кувшин с водой разбился на тысячу кусков, а вода заплескала, отбрасывая пляшущие блики, по всему потайному коридору. Я поднял голову, заслонив слепящий свет рукой.

Одетая в серую набедренную повязку, с высоко поднятой головой, застывшим лицом и слезами на глазах, передо мной стояла Делия с Синих гор и смотрела долгим взглядом на меня, Дрея Прескота, одетого в дурацкие одежды.

Затем, зарыдав от гнева и отчаяния, она бросилась прочь и исчезла с моих глаз.

Глава 12

ДЖИКТАР И ХИКДАР

Действительно ли это была Делия из Дельфонда, Делия с Синих гор?

Как такое могло быть? Эта рабыня, одетая в серую набедренную повязку, - моя Делия? Я застонал. Делия, Делия, Делия... Может быть, девушка в неожиданном освещении просто напомнила мне Делию? Тогда почему же она отвернулась от меня со слезами на глазах, почему она убежала, рыдая от душевной боли или задыхаясь от гнева и презрения?

На углу за светильником стояла превышающая

человеческий рост статуя Талу, одного из тех мифических, как я думал, восьмируких людей с глазами как вишни, браслетами на ногах и руках, вырезанная из бивня мастодонта. Она блеснула бледным, белесым телом, когда я прыгнул вперед, желая остановить девушку. Я задел статую плечом, она покачнулась на постаменте, и я инстинктивно схватил ее, чтобы удержать. Восемь рук Талу, похожие на спицы фургонного колеса, коснулись меня, причем выглядело это как неприкрытый эротический намек. Замешкавшись, я потерял из виду девушку. Она исчезла в лабиринте поддерживающих крышу разноцветных столбов. Прозвучал удар гигантского гонга. Нижни яростно пыхтел и жевал.

- Ей не сбежать! - кричал он вне себя от злости, глотая слова. - Я спущу с нее ее светлую шкуру!

Я схватил Нижни за серую тунику, сжал и поднял, пока загнутые носки его туфель не оторвались от ковра и он не начал трепыхаться у меня в руках.

- Раст! - зарычал я. - Если ты коснешься хоть волоса на ее голове, я сломаю тебе хребет!

Он попытался что-то сказать, но не смог, хотя смысл его речи был ясен.

- Ты можешь высечь меня хоть тысячу тысяч раз, - прорычал я снова, Но я все равно сломаю тебе хребет.

И я бросил Нижни на ковер. Он отлетел в объятия сгрудившихся рабынь, в ужасе таращившихся на меня. Я заметил, что Глоаг и его люди не слишком торопились на помощь главному надсмотрщику. Только теперь они шагнули вперед, со свистом размахивая тростями над головой, и меня отвели обратно в мою комнату. Здесь Глоаг нанес мне единственный удар, заработанный пятном вина на шелковой перчатке. Я подумал, что удар был до странности мягким. Когда все ушли, он

прошептал:

- Время еще не пришло. Не возбуждай у них подозрений, а не то, клянусь Отцом Мезта-Макку, я сам сломаю тебе хребет!

С этим он исчез.

Я, конечно, попытался разузнать что-нибудь о рабыне, разбившей кувшин с водой, но ничего не добился. Я рвал и метал в своей душевной комнатке. Иногда меня, одетого в чертов шутовской наряд, препровождали в затененный деревьями внутренний двор поразмяться, и дважды я видел фигуру наблюдавшей за мной женщины в зеленом платье и вуали. Я догадывался, что это Натема. Ни одна знатная дама Зеникки не рискнет выйти под открытое небо без вуали.

Мы встретились еще три раза, и в последний раз Натема заставила меня раздеться перед ней - поступок, который я считал крайне неприятным и унижительным, но необходимым, имея в виду шпагу великана в нише и трости уроженцев Мезты, которые поджидали за дверью. Из сопровождаемых смехом замечаний увешанных жемчугом рабынь я понял, что принцесса критически оценивала мои качества и стать, словно у зорка или полувава на базаре.

Ее презрение обжигало, всеми силами она старалась показать, какое пренебрежение испытывает ко мне, не обращая внимания на меня, как на человека. Хотя, по большому счету, мне было наплевать. Я жаждал новостей о Делии. Как Натема любила демонстрировать передо мной свои розовые прелести! Я чувствовал, что она пытается побудить меня к какой-то чудовищной глупости. Но одурочить меня будет нелегко.

Однажды она велела Глоагу и его людям высечь меня ротановыми тростями по одной-единственной

причине - как я полагаю, из простого девчоночьего желания произвести на меня впечатление своей властью. И на этот раз Глоаг не слишком усердствовал, кожа не была содрана, хотя, черт побери, досталось мне немало. Все это время Натема стояла, прикусив нижнюю губу, сияя васильковыми глазами и сжимая руки на груди.

- Ты должен понять, раст, что я - твоя хозяйка, твоя божественная госпожа и повелительница! Ты - ничто у меня под ногами! - Она топнула усыпанной самоцветами ножкой, грудь ее вздымалась и опускалась от бушующих страстей. Я с трудом сдержал желание улыбнуться, хотя было сильное искушение. Вместо этого я сказал:

- Надеюсь, ты сегодня хорошо выступишься, принцесса.

Она шагнула вперед и ударила меня по лицу молочно-белой ручкой. Я едва почувствовал удар, настолько меня допекла боль в спине. И задумчиво посмотрел на нее, нахмурившую брови и задрывшую подбородок.

- Из тебя получится интересная рабыня, - заключил я.

Она резко отвернулась, дрожа от ярости, которую Глоаг, похоже, не хотел бы испытать на себе. Он и его люди вытолкали меня вон, и какая-то одноглазая старуха с иссохшим лицом занялась моей спиной. Я привык к порке как к приему наведения дисциплины и четыре дня спустя, стараниями старухи, полностью оправился. Глоаг показал себя настоящим другом.

- Ты умеешь пользоваться копьем? - спросил он меня, пока старуха обрабатывала мне спину.

- Да.

- Ты воспользуешься им, когда придет время?

- Да.

Он нагнулся ко мне - я лежал на постели в своей

комнате лицом вниз. Его тупое квадратное лицо с насмешливым и изучающим выражением приблизилось вплотную ко мне. Затем он кивнул, словно обнаружив что-то, что его удовлетворило.

- Хорошо, - промолвил он.

В Знатном Доме Эстеркари не служило ни одного раба-рапы, по словам других рабов - из-за того, что их вонь раздражала тонкое обоняние хозяйки. Это походило на правду. Не было здесь и рап-охранников. имелись только оши, мазта, бывшие рабами, но наделенные некоторой мелкой властью, связанной с применением трости, и некоторые устрашающего вида создания, попадавшие иногда мне на глаза в опаловом дворце.

Все это время я не мог ничего узнать о Делии - или девушке, которая могла быть Делией из Дельфонда.

Дворец представлял настоящий муравейник, созданный руками рабов и обросший за многие годы многочисленными пристройками по прихотям сменяющих друг друга династий. Охрана состояла из подразделений чуликов, как и люди, рожденных с двумя руками и двумя ногами и обладавших лицами, могущими сойти за человеческие, если не считать загнутых вверх трехдюймовых клыков. Но на этом сходство с людьми заканчивалось. Гладкую маслянистую кожу и выбритые черепа украшала спадавшая до талии коса, окрашенная в зеленый цвет. Маленькие круглые черные глаза застывали в неподвижно-гипнотическом взгляде. Жирные упитанные тела только на первый взгляд казались неуклюжими, на самом деле обладая быстротой и силой. Дом Эстеркари выдавал чуликам в качестве обмундирования сизые туники с изумрудно-зелеными поясами. Оружием они пользовались тем же, что и знать Зеникки - шпагами и кинжалами.

Шпага была общеизвестна под названием джиктар -

"командир тысячи", а ее неразлучный спутник кинжал - под названием хикдар - "командир сотни". О метательном ноже говорили, что это дельдар - "командир десятка". В этом, я думаю, кроется ошибка. По какой-то странной причине люди - и прочие человекоподобные создания, - живущие на Сегестесе, пренебрегают щитом. Его знают, но презируют. Щит расценивается как атрибут слабака, нечто трусливое, коварное, предательское. Я долго спорил по этому поводу - и дело чуть не дошло до того, что друзья стали смотреть на меня косо, думая, не уподобляюсь ли я сам этому презренному оружию, не таков ли я сам трусливый, слабый, коварный, - до тех пор, пока я не доказал в дружеской схватке их неправоту.

К настоящему моменту стало ясно, что мне отвели роль балованного раба в Доме Эстеркари. Из намеков, нащептываний, а также прямых насмешливых ответов Глоага я понял, что принцесса Натема никогда прежде не сталкивалась с человеком, который бы при виде ее красоты не преисполнялся благоговейным трепетом и не лишался бы мужества. Она могла заставить мужчин ползать перед ней на коленях и целовать ее униженные самоцветами ноги. Меня она, конечно, тоже могла заставить - но только под угрозой пытки или порки. Но ведь она всегда славилась своей властью над мужчинами, которую имела как женщина, безо всяких иных побудительных мотивов.

Ей все больше и больше досаждало, что я не ломаюсь перед ней по собственной воле. Я подозревал, что если бы это произошло, великана в кольчуге призвали бы разделить со мной, и Натема стала бы искать себе другую игрушку.

Никто, даже Нижни, похоже, не знал, сколько рабов трудится в Доме Эстеркари. Рабы-писцы вели бухгалтерские книги, но рабы умирали, их продавали,

покупали или обменивали, и общее число на текущий момент всегда оставалось в точности не известно. Умножая путаницу, внутри Дома Эстеркари существовало много семей - Кидонес считались Первой Семей, - и семья могла продать раба в пределах дома и вычеркнуть его или ее из списков. Но фактически они оставались - он по-прежнему горбатился на конюшнях, а она носила воду на кухни одного из дворцов Эстеркари.

Однажды по коридорам и комнатам рабов разнеслась новость. Простой Дом Паранг подвергся нападению через канал, отделявший его от Знатного Дома Эвард. Эварды горячо отрицали свою вину, сваливая все на неизвестных людей. Глоаг подмигнул мне.

- Клянусь Отцом Мезта-Макку, это работа Понтъе! Они ненавидят Эвард черной ненавистью, а наш дом их поддерживает.

Я вспомнил, что говорила Натема о коалиции, обеспечивавшей себе власть. Для меня это мелкое политическое крючкотворство и разгул брави* [Брави (ит.) - наемные убийцы, разбойники, головорезы. (Прим. переводчика.)] ничего не значили. Я жаждал найти Делию. И все же мне приходилось смотреть фактам в глаза - в частности, такому неприятному факту, что у меня нет доказательств, что Делия равнодушна ко мне. Как я мог стремиться к ней после того, что случилось? Не вмешайся я в Афразое, ее могли бы вылечить и безопасно доставить домой к родным в далекий Дельфонд где бы он ни находился. О Дельфонде здесь слышали - и я очень разволновался, узнав об этом, - но никто из рабов не мог сообщить ни где он находился, ни даже является ли он континентом, островом или городом. Несомненно, рассуждал я, у Делии есть все основания ненавидеть меня.

На следующий вечер Натема послала за мной, и на этот раз вместо Глоага и его мезта конвой состоял из желтокожих чуликов в серых туниках с изумрудными полосками. Чулики с наглой развязностью помахивали шпагами. Черные кожаные сапоги грохотали по полу. Недавно в Зеникку прибыла свежая партия невольников-чуликов, и Дом Эстеркари взял для осуществления своих хитроумных планов большую партию этих громил.

Первое, что я заметил, войдя в надушенную комнату, - что одетый в кольчугу великан со шпагой, обычно полускрытый в своей нише, отсутствует.

Стальная кольчуга в Сегестесе - редкий и ценный доспех. Воины обычно носят поножи, наручи, панцири на груди и спине, с крохотными оплечьями, по большей части из бронзы, изредка из стали. Всегдашний идеал бойца Сегестеса - атака, безрассудная атака.

Принцесса Натема выглядела необыкновенно привлекательно в этот вечер, когда на бледнеющем топазовом небе проплыли первые из семи крегенских лун. Вместо длинного изумрудного платья она надела искрящееся золотое одеяние, соблазнительно обрисовывающее фигуру.

- Дрей Прескот! - Натема топнула усыпанной самоцветами ножкой, но это была не ярость. В принцессе произошло какое-то тонкое преобразование, она отбросила высокомерные повадки, и даже показалась мне чуть красивее, чем прежде. Она разрешила мне подняться из согнутого положения и - изумительное дело! - велела сесть рядом с ней. И налила мне вина.

- Ты сказал, что из меня получится интересная рабыня, - прошептала она. Веки ее опустились, а грудь вздымалась от учащенного дыхания. Я ощутил крайнее беспокойство. Проклятый великан отсутствовал, и я впервые подумал о нем, как о своего рода опекуне.

Наши отношения с Натемой расцвели, почти незамеченные мной; но она считала, что я без ума от ее красоты и только боюсь быть убитым, а теперь это препятствие убрано и я могу полностью раскрыть свою любовь к ней. Я знал, что ради нее умерло много мужчин. Она соблазняла меня неторопливо, с уверенностью в успехе, как глотающий добычу питон. Я сопротивлялся, так как хоть она и была цветом женщин и до крайности изощренной в удовольствиях, я мог думать только о Делии. Я не претендую на какую-то огромную способность к самообладанию. Многие мужчины сочтут меня дураком, не вкусившим меда, когда бутон раскрыт. Но чем более страстными становились ее авансы, тем, напротив, больше она меня отталкивала.

Не люблю думать, чем бы это закончилось.

Нитки с изумрудами обвивали белую шею Натемы и тянулись по обнаженным рукам, когда она легла у моих ног. Теперь она не стыдясь умоляла, обратив ко мне залитое слезами лицо. Покрасневшее, возбужденное, страстное.

- Дрей! Дрей Прескот! Я не могу произнести твоего имени без трепета. Я хочу тебя - только тебя! Я стала бы твоей рабыней, если бы могла. Все, что хочешь, Дрей Прескот, будет твоим - только попроси!

- Между нами ничего нет, Натема, - грубо ответил я.

Разрази меня гром, если мне не предстояло быть убитым из-за того, что я ничего не желал от этой надушенной, злой, прекрасной женщины!

Она сорвала со своего восхитительного тела одеяние из золотой ткани и, умоляюще рыдая, протянула ко мне руки.

- Разве я не прекрасна, Дрей Прескот? Разве есть во всей Зеникке женщина красивее меня? Ты мне нужен... я хочу тебя! Я женщина, а ты мужчина, Дрей Прескот!

Я отступил и понял тогда, признаюсь откровенно, что слабею. Вся ее страстная красота лежала у моих ног, все ее презрение, пренебрежение и насмешки исчезли, осталась только обезумевшая девушка с растрепанными волосами и залитым слезами лицом, и она умоляла меня любить ее. О да, я чуть не поддался - ведь в душе я по-прежнему оставался простым матросом.

- Я наблюдала за тобой, Дрей, много-много раз! О да! Я боролась со своими желаниями, со своей страстью к тебе. Она разрывала мне сердце. Но больше я не могу противиться. - Она поползла ко мне, умоляя: - Пожалуйста, Дрей, пожалуйста!

Мог ли я поверить? Слова казались вызубренными, заученными ради какой-то скрытой цели. И все же - она лежала у моих ног, умоляя меня, нагая, опутанная изумрудами на нитях, светясь розовым телом. Я не знал, была ли это еще одна дьявольская хитрость - или принцесса истинно возомнила, что любит меня.

Она поднялась, протянув ко мне руки, грудь ее поднималась и опускалась от страсти, красные губы сияли, глаза горели любовью, все чувства поражали глубиной...

Дверь распахнулась от удара, и в комнату ввалился, шатаясь, чулик с торчащим из тела копьём, с которого стекала яркая кровь.

Натема истошно закричала.

Я прыгнул вперед, схватил упавшую шпагу чулика правой рукой и кинжал левой. Заслонив Натему, я повернулся лицом к взломанной двери.

В комнату ввалился еще один чулик, пытавшийся удержать разрезанные края горла. За дверью бушевали люди и зверо-люди.

- Быстро! - схватила меня за руку Натема. Она, не одеваясь, бросилась к нише, где обычно стоял воин в

стальной кольчуге. Скользнула в сторону панель. Мы прошли в тайный ход - и тут прилетевшее копье вонзилось, дрожа, в дерево, не давая панели полностью закрыться.

Яростные крики и лязг стали пришпорили нас, и мы побежали во весь дух по каменной лестнице в тусклом свете светильников пока не добрались до площадки, куда выходило много дверей. Позади нас послышался топот ног. Перед одной из дверей лежало тело воина в кольчуге. Его забили до смерти дубинами. Измолотили в кровавое месиво. Вокруг лежали кучей тела рабов, людей и зверей. Он умер достойно. Я отдал воину честь, он несомненно ее заслужил.

Затем нагнулся и поднял его широкий кожаный пояс со стальной пряжкой. На поясе висели пустые ножны для шпаги и кинжала. Я подобрал это превосходное оружие - одно вынул из тела раба-оша, другое из твари, сплошь покрытой черными волосами, с носом, который сделал бы честь орудийному порту.

- Скорее, идиот! - взвизгнула Натема.

Я устремился за ней, стискивая в руках обретенный арсенал.

Мы побежали по тускло освещенным масляными светильниками потайным ходам дворца. Вокруг дико плясали тени. Я услышал впереди звук шагов и остановился. Натема прильнула ко мне, тяжело дыша. Я воспользовался задержкой и застегнул на талии широкий кожаный пояс убитого воина. Щегольская одежда оказалась вполне пригодной для вытирания клинков. Затем я снял ее и отбросил прочь, оставшись в одной набедренной повязке.

- Нижни будет недоволен, - прошептал я.

- Что? - поразила она.

- Его белые шелковые перчатки вконец испорчены.

- Недоумок! - Ноздри Натемы побелели. - Перед нами убийцы, а ты болтаешь о белых шелковых перчатках!

У Натемы все еще оставались изумрудные серьги и ожерелье, ниспадающее до талии. Пока я аккуратно снимал это с нее, она непонимающе глядела на меня широко распахнутыми глазами. Камни я выбросил.

- Пошли, - сказал я и посмотрел на нее. Нагнувшись, я потер рукой в пыли на полу, а затем вымазал грязью ее лицо, волосы и тело, несмотря на то что она сопротивлялась, извиваясь и ругаясь.

- Помни, - резко сказал я. - Ты - рабыня. Если бы взгляд мог убивать, Натема бы меня убила. Затем мы крадучись двинулись вперед, мягко ступая, навстречу звукам боя и убийства, и я убедился, что принцесса идет, опустив голову и волоча ноги, как и положено послушной рабыне.

Глава 13

СХВАТКА В КОРИДОРЕ

Их было пятеро в узком коридоре между домашними мастерскими рабов и парадной частью дворца на этаж ниже личного будуара принцессы. Они нашли трех рабынь для развлечения и хотели добавить еще одну. Мы с Натемой пробирались сквозь хаос дворца, обходя изолированные места стычек, уклоняясь, когда мимо пробегали рабы, убиваемые охами и чуликами, и стражники, убиваемые рабами. Я подобрал для Натемы серую набедренную повязку. Она поморщилась, увидев на ней грязь и пятна крови. Но я шлепнул ее по мягкому месту, и она все-таки облачилась в это прискорбное одеяние. Должен признаться, что, к моему удовлетворению, перебитых стражников попадалось на глаза намного больше, чем рабов, и нам волей-неволей приходилось ждать. Хотя у меня так и чесались руки

вступить в бой и сражаться рядом со своими товарищами-рабами, я испытывал странно противоречивое чувство ответственности за Натему.

Она не могла быть чистым злом; возможно, она и вправду полюбила меня, и это сразу же возлагало ответственность на мои плечи. И даже если она не любила, я вовсе не упивался мыслью о том, чтобы ее лучистая красота досталась на растерзание неистовой армии убивающих, поющих и буйствующих повсюду рабов.

Поэтому мы пробирались туда, где, как она обещала, будет безопасно, и вот путь нам преградили пятеро чуликов, прихвативших для развлечения трех девушек. Эти чулики явно не стремились, присоединиться к сражавшимся.

Они увидели Натему и рассмеялись, сверкая клыками.

- Оставь ее, раб, и можешь возвращаться!

- Отдай ее нам, и тебя не убьют!

- Клянусь Ликшу Вероломным, а она красотка!

Я загородил Натему. Мы должны были проследовать дальше, к апартаментам знати. Чулики перестали смеяться. Они выглядели озадаченными. Трое из них выхватили шпаги и кинжалы.

- Что, раб? Ты оспариваешь приказ хозяев?

- Эта девушка вам не достанется, - мягко сказал я. - Она моя.

И услышал, как тихо охнула Натема.

Три сгрудившиеся рабыни едва ли заслуживали мимолетного взгляда. Все мое внимание сосредоточилось на наемниках. Будь они ошами, соотношение сил было бы равным. Я выставил ногу вперед и взял на изготовку шпагу и кинжал, как научил меня давным-давно мой старый наставник-испанец.

"Французская школа фехтования отличается изяществом и точностью, говаривал он. - И итальянская - тоже". Он учил меня изящному искусству фехтования малой шпагой. Орудуя этой колючкой, можно делать выпады и парировать. Орудуя же более тяжелой, более жесткой елизаветинской шпагой, как клинок, что я сжимал, требовалось увертываться или уклоняться от выпада или же пускать в ход кинжал, помощник шпаги, хикдар джиктара. Тем не менее я мог прилично фехтовать шпагой и без мэнгоша. Я не испытываю от этого большой гордости. Точно так же обстоит дело с моей способностью бегать по рее брамселя в шторм или проплывать невероятные расстояния под водой, не выныривая, чтобы глотнуть воздуха. Ты есть то, что ты есть, такова твоя природа.

Нынче, то есть в двадцатом веке, фехтование - спортивная игра, которой обучаются в университете. Она столь же далеко отстоит от искусства смертельной схватки на шпагах, как Земля от Крегена. *La jeu du terrain** [*La jeu du terrain* (фр.) - игры на траве. (Прим. переводчика.)] тоже имеет отдаленное отношение к яростным и смертельным крегенским схваткам на мечах. Учитывая невесомую легкость современных спортивных шпаг, парирование, спасающее от вспыхивания лампочек и звонка, отмечающих укол, прошло бы едва замеченным. Любому юному хлыщу, фехтующему на спортивных шпагах в университете, нечего и надеяться уцелеть на Крегене без решительного изменения своей техники, которое было бы весьма благотворно.

Однако в то время, о котором я рассказываю, я фехтовал по большей части саблей при abordage и палашом или гладиусом верхом на зорке или ваве. Шпаги я не держал в руках много лет. Все схватки на мечах идут от сложного к простому. Эти чулики из-за узости

коридора, сужавшегося здесь еще больше из-за огромной пандахемской вазы, могли наступать на меня только по двое. Отлично. Значит, по двое и будут умирать.

Между стен зазвенели клинки. Я парировал клинок первого кинжалом, накрутил шпагу второго чулика на свою, поворачивал запястьем, сделал выпад, вытащил окровавленный клинок и опять парировал кинжалом возобновившуюся атаку первого. Все это происходило очень медленно. Да, медленно - но смертельно.

Моя шпага парировала клинок третьего противника - он с отвагой перешагнул через дергающееся тело товарища, чтобы добраться до меня, но прежде, чем сумел как следует сцепиться со мной, я насквозь пронзил горло первому, а затем отпрыгнул в сторону, дав длинному выпадуге пройти мимо. Я быстро сблизился с чуликом и вонзил ему в живот кинжал. Мгновенно вынув оба клинка, я прыгнул, чтобы встретить последних двух противников, - и при первом же натиске моя трофейная чуликская шпага с предательским "дзинь" сломалась пополам.

Я услышал крик женщин.

Кровь сделала пол скользким. Я швырнул в чулика рукоять. Он ловко увернулся. Пламя светильников поблескивало на его желтом лице. На мгновение бой стал ближним и смертельно опасным. Чуликов сдерживал только мой кинжал. Затем я выхватил из ножен шпагу, взятую у воина в кольчуге, что так доблестно дрался и геройски погиб. В самом деле, клинок его оказался настоящим чудом! Баланс и быстрота! Сверкающая сталь воткнулась меж ребер предпоследнего противника.

Единственный оставшийся в живых чулик уставился в потрясении и ужасе на трупы четырех своих товарищей. Он попытался сбежать, и я решил позволить ему это сделать. Я посторонился, пропуская его по

коридору, и, подняв окровавленный клинок, иронично отдал ему честь.

Боковым зрением я уловил движение, обернулся и увидел, как рабыни поднимаются. На двух еще сохранились остатки облачения из жемчужных ожерелий. Само собой, эти наемники-головорезы прихватили самых хороших. Затем я перевел взгляд на третью - обнаженную, дрожащую, но с глазами, полными огня, которую я знал, помнил и любил, - Делию, мою Делию...

Я быстро оглянулся. Чулик, которому я был готов дать уйти, шел на сближение и намеревался любезно всадить мне шпагу меж ребер. Мое мнение о нем как о бойце изменилось не в лучшую сторону. На такой дистанции ему следовало бы воспользоваться кинжалом. Поступи он так, я бы об этом сейчас не рассказывал. Я отбил длинный клинок кинжалом и вонзил шпагу ему в живот. С миг он извивался на клинке; затем я вытащил шпагу, и он рухнул, заливая пол кровью.

Натема кинулась ко мне на шею, дрожа и рыдая.

- Ах, Дрей, Дрей! Ты истинный боец Зеникки, достойный Знатного Дома Эстеркари!

Я попытался стряхнуть ее.

Я глядел на Делию с Синих гор, выпрямившуюся во весь рост, обнаженную, испачканную, с пыльными и растрепанными волосами, упругим и твердым телом. Она смотрела на меня прозрачными карими глазами - и не боль ли я в них увидел? Или это было презрение и гнев, или холодное безразличие?

Внезапно нас окружили одетые в зеленое вельможи, хлынувшие в коридор, во главе с Галной, чье белое лицо исказилось, когда он увидел Натему. Он в ужасе закричал и обернул ее пылающую наготу мишурным плащом одного из вельмож. Рабынь оттеснили назад, когда принцессу заключили в крепкий часток из живых тел.

Произошла некоторая сумятица.

И тут Гална увидел меня.

Глаза его всегда излучали злобу, но теперь они сузились и безжалостно и злобно буравили меня. Он поднял шпагу.

- Гална! Дрей Прескот... - Натема осеклась. Она снова повысила голос, опять став надменной, самоуверенной хозяйкой наивысших чудес Крегена. - С ним надо хорошо обращаться, Гална. Позаботься об этом.

- Слушаюсь, принцесса, - Гална резко повернулся ко мне. - Отдай клинок.

Я послушно протянул шпагу чулика, уже подобранную мной. Протянул также и чуликский кинжал, который, в отличие от моего джиктара, не подвел меня. Теперь набедренная повязка скрывала широкий пояс, а пустые ножны хлопали по ногам. Гална позволил мне сохранить их - эти, как он полагал, мишурные сувениры.

Я попытался было пойти следом за Делией, но в забаррикадированных покоях знати двигалось взад и вперед множество народа - надменные молодые люди, дворяне, офицеры, бравы из Дома Эстеркари, Понтье и многих других, объединившихся вокруг этих двух Домов ради предстоящей великой охоты на рабов. Я потерял Делию. Натема приказала мне принять ванны девяти видов, а затем направиться в свою комнату. Словно я какой-то мальчишка-гардемарин, попавшийся на ребяческой выходке и посланный в наказание на топ мачты!

- Я пришлю за тобой, раб, - были ее прощальные слова. Да плевал я на нее с высокого дерева. Делия... Делия!

Натема ради своего достоинства и положения должна была демонстрировать перед всеми гордость и

надменность. Она не могла показывать любви к рабу, которую столь недавно пылко демонстрировала мне, обнаженная, умоляющая на коленях. Но когда она придет за мной - что я смогу сделать, что сказать?

Раздался робкий стук в дверь, едва слышный. Когда я открыл, в комнату ввалился Глоаг, с окровавленным телом, мертвенно-бледным лицом, стискивая в кулаке обломок копья. Глоаг посмотрел на меня.

- День настал, Глоаг?

Он покачал головой.

- Они применили аэроботы, прилетели на крышу и забросили бойцов к нам в тыл - людей, зверей и наемников, с мечами, копьями и луками. У нас не было никаких шансов. - Он осел, израсходовав последние силы.

- Дай-ка я промою тебе раны.

Он с трудом раздвинул губы.

- Это по большей части кровь проклятых стражников.

- Рад слышать.

Он не сказал, что привело его сюда. Этого и не требовалось. Я принес воду в чаше, мази для ран и кровоподтеков, свежие полотенца и помог ему. Затем отодвинул от стены низенькую кровать на колесиках и показал место за ней между стеной и полом.

Глоаг стиснул мне руку и прохрипел гулким голосом:

- Да прольет на тебя свою милость Мезта-Макку, Отец всего сущего!

Я ничего не сказал и просто задвинул кровать обратно, пряча его.

Избиение рабов в опаловом дворце принцессы Натемы Кидонес из Знатного Дома Эстеркари продолжалось три дня. Многие прибывшие подавить

бунт рабов носили яркие разноцветные ливреи союзных Домов, объединившихся с Эстеркари. Городская стража в ало-зеленых мундирах тоже действовала энергично, ибо восстание угрожало безопасности всего города.

В течение этого периода я приносил спрятанному у меня под кроватью Глоагу еду и вино, заботился о нем, разговаривал с ним, так что мы стали лучше понимать друг друга.

- Я слышал, ты здорово владеешь шпагой и кинжалом, - сказал он, выскребая чашу коркой хлеба.

- Я мог бы показать тебе стиль фехтования оружием поменьше шпаги, без кинжала, способный поразить многих головорезов.

- Ты поучишь меня фехтованию?

- А ты знаешь план дворца?

Глоаг знал. Возможно, он плохо знал город, но путь в опаловом дворце мог отыскать достаточно легко, ориентируясь в тайных ходах и стоках. Он не сбежал потому, что считал своим долгом драться вместе с рабами. Теперь он застрял у меня в комнате, как в капкане. Я обещал Глоагу заняться его обучением.

Мне кажется, что страшного возмездия, обрушенного на рабов, избежали только Делия, две рабыни в жемчугах, Глоаг и я сам. Когда всех рабов перебили, Знатный Дом потратил целое состояние на покупку новых. Это был серьезный удар - чисто финансовая потеря от бунта рабов.

Натема прислала за мной, и опять, одетый в дурацкий наряд, новый - еще более роскошный, чем прежний, с массой ярко-алых деталей, я отправился со стражниками и Нижни. Мы вышли на высокую крышу, выходящую на широкий рукав дельты со стороны, обращенной к морю. Над головой кружили чайки с широким размахом крыльев. Солнца искрили в воде, а

воздух свежо и остро пах морем, особенно после тошнотворной замкнутости дворца. Я расправил грудь и наполнил легкие воздухом, наслаждаясь знакомым запахом.

Со стороны суши от нас располагался город - великолепие цвета и света, с высокими шпилями, куполами, башнями, зубчатыми стенами, создающими беспорядочную путаницу перспектив. За каналом пламенели на фоне флагштоков лилово-охровые вымпелы Дома Понтье. Дальше находились другие анклав, построенные на островах дельты. Со стороны моря я видел - и как при этом забилося мое сердце! - мачты кораблей, причаленных у скрывааемых стенами и крышами пирсов.

В этом скрытом саду на крыше царило буйство тысячи душистых цветов, клонились на ветру тенистые деревья, в нишах, обвитых плющом, стояли мраморные статуи, журчали фонтаны воды. Натема ждала моего падения ниц, раскачиваясь в кресле вроде гамака, лицом к поручням у отвесной стены высотой в тысячу футов.

У ног Натемы, усыпанных самоцветами, сидела, согнувшись, одетая в жемчуга и перья, Делия из Дельфонда.

Я удержал бесстрастное выражение лица. Я мигом оценил ситуацию, и нависшая над Делией опасность заставила меня задрожать.

Ибо Делия ахнула при виде меня, и гордое лицо Натемы повернулось к ней, и на лбу у принцессы появилась легкая нахмуренность.

Беседа пошла своим чередом - именно так, как я ожидал. Мой отказ поразил Натему. Она велела рабам отойти за пределы слышимости и взволнованно рассматривала меня. Легкий ветерок ерошил ей волосы, васильковые глаза были одновременно горящими и

томными. Она выглядела очень красивой и желанной.

- Почему ты отказываешься, Дрей Прескот? Разве я не предложила тебе все?

- Мне думается, - осторожно ответил я, - что ты велишь убить меня.

- Нет! - она стиснула руки. - Почему, Дрей Прескот, почему? Ты сражался за меня! Ты защищал меня!

- Ты слишком прекрасна, чтобы умереть позорной смертью, принцесса.

- О!

- Ты предложила бы мне все это, не будь я твоим рабом?

- Ты мой раб, и я могу делать с тобой все, что пожелаю!

Я не ответил.

Она оглянулась туда, где сидела Делил, вышивая шелковый кусочек гобелена и притворяясь, что не смотрит на нас. Щеки у нее покраснелись. Натема растянула в улыбке спело-красные губы.

- Я знаю! - прошипела она сквозь белые зубы. - Знаю! Эта рабыня... Стража! Сюда... Приведите эту девку!

Когда чулики встали перед нами, крепко держа Делию, та вздернула маленький подбородок и смерила Натему настолько гордым и пренебрежительным взглядом, что вся кровь в моем теле помчалась и запела. На меня Делия не взглянула.

- Вот причина, Дрей Прескот! Я видела твой взгляд, там, в коридоре, где ты перебил пятерых вероломных стражников! Я все видела!

Она отдала приказ, от которого я прирос к месту. Чулик выхватил кинжал и приставил его к груди Делии. И повернул маслянисто-желтое лицо к Натеме, флегматично ожидая следующего приказа.

- Эта девушка что-нибудь значит для тебя, Дрей Прескот?

Я взглянул на Делию, смотревшую теперь не отрываясь на меня, с высоко поднятой головой, с прекрасным, упругим и бесконечно желанным телом. Царица среди женщин, вот кто такая Делия с Синих гор! Неизмеримо прекраснейшая женщина на всем Крегене и на всей Земле, несравненная, лучезарная, божественная. Я покачал головой и грубо, презрительно бросил:

- Рабыня? Нет... она для меня ничего не значит.

Я увидел, что Делия сглотнула. Веки ее дрогнули.

Натема улыбнулась, словно одна из тех самок лимов из прерий, мохнатых злобных представителей семейства кошачьих, против которых кланнеры вели непрерывную войну, защищая стада чункр. Она сделала знак, и Делию вернули к гобелену. Я заметил, что пальцы у Делии чуть подрагивали, когда она направляла иглу, но спина оставалась прямой, тело упругим, а жемчужины сильнее блестели от пылания ее великолепной кожи.

- В последний раз, Дрей Прескот: ты согласен?

Я покачал головой, благодарный, что по крайней мере на время Делия избавлена от непосредственной опасности. Случившееся затем было острым и грубым, но, учитывая обстоятельства, не неожиданным.

По приказу, который Натема выкрикнула неистовым, срывающимся голосом, чулики схватили меня, поволокли к перилам и наполовину столкнули меня, так что я повис над пучиной. Вода подо мной закручивалась в водоворот от длинной песчаной косы, тянувшейся с конца острова. Воздух пах очень сладко и свежо, с резким привкусом соли.

- Ну, Дрей Прескот! Одно слово! Одно слово - вот и все, что я прошу!

Я был не настолько глуп, чтобы воображать, будто

смогу легко пережить такой прыжок. Это будет рискованная ставка с соотношением шансов отнюдь не в мою пользу. Я мог легко расшвырять чуликов, выхватить шпагу, пробить себе дорогу сквозь них и попробовать сбежать в муравейнике дворца. Но я считал, что Натема не швырнет меня в вечность. Конечно, она с рождения привыкла делать все, что угодно, и получать все, что захочется. Но если она возомнила, что любит меня, то станет ли меня уничтожать?

Я подобрался, готовый извернуться, как зорк, и швырнуть в пространство держащих меня желтобрюхих трусов.

- Одно слово, Натема? Одно слово я тебе уделю! Нет!

Я услышал пронзительный крик Делии и шум завязавшейся борьбы. Я подтянулся на одной руке, и чулик, ахнув, попытался удержать меня.

- Что здесь происходит?

Произнес это резкий, сильный голос, тоном человека, привыкшего к абсолютной власти. Чулики втащили меня обратно. На крыше с душистым садом происходила немая сцена.

Все рабы пали ниц. Делию держали двое чуликов. Натема грациозно склонилась в подобии реверанса. Человек, к которому были адресованы эти многочисленные знаки подобострастного уважения, был, похоже, не кто иной, как отец Натемы, Глава Дома, Кидонес Эстеркари, кодифекс города собственной персоной.

Это был высокий суровый человек с мрачными складками морщин вокруг рта и надменным черным светом в глазах. Волосы и борода у него были тронуты сединой. Он стоял, высокий, одетый с ног до головы в изумрудный цвет Эстеркари, с усыпанными

драгоценными камнями шпагой и кинжалом на боку, и я гадал, скольких рабов он убил, сколько человек проткнул на дуэли и в стычках брави. Лицо его ясно показывало практичную одержимость властью, жажду обладать этой властью и безнаказанно ее применять.

- Ничего, отец.

- Ничего! Не пытайся надуть меня, дочь. Этот раб спутался с твоей девушкой? Говори, Натема, клянусь кровью твоей матери.

- Нет, отец. - Натема опять приняла привычную надменную позу, - Эта девушка ничего для него не значит. Он сам так сказал.

Черные глаза пронзили взглядом меня, Делию, дочь. Руки в перчатках стиснули рукоять шпаги.

- Ты обручена с князем Працеком из Дома Понтье. Он прибыл сюда переговорить с тобой об организации свадьбы. Я, как и положено, уделил внимание финансовому боккерту.

Из толпы знати в изумрудно-зеленых одеждах позади кодифекса вышел молодой человек. Я увидел также Галну, с белым и злым лицом, как и всегда. Молодой человек был одет в лилово-охровые цвета Понтье. На боку у него висела невероятно пышно изукрашенная шпага. Он взял руку Натемы и поднес ее ко лбу. Его лицо с резкими чертами было несколько кривобоким, но держался он тем не менее с достоинством.

- Принцесса Натема, звезда небес, возлюбленная Зима и Генодраса, ало-изумрудных чудес неба! Я прах у ваших ног.

Натема ледяным тоном дала какой-то официальный ответ. И посмотрела на меня. Кодифекс поймал этот взгляд. Он сделал знак, и воины-люди схватили меня и Делию.

Они приволокли нас пред очи кодифекса. Натема вскрикнула. Он велел ей замолчать.

- Не думай, будто я не знаю, что значит мишурный наряд этого раба! Клянусь кровью твоей матери, ты, кажется, принимаешь меня за дурака! Ты подчинишься! Все остальное - ничто! - Он сделал повелительный жест. Убейте его и девушку. Убейте обоих рабов. Немедленно!

Глава 14

МЫ С ДЕЛИЕЙ И ГЛОАГОМ ЕДИМ ПАЛИНЫ

- Убейте обоих рабов! Немедленно!

Я пнул благородного кодифекса в чувствительное место, выволок двух стражников вперед себя и швырнул их, спотыкающихся, в изумрудно-зеленую кучку знати, выхватил шпагу у кодифекса из ножен и двумя быстрыми, жесткими выпадами убил стражей, державших Делию. Свободной рукой схватил ее за руку и бегом потащил к лестнице в конце сада на крыше.

- Дрей! - прорыдала она. - Дрей!

- Беги, Делия с Синих гор! - крикнул я. - Беги!

Внизу, где лестница заканчивалась дверью, отделявшей покои знати от жилых помещений рабов, меня постарались остановить двое охранников - и поплатились за старания жизнью. Я захлопнул за ними двери, и мы бросились бежать.

Рабы, шедшие по своим делам, смотрели на нас тусклыми глазами. Покупатели новых рабов и надсмотрщики вроде Нижни с ходу отдубасили много спин, чтобы с самого начала вселить страх и отчаяние, что является необходимым для раба. Нам не мешали. Нас словно не замечали. Я надеялся, что все же через месяц-другой рабы обретут какое-то подобие обычной способности к болтовне, пересудам и любопытству.

- Куда мы бежим, Дрей? Что нам делать?

Я хотел пасть на колени перед этой лучезарной

девушкой и молить о прощении. Если бы не я, она сидела бы в Дельфонде и была бы счастлива в лоне семьи. С каким презрением и ненавистью она должна относиться ко мне! И, что еще хуже, из-за подозрения, что я люблю ее, она могла умереть! Часто ли можно сказать такое о нежеланном мужском внимании к девушке на Земле?

- Скорей, - сказал я.

В своей комнате я откатил кровать на колесиках. Глоаг поднял пораженный взгляд, увидев Делию. Глаза его расширились, и он присвистнул.

- Ходу, дружище Глоаг, - бросил я резко, заставив его вскочить, а Делию - вздрогнуть.

Мы выскочили за дверь и помчались по лабиринту коридоров. В одной нише подальше от своей комнаты я содрал с себя дурацкий наряд. С помощью шпаги мы смастерили набедренные повязки для меня и Глоага и тунику для Делии. Я почувствовал теплое восхищение тем, как она принимала свою наготу в нашем присутствии. При столь отчаянном положении, в котором мы оказались, лицемерие розовой кожи мало что значило.

Мы стояли, готовые двинуться дальше. Делия собралась в отвращении вышвырнуть жемчуга, но я удержал ее и попробовал одну из бусин на зуб.

- Настоящие. Сгодится на что-нибудь.

Затем меня поразила мысль о потрясающей несправедливости. Такая гордая принцесса, как Натема, не станет одевать своих рабынь в поддельные жемчуга, такое поведение было бы показателем безвкусицы и неотесанности. Точно так же, разве стала бы она одевать человека, которого надеялась сделать любовником, в поддельные самоцветы? Думаю, мои пальцы чуточку дрожали, когда я рылся в куче брошенной одежды.

В огромном тюрбане, унизанном камнями кушаке и

туфлях самоцветы оказались настоящими.

Это я знал точно. Я бросался в атаку, глотая пороховой дым не ради славы. Бывая у лондонского ювелира, я перебирал драгоценные камни именно для такой надобности.

Я держал в руках целое состояние.

- Скорее, - скомандовал я и засунул камни в складку ткани внутри набедренной повязки. Вокруг талии у меня был застегнут широкий кожаный пояс, взятый у воина в стальной кольчуге. Мы шли коридорами, известными Глоагу. Он держал в руке копье. Я бы не рискнул встать сейчас у него на пути.

На жесткой, мышинного цвета шкуре Глоага я заметил над левой лопаткой след клейма, вензель, соответствующий буквам К. Э. Натема обезображивала прислуживающих ей рабынь, которых видела ежедневно. К моему бесконечному облегчению, Делию, пробывшую на кухне, по ее словам, всего один день, не заклеямили. Меня, как потенциального любовника принцессы, тоже не стали клеймить.

Мы удостоверились, что в материале избранной нами одежды нет ни одного изумрудно-зеленого клочка. Я накинул на плечи в качестве плаща короткий алый квадрат и заставил Глоага сделать то же самое.

Он находил дорогу с безошибочной точностью, пока мы не добрались до узкого, пыльного, заросшего паутиной коридора внизу дворца, где с одной стороны сквозь трещины между массивными базальтовыми блоками сочилась вода. У нас будет больше шансов ночью, когда два солнца зайдут в буйстве топазовых и рубиновых красок и, если повезет, между первой из семи лун и землей проплывет небольшое облачко. Подобно любому моряку, узнав однажды положение с приливом и луной, я постоянно держал эти сведения в голове,

готовый в любой момент выдать точное положение того и другого. На Крегене приходится учитывать семь лун и их фазы; но я автоматически был уверен, что смогу сказать, когда наступит самый темный период ночи.

Привыкнув к долгим вахтам без еды, я испытывал озабоченность насчет Делии; но тут Глоаг поразил нас, достав ломоть хлеба, несколько размякший и помятый, и горсть палин, сохраненных от предыдущего ужина, контрабандой принесенного мной. Мы поели с аппетитом, вполне естественным у голодных людей, не оставив ни крошки.

Учитывая обстоятельства, в дальнейшем побег проходил без особых трудностей. Мы проползли через вонючий тайный ход и потерну. Глоаг оказался превосходным разведчиком. Мы выплыли в канал, украли ялик и погребли при тусклом свете трех лун, проходивших низко над головой. Движение ближайших к Крегену лун заметно на глаз. О побеге из города на аэроботе не могло быть и речи, поскольку городская стража наверняка сейчас усиленно патрулирует воздушные трассы. Я осторожно выпрашивал направление у рабов и узнал точное местонахождение анклава Эвард среди прочих островов. Я брался за отчаянную игру, но у меня имелась козырная карта.

Весь город поднят на ноги из-за побега рабов, особенно Знатного Дома, и нас могут, конечно, выдать. Но я в этом сомневался. Эвард и Эстеркари были друг с другом на ножах. Мы бесшумно подплыли к причалу, где люди в зелено-синих ливреях Дома Эвард проводили нас к главе их Дома. Я принял надменный и властный вид. Когда возникает необходимость, вавадир может держаться столь же авторитарно и по-диктаторски, как любой человек, командующий людьми.

Беседа протекала без формальностей и приятно.

Ванек из семейства Ванек Знатного Дома Эвард живе́й всего напоминал мне Кидонеса Эстеркари. Оба страдали мрачной иссушающей жаждой власти. Он сидел в голубовато-зеленых одеждах, скрестив руки, и слушал. Когда я закончил, он велел принести вина, а рабыням - позаботиться о Делии.

- Добро пожаловать в Эвард, Дрей Прескот, - сказал Ванек, когда мы сели за стол с вином и закусками. Солнца всходили над крышами в ало-золотом великолепии, подернутые бледно-зеленым огнем. - Мой сын, принц Варден, в данное время отсутствует. Но я сочту за честь помочь. Мы не то, что эти расты Эстеркари. Союз между принцессой и этим щенком Працеком - дело серьезное. - И Ванек принялся пространно рассуждать о политике борьбы за власть в городе.

Всеобщее Собрание заседало постоянно. Его совещания, дебаты и законодательная деятельность шли без перерыва. В Собрании насчитывалось четыреста восемьдесят мест. В городе, же имелось двадцать четыре Дома, как Знатных, так и Простых, поэтому среднее число мест на Дом достигало двадцати. Некоторые из них, вроде Эстеркари, могли похвалиться большим числом мест в собрании - до двадцати пяти, то есть тем же числом, что и Эвард. Но давление оказывали блоки власти, альянсы и пакты между Домами, так что какая-то одна партия могла получить большинство голосов. Когда я подивился выносливости депутатов собрания, Ванек рассмеялся и объяснил, что в счет шли только кресла. Любой принадлежащий к Дому мог заседать в креслах, зарезервированных в Собрании для его Дома. Власть давало только число кресел; заседавшие в них люди постоянно приходили и уходили, часто по расписанию дежурств, вроде системы вахт на море.

- И Эстеркари имеют немалый вес. Кидонес Эстеркари - кодифекс всей Зеникки!

Это-то явно и являлось источником злобы Ванека из Дома Эвард. На его взгляд, кодифексом, признанным вождем самой мощной коалиции, полагалось быть ему самому.

Затем я увидел еще одну интересную подробность жизни Зеникки. Вызвали согбенного, сморщенного бородатого раба в серой набедренной повязке, и он с мастерством, на которое стоило посмотреть, удалил клеймо с плеча Глоага. Он раскалил бы тавро и заклеил бы Глоага по новой, вензелем В. Э., но я ему не позволил.

- Глоаг свободен, - веско сказал я.

Ванек кивнул.

- Само собой разумеется, ты и Делия с Синих гор свободны, Дрей Прескот, ибо вы не были заклеимены. И также свободен должен быть ваш друг Глоаг, если вы этого желаете. - Он знаком велел бородатому рабу уйти.

- Я распоряжусь обработать Глоагу кожу. Шрам будет незаметен. - Ванек рассмеялся. - Мы в Зеникке набрались немало опыта по части удаления чужих клейм и замены своими.

Его жена, прямая, строгая и все же носящая ореол былой красоты, мягко заметила:

- В Зеникке проживает около трехсот тысяч свободных людей, по сравнению с семьями тысячами из Великих Домов. Конечно, - она сделала жест белой, как слоновая кость, рукой, - у них нет никаких кресел в Собрании.

- Они живут на островах и в анклавах, расколотых улицами, - добавил Ванек. - И во всем подражают нам. Подобно нам, они занимаются ремеслами и торговлей и иногда бывают полезны.

В центре города река Никка опять разделялась на рукава и составляла самый большой остров. На этом-то острове и располагалось сердце города здание Всеобщего Собрания, казармы городской стражи, административные здания и запутанный лабиринт узких переулков и каналов, выходивших к базарам, где продавалось и покупалось все, что угодно.

Через некоторое время, когда начало казаться, что у Ванека и его жены нет лучшего занятия, чем болтаться со мной, Ванек предельно вежливо спросил, нельзя ли ему осмотреть мою шпагу. Я не сказал ему, что отнял шпагу у Кидонеса Эстеркари. Ванек взял ее со странным для меня благоговением - он ведь мог купить и выбросить тысячу ей подобных - и неожиданно усмехнулся.

- Некачественная работа, - сказал он, посмотрев на жену. - Работа Красни. Рукоять с точки зрения бойца чересчур усыпана драгоценными камнями.

Я потер пальцы.

- Я это заметил.

- У нас в Эварде самые лучшие и самые прославленные кователи мечей во всем мире, - буднично заметил он.

Я кивнул.

- Мои кланнеры приобретают оружие из города, когда возникает необходимость. Нам нет дела до того, кто его сработал, - при условии, что мы можем купить самое лучшее - или взять.

Он потер подбородок и отдал шпагу обратно.

- Мы изготавливаем оружие на продажу для мясников и кожевников, а те продают его вам за мясо и шкуры. Но шпаг они не продают. Гладииусы, палаши, секиры - да, но шпаги - нет.

- Человек, владевший этой шпагой, жив, - пояснил я.

- Но он, вероятно, все еще не разогнулся и изрыгает

содержимое своего желудка.

- А, - понимающе произнес Ванек Эвард и больше не задавал вопросов.

Разговор затянулся. Полагаю, Ванек, подобно многим другим власть имущим, просто не представлял себе, что другой человек может устать, когда он сам еще не устал. Снова всплыло ненавистное имя Эстеркари, и я узнал, что они являются ведущими судовладельцами города. Затем жена Ванека проворчала что-то о том, что эти проклятые палачи тащат не свое, и об убийствах, а потом я услышал выпрыгнувшее неведомо откуда название твердое, сильное и звучное.

Название это было - Стромбор.

Я считаю теперь, что тогда, когда впервые услышал это название, оно прозвенело и прогремело у меня в ушах, как громкий призыв боевой трубы, или я обманываю себя, и на меня повлияли все последующие годы? Не знаю, но название это, казалось, воспарило, раскатилось эхом и зазвучало у меня в голове.

Наконец я сумел отправиться отдохнуть, и меня препроводили в покои, где в углу уже храпел Глоаг. Я рухнул на постель и погрузился в сон, и последнее, о чем я думал, - это о Делии с Синих гор. Как и каждую ночь своей жизни.

Мы пробудились под вечер и утолили голод свежеиспеченным крегенским хлебом, батонами длиной со шпагу, тонкими ломтиками из спины вуска и под конец палинами с крегенским чаем, обладающим ароматом и остротой. Когда мы снова встретились с Ванеком, он приветливо поздоровался с нами. Я спросил о Делии.

- Я распоряжусь, чтобы она присоединилась к вам, - сказал Ванек и отправил раба.

Только для того, чтобы увидеть, как тот вернулся с

известием что Делии в комнате нет и рабыня, с такой заботой и вниманием настаивавшая на уходе за ней, тоже пропала. Я выпрямился в кресле. Рука легла на эфес шпаги.

- Пожалуйста! - Ванек выглядел растерянно. Произвели поиски, но Делию так и не нашли. Я был в ярости, а Ванек - вне себя от оскорбления, которое ему пришлось из-за этого вынести - оскорбления, нанесенного ему тем, что он оскорбил почетную гостью.

Во время побега мы с Делией из Дельфонда обменялись лишь несколькими словами, так как рядом был Глоаг и, по крайней мере со своей стороны, я чувствовал себя скованно, уверенный, что она ненавидит и презирает меня. Она рассказала нечто, что меня до крайности озадачило. Когда мы оба исчезли из бассейна крещения в Афразое, она, открыв глаза, обнаружила себя на пологом песчаном берегу, а к ней неслись фрислы, и она ничуть не удивилась, увидев меня. После того как меня скинули с зорка, ее отвезли в город напрямик в Дом Эстеркари. Из-за судовладельческих интересов Эстеркари занимались процветающей торговлей невольниками. И тут Делия потрясла меня. Потому что, по ее словам, на следующий день она увидела меня в коридоре, одетым в дурацкий костюм, и разбила кувшин.

Также она рассказала мне, что при каждом из случаев - когда ее захватывали в плен или продавали в рабство, она видела высоко в небе белого голубя, а еще выше, над ним - ало-золотого орлана.

Объявили о прибытии посла. Вошел грубоватый усатый рослый мужчина, выглядевший до странности неуместно в зелено-синих цветах Эвардов, со шпагой на боку. Его лицо кипело гневом и тщетно подавляемой яростью. Он был, как я понял, Защитником Дома, то есть занимал такой же пост, как у Эстеркари - белолицый

Гална с его злобными глазами.

- Ну, Энкар?

- Послание, мой вождь, - от Эстеркари. Рабыня, которой мы доверяли как они насмеются над нами из-за этого! - похитила госпожу Делию с Синих гор.

Я вскочил, дрожащей рукой до половины обнажив клинок, и знаю, что моя физиономия, должно быть, показалась окружающим просто дьявольской.

Это было правдой. Все устроила рабыня с ее льстивыми уговорами. Она служила шпионкой Натемы. Она, как стало известно, отправила сообщение хозяйке, и люди в проклятых изумрудных ливреях поджидали ее у крошечной потерны. Там-то они и схватили мою Делию, набросили ей на голову мешок, быстро отнесли в гондолу и уплыли к анклаву Эстеркари. Все это было правдой. Правдой, разбившей мне сердце.

Но было и еще кое-что.

- Если человек, именуемый Дрей Прескот, добровольно не сдастся кодифексу, - продолжал Энкар, и на его грубоватом честном лице отражалось отвращение к этим словам, - то госпожу Делию с Синих гор ждет участь, какая назначается непокорным рабыням, совершившим побег... - Он запнулся и посмотрел на меня.

- Продолжай.

- Ее разденут и выпустят на двор к рапам.

За спиной у меня кто-то ахнул. Я не знал, о чем идет речь, - но догадывался.

- Дрей Прескот... что ты можешь сделать? - спросил Глоаг. Он поднялся и встал рядом со мной - невероятно сильный и умный, друг, несмотря на перепончатые лапы и шерсть мышинного цвета.

Как я уже говорил, смеюсь я неохотно. Но я откинул голову - я, Дрей Прескот, - и рассмеялся, там, посреди

Большого зала Дома Эвард.

- Я отправляюсь, - со смехом сказал я. - И если хоть волос упадет с ее головы, я сравняю Дом Эстеркари с землей и перебью их всех до единого.

Глава 15

В ЯМЕ С ЛИМАМИ

Глоаг выразил желание драться вместе со мной.

- Нет, - сказал я.

- Дай мне копье, - проворчал он громовым голосом.

- Это мое дело.

- Твое дело - мое дело. По крайней мере, копье.

- Тебя убьют.

- Я знаю там все ходы и выходы. Без меня убьют тебя.

- Знаю, - ответил я.

- Значит, убьют нас обоих. Дай мне копье...

Я повернулся к Ванеку.

- Дай моему другу копье.

- ...а теперь - да осенит нас обоих свет Отца Мезта-Макку.

Я получил у Ванека отличную шпагу и кинжал, а в обмен рассказал, кто последний владел шпагой, висевшей у меня на боку.

Он пришел в неистовый восторг от мысли об обладании трофеем, вырванным у заклятого врага.

- Ты говорил, что рукоять у нее ценная, - сказал я. - Послушай, не сохранишь ли для меня эти камни? - Я протянул Ванеку завернутые в тряпку драгоценности. Глоаг настоял, чтобы и его долю тоже взяли на хранение. Он говорил об этом крайне серьезно. С таким богатством Глоаг мог сколотить небольшое дело в свободном квартале и жить припеваючи до конца своих дней, пользуясь всеобщим уважением.

Когда я сказал Ванеку, что мне еще требуется, он

рассмеялся, хлопнул себя по бедру и крикнул Энкару, чтобы тот приготовил ялик и подвез в нем одного из своих воинов, замаскированного так, чтобы его можно было принять за меня. Затем мы поднялись на крышу, и я не без трепета устроился в аэроботе. Я впервые оказался на подобном судне.

Это было чудом. Аэробот имел форму лепестка, с прозрачным лобовым стеклом спереди, ремнями для удержания пассажиров, шкурами и шелками для того, чтобы они могли укрыться. Мы с Глоагом пристегнули ремни. Возничий слова "пилот" я тогда не знал, кроме как в значении "лоцман" - заставил наше суденышко прыгнуть в воздух, в потоки закатного света алого солнца. Скоро за ним последует и зеленое. С течением времени, после затмения солнц, зеленое солнце станет предшествовать красному при восходе и заходе. Крегенский календарь в большой степени основывался на относительном вращении солнц. Я напрягся, когда мы понеслись вперед в красноватом меркнувшем свете.

Я планировал опуститься в сад на крыше прежде, чем везущий моего двойника ялик доберется до пристани Эстеркари. Аэробот пошел по наклонной вниз, и я с радостью увидел, что сад под нами пуст. Мы с Глоагом спрыгнули, и аэробот отлетел на безопасное расстояние. Мы помчались по уже знакомой лестнице в жилье рабов. Даже если бы мы надели рабские набедренные повязки грязно-серого цвета, мы все равно привлекли бы внимание оружием, поэтому я предпочел оставаться в алой набедренной повязке и алом плаще, и Глоаг последовал моему примеру.

Мы нашли рабыню, которая под угрозой копья Глоага более чем охотно сообщила нам, что пленницу, которую она столь хорошо помнила, заперли в клетке над ямой с лимами. Я содрогнулся. Войти опять в опаловый

дворец уже само по себе было плохо, но куда хуже спуститься в его подземелья, ниже уровня воды, где бегали вдоль влажных стен мохнатые, гибкие, злобные лимы. Там гнило уже много человеческих костей. Лим - восьминогий хищник, гибкий, как хорек или ласка, но размером с леопарда, с клинообразной головой и клыками, способными пробить насквозь дубовую дверь. На Великих равнинах мы убивали лимов без пощады. Они нападали на стада чункр, отдавая предпочтение детенышам, ибо взрослый чункра без труда мог насадить лима на рога, а потом отбросить на сотню ярдов.

Я видел, как одним ударом лапы с выпущенными когтями лим оторвал воину голову, а потом раздавил ее, словно гнилую тыкву.

И все же попасть к лимам было куда более предпочтительной участью для Делии с Синих гор, чем быть раздетой и выброшенной во двор к рапам.

Мы могли надеяться только на скорость и дерзость нашего предприятия.

Я надеялся, что Кидонес Эстеркари и его злодейка-дочь, принцесса Натема, будут вместе с Галной ждать на пристани прибытия ялика, о котором им наверняка доложили. И все же - а была ли Натема злодейкой? Если она и впрямь влюбилась в меня, учитывая столь несчастные для характера обстоятельства рождения и воспитания, разве она не действовала бы именно таким образом? Женщина, оскорбленная, что ею пренебрегли, - не та личность, к которой оскорбителю стоит поворачиваться спиной, особенно если она держит в руке кинжал или умеет метать терчик.

Мы осторожно шли по высокому карнизу над ямой с лимами. Стенки сочились влагой. Тут все провоняло лимами, той душащей, мохнатой, забивающей горло вонью, что столь тошнотворна в замкнутом

пространстве. В прерии этот запах разносится ветром, улавливается дикими чункрами и предупреждает, что настало время стать в круг с детенышами в центре, выставив рога наружу.

Лимы кружили вдоль стен в яме под нами. В центре висела на канате клетка, в которой ничком лежала Делия со связанными запястьями. К клетке тянулись через блоки канаты, при помощи которых клетку можно было поднимать и опускать. Увидев нас, Делия вскрикнула, а лимы в яме зашипели, зафыркали и принялись прыгать на стенки, пытаясь добраться до нас.

Канатов было шесть. Я определил тот, что вытаскивал клетку, и взялся за него.

Нет, - возразил Глоаг. - Госпожа, - обратился он к Делии, - вы должны встать и зацепиться руками за прутья клетки. Держитесь крепче - ради собственной жизни!

Я не колебался.

- Делай, что тебе сказал Глоаг!

Спотыкаясь, со спадающими на лицо волосами, Делия встала и просунула связанные руки меж прутьев, повиснув на перекладине.

- Я готова, - сообщила она недрогнувшим голосом.

Я подтянул канат.

В тот же миг канат, шедший к низу клетки, натянулся, пол клетки разошелся в центре и распался на две половины. Если бы Делия осталась стоять там, ее выбросило бы, словно уголь из бункера, прямо в когти и клыки лимов.

Я втащил ее, поймал в объятья и опустил на карниз. На ней все еще оставалась алая набедренная повязка. Она вдруг неудержимо задрожала. Я поддержал ее и одним движением шпаги освободил от пут. Затем мы поспешили выбраться по карнизу из этой адской ямы.

Светильники отбрасывали полосы света на длинную

гладкую спину Делии, блестящую от пота. Мы добрались до крыши и увидели, что зеленое солнце уже зашло; теперь над нами плыла самая большая луна Крегена, Дева-с-Множеством-Улыбок, омывая сад розовой дымкой. Возничий аэробота держался наготове и, заметив нас, сразу стал спускаться по наклонной. Приближался, однако, еще один аэробот. Суда шли сходящимися курсами. Ночной ветерок шелестел цветками, закрывшими лепестки на закате, чтобы теперь предаться лунному свету. На лестнице послышались шаги и голоса, заплясал свет факелов, отблески шпаг и кинжалов.

Наш аэробот сел на крышу. Второй опустился рядом, из него выскочили чулики, сверкая в лунном свете изумрудно-серыми одеждами. Позади нас на крышу выскочили воины.

Я толкнул Делию к аэроботу, а Глоаг с копьем наперевес устремился навстречу чуликам.

Воины позади, чулики впереди. Мы в меньшинстве и в западне - но все равно будем драться.

Я убил троих быстрыми выпадами, отступая к аэроботу. Чулики пытались добраться до Глоага, вонзавшего и вырывающего копье с дикой ликующей точностью. Он отворял чуликам кровь, орошая цветы. Я обхватил Делию левой рукой за талию.

- Отходи к аэроботу, Глоаг! - заорал я.

Он с громким криком прыгнул к нам. Возничий нашего аэробота тоже вступил в бой, его шпага сверкала огнем в лунном свете. Нас теснили. Делия извивалась, вырываясь из моей руки.

- Выпусти меня, дурень здоровенный!

Я послушался ее. Она подхватила упавший кинжал и вонзила его в сердце чулика, который собирался было проделать то же со мной, затем прыгнула к аэроботу

чуликов. Я уложил следующего чулика, запрыгнул в аэробот, свалившись рядом с Делией, развернулся, словно лим, и рубанул по сунувшейся к нам физиономии вонзив шпагу глубоко в череп. От лобового стекла отскочила стрела. Я заорал глухо и неистово, и возница Глоага круто направил свое суденышко вверх. Возничий аэробота чуликов, на вид мягкотелый юнец в зеленом мундире Эстеркари, уставился на мой клинок, сглотнул и положил руки на рычаги управления. Мы начали взлетать. Вокруг нас разливался розовый лунный свет. Ветер развеивал мой алый плащ.

Чья-то рука схватилась за планшир судна, накренив его. В мое поле зрения попал чулик с кинжалом в зубах и нацеленной в сердце Делии шпагой. Я с силой обрушил клинок ему на голову. Он только коротко вскрикнул, его рука со шпагой дернулась, кинжал выпал из зубов, и он рухнул вниз, прихватив с собой мою шпагу, застрявшую в костях его черепа.

Сзади прозвучал длинный тихий стон. Я стремительно обернулся, и весь мир прыгнул мне в горло. Делия?..

Стрела сразила возничего, пронзив его насквозь, град новых стрел просвистел там, где только что была моя голова, звякая и опережая панель управления. Аэробот дико запрыгал...

И взлетел, как пробка, по дуге. Ветер подхватил его и погнал в лунном свете.

Далеко внизу раздавались крики.

Я столкнул возничего с наклонного сиденья и выкинул за борт.

А затем беспомощно уставился на управление.

- Оно сломано, Дрей Прескот, - подтвердила подозрения Делия из Дельфонда. - Аэробот неуправляем.

Ветер все быстрее и быстрее нес нас над городом. В

одно мгновение громадные здания уменьшились в размерах и стали похожи на кубики на полу в детской. Потом они исчезли в лунном мареве, и мы остались одни, беспомощно дрейфуя над поверхностью равнин под лунами Крегена.

Глава 16

В ВЕЛИКИХ ПРЕРИЯХ СЕГЕСТЕСА

Если вы скажете, что Креген, ввиду его двух солнц, обладает неумеренным, чтобы не сказать чрезмерным, числом лун, я могу только ответить, что природа вообще по сути своей избыточна. Таков уж Креген. Дикий, жестокий и прекрасный, беспощадный к слабым и неумелым, терпимый к честолюбцам и наемникам, положительно щедрый к смелым и неразборчивым в средствах. Креген - планета, где достоинства иные, чем у нас на Земле.

Земная Луна и планета Марс, которая относительно невелика, как я понимаю, возникли из отлетевшей расплавленной земной коры во времена, когда шел процесс образования солнечной системы. Таким образом в космосе пропало что-то около двух третей земной коры, лишив нас большей площади поверхности суши и, соответственно, более глубоких морей. На Крегене улетучилось лишь около половины первоначальной поверхности, образовав не одну луну и планету, а семь лун. Астрономически это вполне допустимо.

Из девяти островов Крегена ни один не уступает по площади Австралии. Есть, конечно, бессчетное количество островов поменьше, рассеянных по морям, и никто толком не может сказать, кто или что там живет.

Мы - Делия с Синих гор и я, Дрей Прескотт, летели на поврежденном аэроботе в глубь Великих Равнин континента Сегестес.

Разговаривали мы мало. Я - от того, что ощущал в

девушке обиду на меня, естественные чувства негодования и презрения, какие она должна была испытывать ко мне, несмотря на мое преклонение перед ней, не имеющее себе равных ни на Земле, ни на Крегене. Но Делия по-прежнему не знала - и не должна была знать - о моей эгоистичной страсти.

Сперва Делия отказалась от предложенного алого плаща; но перед рассветом, когда Дева-с-Множеством-Улыбок побледнела на небе и стало прохладно, она согласилась его принять. Взошло красное солнце. Это солнце в Зеникке называли Зим. Зеленое солнце называли Генодрас. Сомневаюсь, что хоть кто-нибудь знает все великое множество названий солнц и лун Крегена, бытующих на планете.

- Лахал, Дрей Прескот, - сказала Делия, когда над горизонтом появился краешек солнца.

- Лахал, Делия с Синих гор, - ответил я. Говорил я мрачно, и моя неприветливая физиономия, должно быть, угнетала ее, так как она резко отвернулась. Я увидел, что она рыдает.

- Если ты заглянешь в черный ящик под штурвал, - произнесла она через некоторое время все еще приглушенным голосом, - то найдешь там пару серебряных шкатулок. Если ты сможешь раздвинуть их, хоть самую малость...

Я последовал указаниям. Там действительно стояли две почти соприкасающиеся серебряные шкатулки, и я, крикнув, развел их в стороны. Аэробот стал плавно снижаться.

Я искренне удивился.

- Почему ты... - начал было я.

Но Делия повернулась ко мне великолепно-округлым плечиком и посильнее закуталась в алый плащ - и я воздержался от вопросов.

Наконец мы приземлились, и я оказался на равнинах, где провел пять насыщенных событиями лет. Я снова стал кланнером. За исключением одного вокруг меня не было никаких кланов.

Единственным оружием, которым мы располагали, был кинжал, а также наши руки и мозги.

Вскоре я поймал дикого букса - хорошая еда, если изжарить его, обмазав глиной, чтобы удобнее было удалить иглы. Мы напились из чистого ключа и сидели у костра. Я любовался красотой Делии и находил в душе способность быть довольным.

Мы находились на широкой и плодородной полосе земли, что примыкает к морю, в которое впадает Никка, называемому здешними жителями Морем Заката, поскольку находится на западном краю континента. Оно напоминает мне теперь о море, в которое погружается солнце в Сан-Франциско с его фантастическими видами. Мы находились на окраине Великих равнин. Зеникка черпает свои доходы - рабов, минералы из рудников и продукты с полей - не только с глубины материка, но и со всего побережья. Я питал надежду, что нам повезет и какой-нибудь караван наткнется на нас прежде, чем мы решим возвращаться в город пешком.

Я решил подождать с неделю. Возможность, что нас найдут кланнеры, особо не радовала. Я не мог надеяться, что это будут люди из клана Фельштраунг или Лонгуэльм. Любой же другой клан окажется враждебным. И тогда девушка сильно затруднит переговоры.

Мы прождали шесть дней, прежде чем увидели караван. За это время я обнаружил, что трещина в стене, которая отделяла меня от Делии, несколько расширилась. Делия начала терять холодную сдержанность и становится импульсивной, прекрасной, своенравной девушкой, какой была на самом деле. Она не

рассказывала мне ни о Дельфонде, ни о семье, ни о прошлом. А я так и не расспросил единственных людей, способных сообщить мне, где находится Дельфонд - в Доме Эвард, - а рабы о нем не ведали.

Мы разбили небольшой лагерь, и Делия охотно помогала по хозяйству. Я сработал из дерева стурм крепкий заостренный кол - и он пригодился, когда мне пришлось драться с самкой линга. Она неожиданно выскочила из-под кустов и попыталась уволочь Делию. Линги живут среди кустов и камней малой равнины, где есть деревья и ручьи. Величиной они с собаку колли, но на шести ногах, с длинной шелковистой шкурой и когтями, достигающими четырех дюймов длины, способные вспороть шкуру чункре. Я сработал из убитой самки великолепную меховую накидку для Делии, которая ей очень шла. В мехах она выглядела великолепной и женственной.

Первый сигнал, что караван близко, не был звуком бубенцов, стуком мозолистых подушечек на ногах калсаниев или криком погонщиков. Это были пронзительные вопли дерущихся людей и похожие на звон гонга удары стали о сталь.

Я прыгнул к зарослям кустов возле лагеря, сжимая в кулаке заостренный кол.

Этот период отношений с Делией стал для меня по-настоящему драгоценным. Обманывал ли я себя или она смягчилась по отношению ко мне? Она всегда вела себя корректно, вежливо, мягко и услужливо в мелких вопросах хозяйственных забот. Мы избегали тем, подвергнутых табу по молчаливому уговору, но могли говорить на досуге много часов о всевозможных вещах - от такого волнующего вопроса, кто был первым существом на Крегене, до обсуждения наилучшего способа носить белые шелковистые меха линга. Да, это

время было воистину драгоценно - время, проведенное под лунами Крегена у лагерного костра ночью. Такие мысли пронеслись у меня в голове, когда я увидел небольшой караван, подвергшийся нападению кланнеров. Зачем впутываться? Лучше подождать, пока все закончится, кланнеры заберут добычу и пленных, за которых можно получить выкуп, и укачут восвояси, распевая дикие и шумные песни. Любое вмешательство с моей стороны вполне может закончиться тем, что секира пробьет мою глупую башку и прекратит слишком короткий сладкий период дружбы между мной и Делией.

- Смотри, Дрей Прескот, - сказала Делия, присоединившаяся ко мне, всмотревшись сквозь кусты. - Зелено-синее! Это караван Знатного Дома Эвард.

- Вижу, - буркнул я.

Кланнеры принадлежали к неизвестному мне клану. Повстречайся мы с ними, когда я скакал по Великим равнинам среди моих кланнеров, меж нами не обошлось бы без кровопролития. И если бы я остался в живых, дело кончилось бы взятием или отдачей оби. Эти кланнеры значили для меня ничуть не больше, чем воины Эварда. Но Делия сжала губы и посмотрела на меня, глаза ее опасно искрились - по крайней мере, такими они казались мне, для которого не существовало на двух планетах ни одной женщины, достойной нести шлейф ее платья.

- Отлично, - сказал я. В последнее время я что-то очень много говорил. Неразговорчивый от природы, кроме тех случаев, когда речь идет о волнующей меня теме, я за последнее время, как теперь выражаются, распустил язык. Приняв решение, я не терял времени даром. Я встал, вскинул свое оружие и устремился в свалку.

Воины в зелено-синем верхом на полувавах яростно

сражались с кланнерами на зорках. Это давало жителям города некоторый шанс. Шпаги проникали сквозь неуклюжую защиту и пронзали мускулистые тела. Секиры описывали широкие круги и раскалывали черепа, расшвыривая мозги.

Кланнеры были небольшим отрядом налетчиков - об этом мне сказали их зорки, - и, должно быть, наткнулись на караван, сами не ожидая. Я оказался среди них прежде, чем кто-то сообразил, что в бой вступила новая сила. Я не издал ни звука.

Через минуту я спешил двух кланнеров, вооружился секирой и помчался к группе из трех всадников, пытавшихся сорвать драпировки с роскошно отделанного паланкина. Я отбросил мысль поднять шум, словно я передовой боец целой армии. Одет я был не как кланнер, не как горожанин, а как охотник Афразои, и обе стороны быстро бы раскусили хитрость.

Секира отделила голову моего противника от туловища, пошла, обратно разрезав щеку другого, и сшибла его с седла. Третий поднял на дыбы забившего копытами зорка, готовый зарубить меня и вполне способный это сделать. Я отпрянул, и его удар рассек пустой воздух. Драпировки раздвинулись, и неуверенно высунулась голова, увенчанная широкой плоской шляпой. Я увидел, как позади всадника, готового напасть на меня, воин в зелено-синем вонзил шпагу в горло кланнеру, клинок застрял, и воин с миг бестолково дергал его. В следующий миг железная птица должна была погрузиться в спину воина Эварда.

Я сильно метнул секиру, применив старую хитрость кланнеров, и отточенные шесть дюймов стали вонзились в грудь всадника на зорке. Тот тупо посмотрел на секиру, а потом свалился.

Кланнер, что находился передо мной, рванул вперед

и обрушил на меня собственную секиру. Я бросился под замах удара, избежал зубов зорка - с вавом я был бы уже покойником - и, подпрыгнув, обхватил воина за талию. Мы оба рухнули наземь. Когда я поднялся и огляделся, мой кинжал уже алел от его крови.

- Отлично, джикай! - услышал я хриплый крик.

Кланнеры решили, что с них хватит. То, чему полагалось быть милым неспешным убийством и грабежом, превратилось в кровавую баню. С дикими и недоуменными криками они поскакали восвояси.

Мы избежали их последних парфянских выстрелов - стрелы воткнулись в землю. Если бы они задержались, у нас хватило бы луков, чтобы ответить на их стрельбу с довеском.

Ныне я частенько невольно улыбаюсь, читая невежественное употребление слов, когда земляне говорят о варварском оружии. Часто читаешь, что лучники "открыли пальбу". Я, бывало, применял кремь и кресало, открывая огонь из мушкета, палил из пистолета, много раз открывал огонь из автомата. Я даже применял зажженный фитиль, обмотанный вокруг пальника, стреляя из тридцатидвухфунтовой пушки на качающейся орудийной палубе трехпалубного корабля. Но во всем этом дыму и пламени я никогда не открывал огонь из лука. Никто не палит из лука стрелами. Возможно, это выражение можно отнести к особым случаям, когда мы, кланнеры, привязывали к стрелам горящие тряпки и применяли их для поджога фургонов наших врагов, как поступили мы однажды в дикий день в Ущелье Утопанных листьев.

Всадник на полуваве вытащил наконец шпагу из горла врага и посмотрел на меня с выражением любопытства на бронзовом энергичном лице с черными глазами. Подстриженные волосы покрывал стальной

шлем. Всадник оценивающе смерил взглядом меня, а я - его. Гибкий и статный, он хорошо держался в седле, и я видел, как он фехтует: несмотря на последнее досадное происшествие из-за шейных костей - а они иногда ведут себя весьма подло, зажимая клинок, - он держался превосходно.

Всадник поскакал в мою сторону.

Проехав мимо, он обеспокоено нагнулся к паланкину.

- Тетя Шуша! Ты не пострадала?

Голова в широкой плоской шляпе показалась вновь. На этот раз старая женщина высунулась дальше, и я увидел, что в обтянутой перчаткой правой руке она держала изящный кинжальчик. Лицо у нее было древнее - морщины и мешки под глазами говорили о ее преклонных годах, но глаза смотрели достаточно живо, яркие и злые.

- Незачем зря болтать, юный Варден! Конечно, я не пострадала! Не думаешь же ты, что я дам себя напугать несчастной шайке заморышей вроде этих надоедливых кланнеров?

Она собралась выйти, и воины подбежали, чтобы спустить паланкин с высоты между двух калсаниев. Она спустилась - маленькая, невероятно живая старушка. Синее платье было повсюду прострочено алыми нитями - точно солнце на воде.

- Тетя Шуша! - в притворном ужасе запротестовал юноша, который, как я теперь понял, был принцем Варденом Ванеком из дома Эвард. - Ты не должна себя утомлять.

- Да цыц ты! Ты даже не сказал "лахан" этому молодому человеку... Она пригляделась ко мне выцветшими глазами. - Посмотри на него: бегают полуголый и убивает людей с такой же легкостью, как я

продеваю иголку сквозь гобелен. - Она живо заковыляла ко мне. - Лахал, молодой человек. И спасибо за все, что вы сделали. Мне это напоминает... - Она оборвала фразу, и Варден спрыгнул с высокого седла, чтобы поддержать ее. - Цвет... цвет! Он живо напоминает мне...

- Лахал, госпожа, - поздоровался я, постаравшись смягчить свой голос, но он все равно напоминал угрожающее рычание.

Варден, поддерживавший тетку, уставился на меня. Глаза его смотрели прямо.

- Лахал, джикай, - поздоровался он. - Виноват, я проявил нерадивость, не поблагодарив тебя как подобает. Но моя тетя - она стара...

Она постучала обтянутым перчаткой пальцем по его бронзовой руке.

- Хватит тебе, юный сумасброд, оскорблять меня. Я не старше, чем мне положено.

Я знал, что на Крегене мужчины и женщины могут ожидать, если не погибнут и не заболеют, куда более продолжительной жизни, чем на Земле. Этой старой леди, прикинул я, скорее двести, чем сто.

Все это время я не улыбался.

- Лахал, принц Варден Ванек Эвардский. Я - Дрей Прескот.

- Лахал, Дрей Прескот.

- Ты ведь не видел, как Дрей Прескот спас твою шкуру, так ведь, племянничек? - И она объяснила, как я метнул секиру, спасая Вардена.

- Это настоящий джикай, - закончила она, чуточку запыхавшись.

- У меня еще имелся хикдар, госпожа, - поскромничал я, показывая кинжал.

Она засмеялась и закашлялась.

- Так же как и у меня - мой маленький дельдар.

Я взглянул. Верно, ее кинжальчик оказался терчиком.

Удивленный возглас вернул наше внимание к окружающему. С возвышенности к нам спускалась Делия с Синих гор. Одета в алую набедренную повязку, с белыми мехами, колышущимися в такт ее гибким движениям, с восхитительно смотрящимися в свете солнц длинными проворными ножками, она вызвала возгласы благоговения из уст всех воинов. Я затаил дыхание. Она была великолепна.

После того как я представил их друг другу, оставалось только вернуться в город с эвардским караваном. Он вез тетю Шушу из ее ежегодного паломничества к горячим источникам Бенги Десте. Бенга, спешу объяснить, это крегенское слово, больше всего соответствующее земному "святая".

Не могу объяснить почему, но когда я задал новым знакомым свой привычный вопрос, на этот раз я испытывал напряженное чувство ожидания. На морщинистом лице тети Шуши появилось рассеянное выражение.

- Афразоя? Город савантов? Кажется, я слышала некогда о таком месте. Но это было очень-очень давно, и моя бедная голова не может вспомнить.

Глава 17

БОЕЦ-БРАВИ ЗЕНИККИ

Теперь жизнь для меня, Дрея Прескота, потекла по совершенно иному руслу. Раньше мне не доставало товарищества. Я нашел этот редкий на Крегене товар только среди шатров и фургонов кланнеров в лице Хэпа Лодера и ему подобных. Масперо и прочие, как я думал, богоподобные существа из Афразои всегда внушали мне глубокое благоговение, но не больше. И вот теперь я снова обрел товарищей в лице принца Вардена и его

ближайших соратников в доме Эвард города Зеникки. А также, самое странное, я нашел чувство дружбы, теплой, человеческой - настоящей роскоши для меня, в виде мудрого общения с тетей Шушей. Я признавал, что она может однажды вспомнить то, что знала об Афразое, но не нуждался в этой надежде, чтобы восхищаться ею. Признаться честно, моя привязанность к ней граничила с глупостью - если приязнь вообще может быть глупостью.

Аэроботы были в Сегестесе предметом редким и дорогим, и Ванек отправил отряд починить и доставить обратно тот, на котором сбежали мы с Делией, рассматривая его как еще один трофей, вырванный у ненавистных Эстеркари. Делия сказала, что знакома с аэроботами, и добавила, что ее страна имеет непосредственное отношение к их производству.

Я с немалым воодушевлением подключился к планам Дома Эвард сбить спесь с Дома Эстеркари. Одетый в зелено-синие цвета Эварда, я щеголял вместе с другими молодыми бойцами, когда мы прогуливались по пассажирам, навещали питейные заведения и участвовали в различных развлечениях в местном эквиваленте Сохо в Зеникке. Я заходил во впечатляющее здание Собрания и наблюдал, как проходили нескончаемые дебаты, а мужчины и женщины входили и выходили, покидая или занимая кресла, отведенные их Домам. Мы даже вступили в пару стычек между брави - сплошные развевающиеся плащи, лязг и звон шпаг и кинжалов, крики и смех, а затем поспешное отступление, когда мы заметили изумрудно-алые мундиры городской стражи, спешившей разнять дерущихся.

За стенами нашего анклава мы, конечно же, находились в безопасности. Для того чтобы прорваться в анклав, потребовалась бы целая армия. Правда, имело место множество случайных налетов - и часто, как я

узнал с мрачно-ироническим весельем, чем немало удивил принца Вардена - ради похищения какой-нибудь девушки. Ни один Дом не чувствовал себя в одиночку достаточно сильным, чтобы напрямую бросить вызов другому. Примерно сто пятьдесят лет назад Эстеркари, благодаря крючкотворству, убийствам, подкупу, а затем и голой силе, выгнали предшествующий Дом из анклава и прочих его владений, где они теперь располагались. Ядовитая ненависть тети Шуши к изумрудно-зеленому объяснилась, когда я узнал, что она была из Стромбора, то есть принадлежала к тому уничтоженному дому и как раз вышла замуж в Дом Эвард, когда ее родных, друзей и близких перебили и рассеяли. Некоторых продали в рабство, иные ушли в кланы, а остальные уплыли на кораблях за горизонт, да так и не вернулись.

Благодаря двойной силе закона и обычая, все права, звания и привилегии Дома Стромбора перешли к Дому Эстеркари.

Каждый анклав Дома был сам по себе городом: с мозаичными мостовыми, мраморными, гранитными и кирпичными стенами, сводчатыми крышами, колоннадами, башнями и шпилями, со всей великолепной путаницей роскошной архитектуры. Эвадское пиво оказалось на редкость хорошим. Зеникка вообще славилась пивом, хотя оно, в общем-то, было слабым и малоградусным. Мы, молодые бойцы, проходили, фланируя, долгий путь ради глотка только что сваренного пива, мудро и часто икая, когда обменивались замечаниями о его качестве и крепости. Кларет Зеникки тоже совсем неплох. Я весьма положительно смотрел на перспективу стать гражданином Зеникки и иметь право на город-анклав Эвардов с его каналами, улицами и площадями.

По всему городу стояли храмы, воздвигнутые по

большей части в честь Зима и Генодраса, но каждый Дом имел также собственные храмы и святилища особого анклавного божества.

При всем этом безумном поиске удовольствий, в который я погрузился в то время, я даже тогда видел, что все это - лишь поиски болеутоляющего. Проблема Делии вечно оставалась со мной, и ничто не могло ее снять. Я лелеял свою боль про себя, ненавидя ее и все же не в состоянии забыть. Делию требовалось вернуть на родину, но найти эту родину было весьма затруднительно.

Мы сосредоточенно разглядывали в библиотеке морские карты и чертежи земли, и я с уколom ностальгии обнаруживал, какими похожими и все же иными были местные карты. В большой библиотеке Эстеркари хранились портуланы, но добраться до них мы не могли. Глобусы походили на глобусы средневековой Европы - уверенно нарисованы побережья близлежащих стран, но определенность постепенно теряется, когда расстояние набрасывает на знания тень неведения - до тех пор, пока на противоположной стороне глобуса не остаются только самые общие очертания континентов и островов. Афразои не было нигде, так же как и Дельфонда.

Глядя на карты, Делия покачала головой.

- Очертания моей страны не похожи ни на одну из этих.

Я разделил драгоценные камни на три части. Глоаг, по-волчьи оскалившись, взял их, но остался со мной как беспутный собутыльник. Делия, с презрительным выражением лица и поджав губы, оттолкнула камни обратно через сверкающий стол из дерева струм.

- От той женщины я ничего не возьму.

Я спрятал камешки в сундуке, пообещав себе, что они будут сохранены для Делии с Синих гор.

Ванек и его сын, Варден, настояли, чтобы мы

считали трофейный аэробот своим. Делия взяла меня полетать и показала, как управлять судном, которое я находил волшебным и чудесным.

Во время этого периода я заговаривался с тетей Шушей далеко за полночь, так как она мало нуждалась в сне. Она была свидетельницей ужасного нападения на ее Дом и видела, как уводили молодых девушек и убивали мужчин. Я заметил, что она не держала большого штата рабов и, вообще, Эварды во всех делах со своими рабами были настолько человечны, насколько это возможно, учитывая обстоятельства и природу самого института рабства.

Наконец мы составили план, и пришло время сыграть в нем роль. Я дал слово Вардену, что помогу ему. Эстеркари, как мы раскрыли, готовили крупное выступление против Эвардов, Рейнманов и Виккенов - Домов, находящихся в блоке с Эвардами.

План отличался дерзостью, но его можно было осуществить, только нам требовалось нанести удар первыми - иначе мы пропали. Почти неизбежно, чем бы ни кончилось соперничество, город встанет на уши. Ставки в рискованной игре были огромными.

Из зорок и снаряжения, захваченного нами, когда я помог отбить нападение кланнеров на караван, я отобрал отличного скакуна и экипировку. Я облачился в алую набедренную повязку и надел поверх нее красно-коричневую кожанку кланнера, украшенную бахромой. Как ни странно, именно в этот день я узнал, о какой именно девушке мечтал принц Варден. Он рассказал мне об этом во время наших обходов таверн и фланирования по городу. Варден, оказывается, - и я почувствовал неуместный укол вины - был по уши влюблен в Натему. Он видел ее много раз в сопровождении отряда телохранителей, и в груди его горела безнадежная

страсть.

- Она обещана другому, этому придурку Працеку из Дома Понтье. И в любом случае, разве могут два наших Дома согласиться на такой союз?

Я от души посочувствовал принцу, ибо мне следует сказать вам, что он был настоящим другом и доблестным человеком.

- Случались и более странные вещи, Варден, - сказал я.

- Да, Дрей Прескот. Но никогда столь странной, как возможность для меня заключить Натему в объятия!

- Она знает?

Он кивнул.

- Я добился, чтобы ей передали весточку. Она пренебрегает мной. Она послала оскорбительный ответ - довольно и того, что она отказалась.

- Это подстроил ее отец. Она не могла такого сделать.

- Ха, Дрей! Ты пытаешься подбодрить меня и еще больше насмехаешься надо мной!

Если бы я сказал принцу Вардену, что прибыл с планеты Земля, находившейся, как я теперь знал, в четырехстах световых годах от Крегена, он уставился бы на меня, разинув рот. Это, пожалуй, намного страннее, чем то, что девушка может изменить свое решение. Я снова подумал о Натеме, о ее своевольном упрямстве и полном отсутствии понимания, что у кого-то, кроме нее, есть собственные желания, с которыми следует считаться. Ее упрямство, знал я, все равно что колеблемый ветром тростник по сравнению со стальным упорством Делии с Синих гор. Делия была рядом со мной, когда мы дрались с враждебными нам людьми, чуликами и дикими животными. Делия улыбалась мне сквозь дым лагерного костра, когда мы ели мясо убитой

ею дичи. Делия носила белые меха, содранные мной с убитого для ее защиты зверя.

Я заметил, что Делия с Синих гор по-прежнему носит эти белые меха, хотя могла выбрать сотни куда более великолепных мехов. Должно быть, она делала так, думал я, чтобы посмеяться надо мной и унижить меня. Я не мог винить ее за это, ввиду несчастий, принесенных мной. Теперь мне стыдно за свои недостойные мысли, но тогда я мучился из-за Делии из Дельфонда, зная, как мне думалось, что она ненавидит меня, не уважает и презирает за неотесанность.

Если бы Варден испытывал в отношении своей Натемы то же самое, что и я, если бы он пережил то, что пережили мы с Делией, интересно, как бы он смотрел на нее?

Делия всегда была добра с Варденом и, мне казалось, изо всех сил старалась быть с ним любезной. Он будет подходящим мужем, если Эстеркари не перережут ему глотку. Но я отказывался позволить ревности омрачить нашу дружбу.

Итак, утром я отправился повидаться с Делией, надеясь попрощаться с ней. Она сидела в зеленоватосинем платье и читала старую книгу с выцветшими и хрупкими страницами. На низком кресле рядом с ней шелковисто поблескивали белые меха линги.

- Что?! - вскочила она, когда я кончил говорить. - Ты уезжаешь! Но но я думала...

- Ненадолго, Делия. В любом случае, не думаю, что мое отсутствие будет тебе неприятно.

- Дрей! - Она прикусила губу, а потом толкнула ко мне книгу, показывая идеально подстриженным сверкающим розовым ноготком на смазанную гравюру.

Искусство книгопечатания на Крегене широко варьируется как по качеству, так и по технике. Эта книга

была древняя, гравюра - темная, а печать грубовата.

- Я считаю, Дрей, что это карта моей страны.

Я почувствовал вспышку интереса.

- Мы можем добраться до нее - скажем, на аэроботе?

- Я считаю, что да, но нужно сравнить ее с более современными картами. Поэтому...

Тут я вспомнил, зачем пришел повидаться с ней, вспомнил о своем обещании Вардену. Я почувствовал, как сходятся мои брови и сжимаются губы. Мое лицо приобрело безжалостно-угрожающее выражение.

- Я обещал Вардену. И должен ехать.

- Но... Дрей...

- Я знаю, с каким презрением ты должна смотреть на меня, Делия с Синих гор. Именно мой эгоизм вовлек тебя во все несчастья, которые ты претерпела. Сожалею, искренне сожалею и желаю вернуть тебя к твоей семье.

Я взял за правило никогда не извиняться - но Делии с Синих гор я миллион раз сказал бы, что сожалею. Она встала с румянцем на щеках, глядя на меня великолепными карими глазами, нервно сжимая белые меха линги.

- Если ты так думаешь, Дрей Прескот, то тебе лучше всего отправляться выполнять свою задачу. - Она отвернулась от меня, держа в безвольно опущенной руке книгу. - И когда вы преуспеете и покорите Эстеркари, принцесса Натема освободится от отцовской власти. Думаю, тебе это придется по душе.

Делия видела меня в нелепом изумрудно-бело-алозолотом тюрбане и наряде, выходящим из будуара Натемы. Она видела, как я отчаянно сражался за жизнь принцессы. Она видела, но едва ли поняла драму на высокой крыше опалового дворца, когда я пренебрег ею из-за приставленного к ее сердцу кинжала, а Натема велела держать меня над бездной. Что она тогда

подумала? Как я мог объяснить? Я смотрел на нее и чувствовал себя так низменно, как только может чувствовать себя человек.

Затем я резко повернулся, лязгнув мечами - я уже надел снаряжение кланнера, - и, печатая шаг, вышел вон, кипя от ярости, печальный и опустошенный одновременно.

Эварды в зелено-синем сопровождали меня, пока я не оказался на безопасном удалении от города, а затем сел на своего зорка. Ведя еще трех в поводу, я стремглав полетел галопом по Великим Равнинам к своим кланнерам.

Глава 18

Я ПИРУЮ СО СВОИМИ КЛАННЕРАМИ

Хэп Лодер крайне обрадовался, увидев меня.

По правде говоря, я ожидал некоторой скованности при встрече.

Но Хэп Лодер заплясал, закричал, хлопнул меня по плечу, схватил за руку, угрожая оторвать ее, и заревел:

- Вина!

Он обнял меня, заржал и поднял такой шум, что сбежался весь лагерь клана.

Все были тут. Ров Ковно, Арк Атвар, Локу, мои верные кланнеры. В первый вечер никаких дел не обсуждалось. Горели громадные костры; забили чункру и зажарили мясо. Оно было способно привести в восторг любого гурмана, жир - коричневый и с хрустящей корочкой, соки - пикантнее, чем все соусы Парижа и Нью-Йорка, вместе взятые.

Танцевали девушки в вуалях и мехах, звеня золотыми колокольчиками и цепочками, сверкая белыми зубами, с горящими от возбуждения глазами и разрисованной светом костров загорелой кожей.

Передавались и опустошались кубки, бурдюки и

кувшины с вином. Фрукты лежали, наваленные огромными кучами на золотых тарелках, сияли звезды, и не меньше шести из семи лун Крегена освещали наш пир.

О, да. Я вернулся домой!

На утро Хэп завалился ко мне в шатер, провозгласив, что голова у него как копыто зорка.

Я бросил ему ветку палин, и он принялся жевать эти похожие на вишни ягоды. Когда приходит время похмелья, они творят чуть ли не чудеса.

Ожидавшаяся мной неловкость положения проистекала из моей предполагаемой смерти. Зоркандером должен был стать Хэп Лодер. Между званиями зоркандера и вавадира разница в одну ступеньку; вавадир считается более высоким, но мои кланнеры все равно считали меня вавадиром, хотя, строго говоря, такой титул полагался вождю четырех и более кланов. Хэп объяснил, что кланнеры не были уверены в моей смерти, считали, что я вернусь, и что он стал полу-зоркандером. Я положил руку ему на плечо.

- Я хочу, Хэп, чтобы ты был зоркандером кланов. Если я попрошу людей помочь мне, то буду просить как один из них, а не как зоркандер и командующий. Я знаю, что вы поможете, Хэп. Но хочу, чтобы вы знали - я не приказываю вам и не считаю выполнение само собой разумеющимся. Я искренне благодарен.

Он бы оскорбился, если бы я не дал ему этот шанс.

- Но ты наш зоркандер, Дрей Прескот. Всегда и навек.

- Да будет так.

И я сообщил ему о плане, а потом вошли и другие - мои джиктары, и я обрадовался, увидев среди них Локу. Джиктар не обязательно командует тысячей воинов, это касается и других званий, кратных десяти. Это названия

чинов. Подобно центурионам Древнего Рима, джиктары командуют таким числом солдат, какого требует данная военная задача.

Когда план представили для обсуждения, раздались громкие крики радости. Он был по-детски прост, как большинство хороших планов, и успех его зависел от внезапности, бесшумности и ужасающей боевой мощи кланнеров.

Локу, смеясь, вскочил на ноги.

- Мы можем найти Ната, маленького вора. Он поможет, ибо знает город, как вошь подмышку.

- Ната? - притворно удивился я. - Локу, ты хочешь сказать, что не перерезал ему глотку?

Локу весело заржал.

- Будет очень неплохо, - произнес со свирепой многозначительностью Ров Ковно, - вернуться с оружием в руках.

- Главным образом, с луками, - уточнил я, снова делаясь вавадиром. - И секирами. Я считаю, что если вы выступите против шпаг и кинжалов горожан с палашами, у них будет над вами преимущество. Хотя гладиусы...

Последовали кивки. Эти люди понимали разницу в технике, требовавшейся для боя на вавах при массированной кавалерийской атаке среди равнин с одной стороны и для ближнего боя на улицах города с другой. Они обладали чистой скоростью и ударной мощностью для победы над бойцом со шпагой и кинжалом, и я знал, поскольку настоял на поддержании этого искусства, что они умели держать гладиус в левой руке, когда применяли палаш или секиру. Возможно, лучше всего будет полагаться только на хорошо известную им технику, поэтому я не предполагал, что каждый воин будет иметь при себе мэнгош. Однако я закинул на пробу удочку.

- Конечно, если пользоваться длинным палашом как двуручным мечом, то можно попытаться пощекотать шпажиста прежде, чем он доберется до тебя.

Откровенно говоря, я отчаянно беспокоился при мысли о своих кочевых воинах, выступающих против прожженных шпажистов города.

В конце концов, боевая шпага - ловкое оружие, совершенно непохожее на шпагу, применяемую для фехтования французского стиля. Но, может, мои ребята проскочат за счет большего веса и мускулов?

- Если бы только вы сочли возможным пользоваться щитами, ваши гладиусы стали бы смертельными... - начал я, но дружная реакция кланнеров задушила идею в зародыше. Я вздохнул. При столкновении культур обычно побеждает более молодая. Впрочем, кланнеры не были младенцами при оружии или новичками. Теперь я вижу то, что не видел тогда - как комично я реагировал на предстоящую схватку: столь многое было поставлено на кон, а меня заботило главным образом благополучие этой самой крутой, крепкой и страшной компании бойцов, с какой я когда-либо имел счастье встретиться.

Первоначально я собирался провести с кланнерами только сутки. Я уже убедился, насколько действенным оказалось руководство Хэпа Лодера. Возможно, доля его успеха в управлении кланами проистекала из обучения, которое он прошел в качестве моей правой руки, но я не особо ставил это себе в заслугу. Хэп - большой мастер поглощать оби. Он поглощает их так же, как клановые вина. В разгар битвы он может пить из фляги в левой руке и размахивать острой, как бритва, секирой в правой. Я это видел. Конечно, я и сам такое проделывал, но сомневаюсь, что с таким же шиком, как Хэп Лодер.

Вышло так, что я провел с кланнерами не только эту, но и следующую ночь, в течение которой мы весьма

много пили, кричали и хлопали плясавшим для нас девушкам. Они ни в коем случае не были танцовщицами, и человек, назвавший бы их так, получил бы терчик в горло прежде, чем произнес второй слог ошибочной фразы. Мы во все горло орали клановые песни мчавшимся над нами лунам.

- Запомните, - приказал я, вытащив из седельной сумки зелено-синий костюм. - Этот цвет - за нас. А если увидите изумрудно-зеленый - окрасьте его в алый кровью владельца.

- Да! - проревели они. - Небесные цвета всегда пребывали в смертельном бою!

Наконец - не без последних десяти-двенадцати прощальных чаш, навязанных джиктарами и столпившимися кланнерами, я попрощался и направился обратно в Зеникку. Я намеревался найти в нескольких милях от города караван, переодеться в зелено-синий наряд и таким образом миновать ворота, не привлекая внимания. В наряде кланнера я, конечно же, вызвал бы самые серьезные подозрения.

Караван оказался большим, медлительным, красочным и сверкал крегенской пышностью. Он благополучно прошел равнинные пределы кланов. В охране каравана служили не только чулики, но также и наемные кланнеры. Мой зелено-синий наряд легко смешался с пестротой цветов.

Наряду с неутомимыми калсаниями и длинными вереницами степных ослов, в караване брело еще много вьючных мастодонтов. Каждый из этих голиафов мог везти две тонны поклажи - по тонне с каждой стороны. Они неторопливо брели, словно истинные корабли равнин. Я восхищался перекатывающимися мускулами и тяжелой поступью. Я надеялся, что, когда они доберутся до места назначения, их не забьют, как это часто

случается, ради бивней и шкур, и они опять смогут неустанно брести по непроторенным путям Великих равнин.

Случайное открытие, что поклажа мастодонтов во многом состояла из бумаги - множества пачек, и все прекрасно упакованы, - возбудило во мне сильное любопытство. Я вспомнил тайну, окружавшую производство и распространение бумаги в Афразое. Монеты же, с тех пор как я стал проживать в Доме Эвард, образовали в последнее время часть моих отношений с жизнью. Саванты не применяли никакой формы денежного обмена, а кланнеры интересовались монетами только как добычей из разграбленных караванов, которую могли использовать для меновой торговли с городом. Пока я был рабом, у меня не нашлось времени обрести мелкие медные монеты, что часто находят путь к рабам. Теперь же, благодаря подобающему вложению в дело нескольких серебряных монет с лицом Ванека на одной стороне и крегенским символом двенадцати на другой, а также баклагы с дьявольским напитком под названием "дона", я смог провести осмотр бумаги.

Она оказалась прекрасной, гладкой по текстуре от каландрирования и прочной из-за тряпочно-волоконной основы. Кровь застучала у меня в висках, когда я определил, что бумага сделана в Афразое. Я выяснил, что она поступала уже упакованной с кораблей, приплывавших в порт Парос, что за полуостровом в трехстах милях отсюда - последний порт перед Зениккой. Я слышал про этот Парос, мелкий морской порт, обслуживающий достаточно удаленную от Зеникки глубинку, чтобы не беспокоить великий город. Парос не был крупным городом, и я недоумевал, почему привозящие бумагу корабли причаливали там, а не в Зеникке. Купцы в ответ подмигивали, поблескивая

глазами, и прикладывали пальцы к носу. Они таким способом избегали портовых пошлин, налагаемых на иностранные корабли Домом Эстеркари. Бумагу же облагали особенно разорительными пошлинами. Увы, нет, они понятия не имели, из какой страны приплывают корабли.

Бумагу они покупали по нелепо низким ценам и могли ожидать выколотить в Зеникке тысячепроцентную прибыль.

Когда мы преодолевали последние несколько миль до города, произошло тревожное событие. Я не имею в виду головореза, который попытался заколоть меня ночью, когда увидел потраченные мной серебряные монеты Эвардов. Я откатился, уворачиваясь от клинка, схватил молодчика за горло и слегка придушил, а потом сломал его клинок о его же голову. Затем поднял негодяя повыше и дал довольно сильного пинка под зад, отчего тот полетел, спотыкаясь и голаясь, в группу привязанных калсаниев, и те проделали над ним то, что делают всегда, когда возбуждены. Я не испытывал желания мारать о него сталь.

Я говорю о другом событии, о появлении блистательного ало-золотого орла, описывающего круги высоко над караваном. Великолепная птица, как я был уверен, явилась в знак того, что Звездные владыки продолжают интересоваться мной. Несомненно, они сыграли решающую роль в перенесении меня на Креген во второй раз, и я полагал, что с савантами они не советовались. Саванты выкинули меня из своего Рая, о чем мне часто приходилось с удивлением напоминать себе - настолько сильна была память об их доброте. Звездные владыки, рассуждал я, должны рассматривать меня, как самый подходящий инструмент, если пожелают действовать против савантов.

Караванбаши, поджарый чернокожий с острова Ксунтал, опытный и честный житель равнин, поднял взгляд вместе со мной. Он носил одежду и плащ янтарного цвета, а на боку - фальшон* [Фальшон (этимология неясна) короткий, около 90 см., кривой меч с широким лезвием и односторонней заточкой (возможно, от латинского Falx - серп, или кельтского "фалькати" меч). (Прим. переводчика.)]. Звали его Ксолтемб.

- Будь у меня сейчас лук, - медленно произнес он, - я бы его не поднял. Думаю, я мог бы даже зарубить поднявшего лук на эту птицу.

Несколько вопросов убедили меня, что Ксолтемб ничего не знал об этой птице. Ему внушило трепет лишь ее алое великолепие да ходившие среди бивачных костров рассказы об этом величественном и невозмутимом призраке.

Я заплатил Ксолтембу вознаграждение, которое он заработал, как ему подумалось, за защиту, которую караван распространял на меня и четырех моих зорков. Вознаграждение было вполне умеренным, и путешествовал я с караваном недалеко. Когда мы отдали честь друг другу и расстались, он сказал:

- Буду рад твоему обществу, если ты снова отправишься путешествовать по Великим Равнинам. Мне всегда нужен хороший клинок. Рембери.

- Буду об этом помнить, Ксолтемб, - пообещал я. - Рембери.

Принц Варден, его отец Ванек, его мать и тетка Шуша не скрывали радости, что я вернулся целым и невредимым.

- На Равнинах небезопасно, - пожурела тетя Шуша. - Я каждый год должна совершать паломничество к горячим источникам Бенги Десте. И я не уверена, что не теряю из-за тревог в путешествии все полезное, что там

получаю.

- А почему, - спросил я, - ты не отправишься на аэроботе?

- Что? - вскинула она брови. - Рисковать бедной старой шкурой на одной из этих хрупких страшных штуквин?!

Затем они все вдруг приняли необычайно мрачный вид. Варден выступил вперед и положил руку мне на плечо.

- Дрей Прескот, - проговорил он, и я понял.

Я помню тот миг столь отчетливо, словно это случилось сегодня утром. А тогда - тогда я сразу понял, что он собирается сказать, и, кажется, сердце у меня в груди заледенело.

- Дрей Прескот... Делия с Синих гор взяла твой аэробот и покинула нас. Она не сказала, ни куда улетаает, ни о том, что вообще улетаает. Но она улетела.

Глава 19

ПРИНЦ СТРОМБОРА

На следующий день мне стало немного легче.

Ванек был крайне расстроен, а его жена даже немного всплакнула, пока тетка Шуша не утихомирила ее, а затем выгнала всех вон. Варден остался рядом со мной, его лицо отражало искренние дружеские чувства, какие он испытывал ко мне. Он задрал подбородок.

- Дрей Прескот, можешь ударить меня с какой угодно силой.

- Нет, - сказал я, - винить надо меня. Только меня.

Я не мог сказать ему, как сильно злился на себя и с каким глубоким язвительным презрением мысленно изничтожал себя. Из-за меня Делия была втянута во все эти злоключения, и теперь я подвел ее, когда она почти нашла ответ в поисках пути домой. Если бы я только прислушался к ней! Если бы я только поступил так, как

она просила! Но меня ослепила гордыня. Я возомнил, что мой долг - сдержать обещание, данное Вардену, тогда как он, я был уверен, освободил бы меня от него, скажи я хоть слово. Я счел, что мы многим обязаны Эвардам, и должен проявить преданность. А насколько больше я обязан проявлять преданность Делии с Синих гор!

Когда слуга доложил, что аэробот, который мы захватили у Эстеркари, был лишь временно отремонтирован и нуждался в серьезной доработке, я почувствовал многократно возросшую вину. Делия могла дрейфовать над поверхностью Крегена или стать добычей любого из множества свирепых людей, зверей и зверо-людей, разгуливающих по планете. Могла рухнуть с высоты в стремительном падении, и ее великолепное тело останется безжизненно лежать на камнях. Ее могло унести в море, где она умрет с голоду или сойдет с ума от жажды, - я знал это, знал! Мне не нравится вспоминать свое тогдашнее душевное состояние.

Тетка Шуша пыталась успокоить меня при помощи различных хитростей. Она рассказывала мне о былых славных днях Стромборов. Беседуя с ней, я находил своего рода исцеление от мучительной боли. Многие из девушек и некоторые из юношей Стромбора ушли в кланы, и большинство, как я понял, именно в клан Фельшраунг.

- В мой клан, - сказал я, - где мне не позволят выпустить из рук бразды правления - зоркандера и вавадира, вместе с кланом Лонгуэльм.

Она кивнула, поблескивая глазами, и я догадался, что она прокручивает в хитроумной голове давно созревшие замыслы.

- Я принадлежу к Эвардам по брачным обетам, и это добросердечный Дом. Семейство Ванек очень дорого мне. Ведь замуж я вышла за дядю Ванека. Но они не

Стромборы! Нас победили только благодаря измене. Я думаю, что в Зеникке пора подняться новому дому Стромбора.

- Ты будешь его Главой, - пообещал я, касаясь ее морщинистой руки. Если так, я согласен. Из тебя выйдет отличная Глава.

- Клянусь богами! - Она обратила на меня, убитого горем и снедаемого тревогой за Делию, взор своих поптычи блестящих старых глаз. - Если бы я была ею и все было бы так, то кому я могла бы передать, свои права?

- Вардену, - предложил я. - Это был бы хороший выбор.

- Да. Из него бы вышел прекрасный вождь для Дома. Я рада, что ты дружишь с моим племянником. Друзья ему нужны.

Я подумал о могущественном Знатном Доме Эстеркари и фарфоровой вазе пандахемского стиля выше человеческого роста, стоящей в коридоре между жилищами рабов и покоем знати. Да, из Вардена и Натемы получилась бы отличная пара. Я сражался за нее с охранниками-чуликами, и Варден сделал бы то же самое.

У Вардена было на уме еще кое-что.

Мы стояли в огромном эркере с окном, выходящим на внутренний проспект анклава с его утренней базарной суетой, криками уличных торговцев-лоточников, осликами, птицами, рабами, покупающими одежду, хрюканьем вусков и всей деловитой давкой и сутолокой повседневной жизни.

- Я знаю, ты сражался за Натему, - сказал Варден. - Делия рассказала мне. Не знаю, как тебя отблагодарить за спасение ее жизни.

Я развел руками. Если бы это было все! Но он продолжал.

- Делия рассказывала мне и была сердита при этом...
- Как она великолепна, когда сердится!
- ...и она уверена, что ты влюблен в Натему.

Варден был настолько взволнован, что не обратил внимания ни на то, как я дернулся, ни на выражение ярости, вспыхнувшее у меня на лице.

- Я считаю, что это и было истинной причиной того, что она покинула нас. Она поняла, что ты равнодушен к ней, что ты видишь в ней лишь обузу. Рассказывая мне это, она чуть не плакала. Не знаю, верить этому или нет, но, судя по всему, ты любишь все-таки Делию, а не Натему.

- С какой стати, - успел выпалить я, - мое равнодушие заставило Делию улететь, Варден?

Он был поражен не на шутку.

- Как с какой стати, приятель?! Да ведь она тебя любит! Ты не мог не заметить! Она ведь показывала тебе это столькими способами - носила меха линги и алуу набедренную повязку, отказалась взять самоцветы Натемы... А как смотрела на тебя! Клянусь Великим Зимом, ведь не хочешь же ты сказать, будто не видел этого!

Как я могу передать, что почувствовал?! Все пропало, и теперь, когда стало слишком поздно, мне сообщают, что я держал в руках весь мир и выбросил прочь!

Я бросился вон из залитого светом солнц эркера и забился в темный угол, где слышал только тяжкий стук собственного сердца и шум крови в голове. Дурак! Дурак! Дурак!!!

На три дня меня оставили в покое. А затем тетка Шуша принялась обхаживать меня и, как ей показалось, сумела вернуть к жизни.

Ради них, ради гордости, ради моих уз оби и дружбы

с кланнерами, скакавшими сейчас по равнинам к городу я снова стал живым. Но это была лишь оболочка, пустая и мертвая внутри.

Варден сообщил мне с улыбкой, которую тщетно пытался скрыть, что князь Працек из Дома Понтье заключил контракт с блестящей будущей невестой, принцессой могущественного острова Валлии. Эстеркари, пусть и неохотно, согласились на этот брак, так как он усилит их коалицию. Натема теперь свободна. Варден бурлил надеждами, что сможет каким-то образом добиться ее руки, и снова стал выбираться в общественные места Зеникки. Мне же приходилось жить только ради моей жизни с кланнерами.

Однажды, когда с Закатного моря принесло грозовые тучи, произошла неприятная сцена. Мы ходили в Зал Собрания и встретились с толпой входящих Эстеркари в компании одетых в красно-лиловое Понтье. В оживленной толпе у входа попадались и серебряно-черные наряды Рейнманов, и малиново-золотые Виккенов, так что мы были не одни.

Среди Понтье шел один высокий и сильный мужчина, одетый по незнакомой мне моде. Он носил широкополую шляпу с закрученными по бокам полями, в которых над глазами были прорезаны щели. Одежда его состояла из желтовато-коричневой кожанки до крайности широкой в плечах. Она была короткой - до бедра, подпоясанной так, что получалось нечто вроде маленькой 'расклешенной юбочки. Плечи, как я понял, были накладными и из-за этого неестественно широкими, но эффект ни в коем случае не был несообразным. Кроме прочего, он носил черные сапоги выше колен. И никаких украшений. У него было обветренное грубоватое лицо с загнутыми вверх светлыми усами.

- Консул Валлии, - заметил Варден.

Я знал, что в городе множество консульств, но функции они выполняли скорее торговые, чем дипломатические. Тонкости международного протокола на Крегене но очень развиты, и молодчики из любого Знатного Дома без всяких колебаний вышибли бы за дверь консула, пожелай они так сделать.

Этот человек показался мне похожим на морехода. Его манера держаться спокойная, расслабленная - напоминала обманчивое затишье перед бурей.

- Полагаю, они обсуждают боккерт, - весело проговорил Варден.

Валлия была необычной для Крегена в том плане, что весь остров находился под властью единого правительства. Он располагался в нескольких сотнях миль от Зеникки, между континентами Сегестес и Лош. Вследствие этого Валлия являлась весьма могущественным государством с непобедимым флотом. Союз с такой страной сделал бы блок Эстеркари-Понтъе настолько грозным, что перед ним ничто не смогло бы устоять. Мы должны нанести удар первыми, прежде чем они разработают собственные планы напасть на нас.

До этого, утром, как я помню, по какой-то причине я подошел к сундуку, где держал сохраненные для Делии драгоценные камни. Они исчезли. Расстроенный, несчастный из-за собственных беспокойств, я не желал дальнейших бед и порки рабов и потому не упомянул никому об этом. Была же еще и моя доля, которую могла забрать Делия - Делия, где бы она сейчас ни была!

Мы прожигали взглядами Эстеркари, наполовину обнажив шпаги. Хорошо, что у кого-то хватило ума послать за городской стражей, так что никакой крови не пролилось. Но грозовые тучи над Зениккой темнели не меньше, чем наши лица, и предвещали ничуть не менее сильные ураганы и смерти.

День спустя Глоаг наконец доложил, что нашел вора Ната и что Нат поможет, потому что - как я упивался этим! - считал себя братом по обоим кланнерам, с которыми он совершил побег и делил опасности.

Сила плана заключалась в его простоте.

Зеникку не опоясывало гранитное кольцо стен. Каждый анклав был сам по себе крепостью. Атакующая армия могла кружить по каналам и открытым проспектам, подобно тому, как кружила французская кавалерия вокруг британских каре при Ватерлоо - сцена, свидетелем которой мне довелось быть самому. Даже триста тысяч свободных людей, не принадлежащих к Домам, имели похожие на крепости анклавы, куда могли отступить со своих базаров и переулков.

Тетка Шуша преподнесла мне сюрприз. Она позвала меня в большое помещение в личных апартаментах, улыбалась и тихо посмеивалась надо мной, когда я устался, разинув рот, на дюжину ее слуг. Они были одеты не в эвардовские зелено-синие цвета, а в чудесные, яркие, блистающие алые. И выглядели весьма довольными.

- Стромбор! - подчеркнула она с гордостью. - Я приняла решение, - Она сделала знак рабыне, и девушка вынесла два набора алой экипировки для Глоага и меня. - Вардену понадобится твоя сила, Дрей Прескот. Ты наденешь ради меня цвета Стромбора и поможешь ему?

- Да, тетя Шуша, - пообещал я.

- Я тебе не тетя, Дрей Прескот, - резко осадил она меня. - Никогда так не думай.

Симпатия, которая, как я считал, существовала между нами, заставила меня подавить удивление, потому что она, конечно, была права. Я был просто бродячим воином, кланнером, без всяких притязаний на родство со знатной особой из Дома Эвард или Стромбор. Я взял

алую экипировку и кивнул.

- Буду помнить, госпожа.

- А теперь, - приказала она, глядя на меня блестящими глазами, ступай, Дрей Прескот. Джикай!

Вечером, когда над городом клубились и рвались грозовые тучи, были составлены окончательные планы. Одетые в серые набедренные повязки рабов и неся великолепную алую экипировку и оружие завернутыми в узлы, мы с Глоагом и отборными молодцами общим числом в двадцать человек поплыли по каналу к острову Эстеркари, бывшему некогда островом Стромбор. Мы проникли внутрь через тот же ход с низким потолком, по которому я сбежал с Делией и Глоагом - казалось, это случилось так давно! - и затаились.

Гонец от Хэпа Лодера прибыл. Кланнеры доберутся до нас с первыми лучами рассвета. Об этом позаботится Нат.

Мы ждали под проливным дождем барж, плывущих от мраморных карьеров по каналам, воды которых покрылись рябью от капель.

Я до сих пор ни словом не упоминал о Крегенской системе счисления времени. Но сейчас скажу. Наше ожидание подсчитывалось по медленному прохождению свинцовоногих буров. Бур длится сорок земных минут, и в крегенском суточном цикле их насчитывается сорок восемь. Годичные расхождения, вызванные орбитой, по которой Креген движется вокруг двойной звезды, сглаживались вычитанием или добавлением буров во время праздников и подобными вычислениями по отношению к дням. В каждой буре содержится пятьдесят муров, наподобие наших минут. Местное подобие секунды хотя и применяется астрономами и математиками, в повседневной жизни Крегена, в общем-то, не нужно. Положение двух солнц днем или любой из

семи лун ночью поможет сразу определить крегенцу время.

Высоко над нашими головами внезапно раздался шум и гам. Он был необыкновенно громким, раз мы его услышали, несмотря на то, что дождь хлестал по воде у самых наших ушей. Я знал, что это такое. На крыши опускались на аэроботах, описывая спирали, зелено-синие полчища Эвардов. Бойцы выпрыгивали из них с блистающими шпагами. Они ждать не стали и пошли в атаку пораньше. Я догадывался, что гордость Дома Эвард не могла стерпеть необходимости дожидаться, пока мои кланнеры нанесут удар первыми. Аэроботы тут же умчались, чтобы привезти новых бойцов. Изумрудно-зеленые теперь должны отпрянуть. И будет смерть - насильственная, безобразная смерть, расползающаяся по крышам и вниз по лестницам анклава Эстеркари.

А я, беспомощный, ждал под дождем.

По звукам боя мы могли определить, как идет сражение, и скоро стало ясно, что Эстеркари отбивают натиск воинов Эварда. Наши союзники среди Домов сговорились с нами и подрядились отвлечь Понтье и других наших врагов. Между собой дрались только Дома Эвард и Эстеркари.

Численность населения Домов была различной, и Великий Дом, хоть Знатный, хоть Простой, мог насчитывать до сорока тысяч. Благодаря бытующей в городе практике найма охранников, солдат - людей или зверолодей действительное число имеющихся у Дома бойцов было больше, чем дало бы нормальное разделение людей на комбатантов и некомбатантов. По нашей оценке, мы должны нанести удар в Доме Эстеркари по силам примерно в двадцать тысяч бойцов. Я сказал Хэпу Лодеру, что десять тысяч наших кланнеров он должен оставить с шатрами, фургонами и чункрами.

Если мы потерпим неудачу и нас ждет катастрофа, то у кланов должно остаться ядро, опираясь на которое, можно будет все отстроить заново. Хэп приведет примерно десять тысяч воинов.

- Они ударили слишком рано, - посетовал Глоаг, лежавший под дождем рядом со мной. - Где же кланнеры?

Мы вглядывались сквозь завесу дождя на канал, пока у нас не заболели глаза.

Не баржа ли это? Сквозь дождь, падавший с шелестом в воду, двигались тени. Серые силуэты,двигающиеся медленно, словно выючные мастодонты. Солнца уже вставали и пробивались сквозь насыщенные влагой массы облаков. Не виден ли там более четкий силуэт, длинный широкий силуэт на воде с фигурами людей, похожими на муравьев? Я вгляделся...

- Пора! - скомандовал я, вскакивая и выхватывая шпагу.

Не бросив больше ни единого взгляда на первую баржу, которая показала тупое рыло над покрытой рябью водой, я повел бойцов через потерну в потайной ход. Одетые в серые набедренные повязки рабов, мы быстро поднялись по винтовой лестнице. Охранники-чулики разделились: половина осталась на постах, а другая половина отражала атаку на крышу. Мы мигом перерезали тех, что остались.

А затем налегли плечами на ворот, и опускающаяся решетка над входным каналом поднялась. Мы напрягались и пыхтели. Сквозь бойницы я глянул вниз на устье канала. Под поднявшейся решеткой призрачно вырисовывалась баржа, направляющаяся в крепость, а на ее носу стоял с луком в руках Хэп Лодер. Он поднял голову и помахал рукой.

Мы оставили ворот закрепленным, чтобы смогли

пройти все остальные баржи, которые под руководством Ната были угнаны с мраморных карьеров. Затем мы поспешили известными Глоагу путями по тускло освещенным коридорам, пока не добрались до двери, ведущей к грузовому причалу. Мы распахнули ее, зарубили охранников-ошей ипустили Хэпа и моих молодцов. Другие кланнеры с Ровом Ковно во главе сразу же отделились. Локу провел своих бойцов через потерну и тайный ход, которым прежде воспользовались мы. Теперь кланнеры были спущены с цепи внутри крепости Эстеркари!

Как только у моих ребят появились потолки над головами, они тут же вытерли руки, а затем извлекли из водонепроницаемых сумок старательно свернутые тетивы и натянули их на луки быстрыми отточенными движениями. Степные плащи они сбросили. Дождь сделал тела кланнеров гладкими и сверкающими. Оперения стрел торчали у них из колчанов на правом плече, сухие и идеальные.

Думаю, мне не хочется в данный момент задерживаться на описании взятия анклава Эстеркари. Мы, конечно, убивали врагов, гнали волной стрел и стали от стены к стене и от угла к углу. Мы соединились с ликующими рядами бойцов в зелено-синем. Мы стремились одержать победу, а не просто убивать. Там, где было необходимо, мы уничтожали противника, потому что такова природа военных действий. Но сотни изумрудно-зеленых одеяний плыли в каналах, спасаясь бегством - равно как и множество серых туник с зеленой полосой, и мы их не преследовали. Мы ничего не поджигали, потому что, как я сказал своим ребятам, этот великий Дом был родным Домом одной знатной дамы, Шуши Стромбор.

Я надел алую набедренную повязку, а поверх нее,

как и обещал Шуше, славную алую экипировку Стромбора. Как и мои кланнеры, я не пренебрегал доспехами и носил латы на груди и спине, латное оплечье на левом плече и наруч на левой руке. Но правая рука и плечо у меня оставались нагими, какими были, когда я охотился, одетый в кожаные шорты савантов. В давке битвы часто проходит незамеченным убийственный удар со слепой стороны, со спины. И тогда латы могут спасти человеку жизнь. Мне они спасали не раз.

Последний бой нам дали около покоев знати в опаловом дворце.

Я бешено прорывался по коридору, где когда-то защищал Натему, мой клановый топор вонзался в черепа и отсекал руки. Нам теперь противостояла только знать Дома Эстеркари. Мы дрались по двое на двое. Я знал, что все остальное уже в наших руках. Прыгнув вперед, я зарубил какого-то вельможу, и струмовая рукоять моего топора раскололась продольно, так что кожаный темляк слетел, описывая спираль. Гална, мой старый знакомый со злыми глазами, громко взревел и сделал выпад шпагой. Я увернулся. Какой-то миг мы стояли вдвоем на расчищенном участке, позади нас находились наши люди. Иногда в бою возникает странного рода затишье, когда все бойцы, прежде чем продолжить сражаться, останавливаются, чтобы перевести дух и собраться с силами. Один из моих бойцов - это был Локу - крикнул и бросил топор. Он пролетел, рассекая воздух, и я схватил его.

Гална улыбнулся, оскалив зубы.

- Моя шпага проткнет тебя, Дрей Прескот, прежде чем ты успеешь взмахнуть этим топором.

Он был защитником Дома Эстеркари. Мастером фехтования.

- Знаю, - бросил я, напрасно тратя дыхание, и,

повернувшись, разбил великолепную вазу из пандакемского фарфора на тысячу осколков. Из обломков я выхватил шпагу воина в стальной кольчуге, которую когда-то спрятал там, и, вскинув ее, встал лицом к лицу с Галной. Теперь я понимаю, что мое лицо, должно быть, устрасило его. Но он храбро противостоял мне, и его клинок сделался живой полоской света в пылании светильников. Наши клинки скрестились. Дрался он очень хорошо.

Но я жив, а он мертв - и очень давно.

Дрался он отлично и с большим хитроумием; но я одолел его простой напористой атакой, против которой его контрудар в последний момент запнулся. Я вывернул его клинок кинжалом, а затем моя шпага вошла ему меж ребер и сквозь легкие, выйдя из спины вся в крови.

И когда мои волки равнин ринулись вперед, нам больше не оказывали сопротивления.

Мы стояли в Большом зале, и к сияющему сиянию света солнц, лившемуся через высокие окна, добавлялся огонь светильников и факелов. Мои молодцы столпились вокруг меня, их красновато-коричневые клановые кожанки выглядели мрачновато рядом с зелено-синими одеяниями и даже с алыми цветами Стромбора. Их мечи и топоры взметнулись ввысь.

- Хай, Джикай! - проревели они, отдавая мне честь.

К подножию лестницы, ведущей на тронное возвышение, где мы стояли, швырнули фигуру в изумрудно-зеленом, потерявшуюся и потонувшую в нахлынувших новых цветах. На тронном возвышении столпились Ванек, Варден, знать Дома Эвард и мои джиктары. Мы смотрели вниз на эту помятую фигурку в изумрудно-зеленом, с розовыми руками и ногами, с белым телом и пшенично-желтыми волосами.

У наших ног лежала принцесса Натема из Дома

Эстеркари.

Кто-то уже успел отяготить ее цепями. Платье на ней порвалось. Васильковые глаза сделались безумными от ярости и недоумения. Она никак не могла понять случившегося, а если и могла, то отказывалась поверить.

Стоявший рядом со мной принц Варден хотел тут же броситься к ней по лестнице.

Я удержал его.

- Пусти меня к ней, Дрей Прескот!

Он поднял шпагу, всю в крови.

- Погоди, дружище.

Он глянул в мое лицо. Не знаю уж, что он там увидел, но заколебался. Один из эвардовских воинов выступил вперед и сорвал с Натемы платье. Она распростерлась у наших ног нагая. Но Натема была не из тех, кто падает духом. Она подняла на нас горящий взгляд - прекрасная, растрепанная, нагая, но гордая, надменная и требовательная.

- Я - принцесса Натема из Дома Эстеркари! Это - мой Дом!

Ванек заговорил с ней сдержанно и жестко, но со смутившей ее железной решимостью:

- Нет, девушка. Ты больше не принцесса. Потому что у тебя нет больше Знатного Дома. Ты ничем не владеешь, и сама ты - ничто. Если тебя не убьют, то надейся и молись, что какой-нибудь мужчина проявит к тебе доброту и, возможно, купит тебя. Потому что тебе не на что больше надеяться на всем Крегене.

- Я... я - принцесса! - она выдавила из себя эти слова, словно задыхаясь, стиснув руки, а ее ярко-алые губы изогнулись, выдавая бушевавшие страсти. Она подняла пристальный взгляд на нас, стоящих на тронном возвышении, - и увидела меня.

Ее глаза затуманились, и она дернулась назад в

цепях, словно я спустился и ударил ее.

- Дрей Прескот! - она говорила, словно ребенок. И замотала головой. Варден дернулся, словно пришпоренный зорк.

И я заговорил с Натемой:

- Натема... возможно, тебе разрешат сохранить это имя. Но твой новый господин, как предположил принц Ванек, может дать тебе и новое, например "раст" или "вуск". Ты была злом, тебя нисколько не волновала участь других людей, но я не нахожу в душе сил осуждать тебя за то, какой тебя сделало твое воспитание.

- Дрей Прескот! - снова прошептала она.

Как же отличались теперь обстоятельства нашей встречи! Как изменилось теперь ее положение! Окруженный кланнерами с оружием, я смотрел на Натему сверху вниз.

- Возможно, ты останешься в живых, девушка, если тебе повезет. Кто теперь захочет голую замарашку вроде тебя? Потому что у тебя нет ничего, кроме дурного нрава да несдержанного языка, и ты ничего не понимаешь в том, как сделать мужчину счастливым. Но, возможно, найдется все-таки человек, который сможет в тебе что-то увидеть, который найдет в душе силы принять тебя, поднять на ноги, прикрыть твою наготу и научить тебя сдерживать язык и нрав. Если на всем Крегене найдется такой мужчина, то наверняка он должен очень сильно любить тебя, чтобы взвалить на себя такое бремя.

До сего дня я не знаю, действительно ли Натема любила меня или, предлагая мне себя, лишь ублажала сладострастную прихоть. Но мои слова дошли до нее. Она в замешательстве посмотрела на теснившихся вокруг воинов во вражеских мундирах, на сталь их оружия, на лицо Ванека, напоминающее железную маску, а затем на собственное обнаженное тело с прижатой к

белой коже тяжелой цепью - и пронзительно закричала.

Я не мог больше сдерживать принца Вардена Ванека из Дома Эвард.

Он подхватил ее на руки, глядя пышные желтые волосы и призывая кузнецов сбить с нее цепи. Что-то шептал на ухо, и ее рыдания и бурное отчаяние постепенно уменьшились, а тело расслабилось. Натема посмотрела на Вардена, а он был весьма хорош собой. Я увидел, как изогнулись ее спелые сладострастные губы.

И расслышал, что именно она сказала.

Варден таращился на нее с глупым, счастливым, обожающим и недоверчивым выражением лица.

- Я думаю, - сказала принцесса Натема, - что синее отлично подойдет к моим глазам.

Я тогда чуть не улыбнулся.

В зале возникло оживление, я увидел, как между высоких колонн главного входа покачивается величественный паланкин, медленно двигаясь к тронному возвышению. Толпа воинов отхлынула в стороны, освобождая проход. Я заметил продувного человечка с лицом хорька, одетого в мало соответствующую ему желтовато-коричневую кожанку кланнеров с заткнутым за пояс острым ножом. Он стоял у подножия тронного возвышения с настолько воинственным видом, будто именно он здесь все завоевал. Под одеждой у Ната-вора - а это был он наблюдалось множество в высшей степени подозрительных выступов, и я подумал про себя, что когда тетя Шуша обоснуется в своем новом доме, она может хватиться некоторых избранных предметов.

- Хай, Нат, Джикай! - крикнул я. Он поднял голову. Хитрое, как у хорька, лицо излучало такую гордость, словно он украл все три глаза у огромной статуи Хрунчука из храмовых садов за запретным каналом.

Паланкин, покачиваясь, остановился, и люди в ливреях помогли тетке Шуше - разумеется, она не доводилась мне тетей! - подняться на тронное возвышение. Другие слуги вынесли изукрашенный трон, который, похоже, извлекли с пыльного чердака. Она уселась на него с благодарным вздохом после подъема по лестнице на возвышение. Она была так увешана самоцветами, что сквозь них виднелось не больше квадратного дюйма алого платья. Взгляд ярких глаз остановился на Вардене, который закутал Натему в просторный синий плащ и стоял теперь бок о бок со своей будущей невестой.

Шум от шарканья ног и смеха возбужденных воинов внезапно стих. В Большом зале Стромбора, принадлежащего какое-то время Эстеркари, воцарилось напряженное ощущение того, что здесь и сейчас, на глазах у всех, творится история. Свет падал из высоких окон и горел на одеждах и оружии. Факелы чадили, струйки дыма уходили ввысь, теряясь в мареве под потолком, где бесконечно плели сложные узоры. Даже воздух вдруг стал пахнуть по-иному, сделавшись острым, жгучим и живительным.

Здесь возникла узловая точка истории. Исчез один Знатный Дом, а другой занял его место. Истинно законный Дом вновь предъявил права на прежние владения. В голове у меня промелькнула смутная мысль, что меня перенесли в Зеникку именно для того, чтобы добиться этого результата, но я тут же отбросил ее.

Я знал, что Шуша в состоянии сама управлять Домом Стромбор. Ее муж Эвард, сыновья и дочери уже умерли, она осталась совсем одна - и наверняка пожелает объединить два Дома в лице своего внучатого племянника Вардена. Я считал это самым счастливым исходом. Она все завещала ему, и дружба между Домами

будет гарантирована. Я улыбнулся Вардену, который стоял, прижимая к себе Натему, и подивился тому, как искривились мои губы. Он громко рассмеялся в ответ, немного удивив меня, весело блестя глазами и прижимая Натему, и поклонился мне, отвесив величавый поклон до земли. Я терялся в догадках, не понимая, что он хотел сказать.

И тут заговорила Шуша Стромбор.

Ее слушали в полной тишине.

То, что она произнесла, потрясло и ошарашило меня, но и объяснило смех и поклон Вардена. Он, должно быть, все заранее узнал и одобрил.

Шуша Стромбор назначила меня своим законным наследником, передала мне сюзеренство над всем Домом Стромбор, со всеми причитающимися по закону званиями, привилегиями и пошлинами. Всю боккерт - то есть, говоря по другому, юридическую работу - уже завершили. Я должен был сразу принять законный титул принца Стромбора Стромборского. Дом Стромбор был моим.

Я стоял совершенно ошеломленный, не веря своим ушам, считая себя жертвой безумного розыгрыша. Но мои молодцы не сомневались. Дикие волки равнин высоко подняли оружие, и среди леса сверкающих клинков прозвенел клич:

- Зоркандер! Вавадир! Стромбор!

Среди желтовато-коричневых и зелено-синих теперь виднелись и другие цвета. Черно-серебряные Рейнманы, малиново-золотые Виккены и другие наши союзники; они ввалились всей толпой, подняли вверх оружие, кричали и ревели:

- Дрей Прескот Стромбор! Хай, Джикай!

Мои вкусившие рабства кланнеры знали, что я не забуду о них среди изнеженной городской жизни. Разве я

не был их зоркандером и вавадиром, разве не поклялся в оби-братстве с ними? Поэтому они ревели что есть силы. В огромном и прекрасном зале вновь и вновь звенели среди поднятых клинков торжествующие крики.

Я посмотрел на Шушу.

Ее морщинистое старческое лицо и блестящие глаза напоминали мне о старой мудрой белке, что запаслась орехами и семенами на грядущую зиму. Мои губы снова искривились. Я улыбнулся Шуше.

- А ты хитрая, - начал я. И когда она рассмеялась, подошел к ней и опустился на колени. Она положила унизанную перстнями руку мне на плечо. Рука дрожала, но не от возраста.

- Ты поступишь как нужно, Дрей Прескот. Мы проговорили до глубокой ночи, и я видела тебя в бою. И считаю, что знаю твое сердце.

- Стромбор снова станет могущественным Домом, - пообещал я, взяв другую ее руку в свою. - Но есть одно обстоятельство - это рабство. Я не потерплю рабства, независимо от того, кем будут рабы - кухонными чернорабочими или танцовщицами в жемчугах. Я буду платить жалованье, и в Доме Стромбора будут работать только свободные слуги.

- Ты меня не удивил, Дрей Прескот. - Она сжала мою ладонь. - Это покажется немного странным, что старуха вроде меня коротает век, не имея ни одного раба в своем распоряжении.

Я посмотрел на нее, сидящую на высоком троне.

- Госпожа, - искренне сказал я. - У твоих ног, моя повелительница Стромбора, всегда будет раб.

- Ах ты, здоровенный слюнявый вывалившийся язык чункра! Да поди ты! Но она была довольна. Шум в Большом зале гремел и взмывал к потолку, и я снова посмотрел с тронного возвышения в зал.

С Варденом беседовал воин в черно-серебряном. Варден, похоже, как раз собрался запрыгнуть на возвышение, и поздравить меня, как поздравляли, стискивая мне руку, другие, первым из которых был Хэп Лодер. Варден схватил воина за серебряные галуны, пристально глядя ему в лицо. Эта сцена мгновенно приковала к себе мое внимание. Затем воин перестал смеяться, а Варден оттолкнул его от себя и с ревом в неистовстве взлетел по лестнице ко мне на возвышение. Шуша воззрилась на него, подняв брови. Он направлялся прямо ко мне. Я встал и дружески протянул руку.

- Ты знал об этом, мой друг Варден?

- Да, да... Дрей! Ханам из Дома Рейнман только что передал новость. Он смеялся над тем, как нам повезло, что принц Працек не вмешался в сражение и что им не понадобилось прикрывать нас с той стороны - потому что принц сегодня праздновал свою свадьбу.

- Я слышал об этом, - напомнил я, удивленный его манерами. - Он женится на принцессе Валлии, не так ли?

- Очень выгодный брак, - вставил Ванек, бросив странный взгляд на закутанную в синий плащ фигуру Натемы.

Я догадался: он желал бы, чтобы Варден, его сын, заключил брак, который принес бы с собой целый остров, подчиненный власти единого правительства, непобедимый флот и твердые торговые связи на десяти тысячах миль Крегена. Да еще флот аэроботов, почти не встречавшийся за пределами Хавилфара.

- И впрямь очень выгодный брак, Дрей Прескот! - выпалил принц Варден. - Такой брак, на который не вредно пойти любому джикаю! Знай, Дрей Прескот, что принц Працек женится на принцессе Делии Валлийской.

Глава 20

СНОВА СКОРПИОН

Рассказывать больше почти не о чем.

Немногое осталось сообщить о том времени, о моем пребывании на планете Креген под Антаресом.

Меня нисколько не волновали ни честь, ни слава, ни гордые знамена. Меня не волновали ни боккерта, ни то, что там могло быть записано и скреплено печатью. Если понадобится, мои дикие кланнеры последуют за мной хоть через Туманные Равнины. С зажатой в руке чудесной шпагой, в пламенеющей в свете солнц алой экипировке и в сопровождении следовавших за мной кланнеров я посетил бракосочетание принца Працека и его экзотической невесты-иностранки.

Анклав Понтье располагался сразу за каналом. В дальнейшем тут будет не обойтись без неприятностей. Возможно, мне придется стереть с лица Крегена или захватить весь этот комплекс. А в тот давний день мы с моими воинами рванули через канал на аэроботах, яликах и баржах, что приплыли, словно призраки, с мраморных карьеров, набитые моими молодцами. Мы бесцеремонно ворвались в это место, все убранное лилово-охряным, с развешенными повсюду цветочными венками. По коридорам и залам, где танцевали рабыни в шелках и браслетах, со всех сторон звучала музыка, тянулись запахи дорогих благовоний. Я ворвался во главе своих воинов в Большой зал Понтье, и состоящая из ошей, рап и чуликов стража попятилась перед вытянувшейся в ряд угрозой луков кланнеров. Выглядел я, должно быть, мрачным и устрашающим, судя по тому, как шарахнулись от меня женщины, а мужчины в лилово-охристом схватились за эфесы шпаг, избегая встречаться со мной взглядами, пока я продвигался широким шагом по центральному проходу. Глоаг, Хэп Лодер, Ров Ковно, Арк Атвар, Локу и принц Варден были со мной, но держались на расстоянии, безмолвные и бдительные.

Наш десант был столь внезапным, столь бурным и злобным, что ничто не могло нас остановить. Первый же Понтье, потянувшийся к арбалету, был бы пронзен дюжиной стрел. Я остановился перед большим тронным возвышением. Музыка запнулась и смолкла.

В Большом зале повисла абсолютная тишина - как в Большом зале Стромбора - Моем Большом зале! - казалось, всего лишь несколько мгновений назад, когда Шуша провозгласила меня наследником.

Принц Працек, с несимметричным и болезненно-желтым лицом, стоял, сжимая эфес шпаги, облаченный в яркий свадебный наряд. А рядом стоял жрец, бритоголовый, длиннородый, в сандалиях. Клубился, источая запах, дым ладана. К алтарю вел малиново-зеленый ковер. И там, с опущенной головой, стояла будущая новобрачная. Облаченная во все белое, со скрывающей лицо вуалью, она безмолвно и терпеливо ждала соединения брачными узами с этим торчавшим рядом с ней кривомордым человечешкой. Будущая новобрачная! Не пришел ли я слишком поздно?!

Если так... тогда, пообещал я себе, она сию же секунду станет вдовой.

Працек попытался принять угрожающий тон.

- Что означает это безобразие? Я с тобой не воюю, кланнер, враг в алом! Я тебя не знаю!

- Знай же, принц Працек, что я - принц Стромбора!

- Стромбора? - Я услышал, как это слово подхватили и повторили по всему огромному залу в прокатившемся гуле обсуждения.

Но мой голос выдал меня.

Увенчанная белым голова вскинулась, вуаль слетела.

- Дрей Прескот! - воскликнула моя Делия с Синих гор.

- Делия! - громко закричал я в ответ.

И тогда, на глазах у всех, я обнял ее и поцеловал, как поцеловал уже однажды у Бассейна Крещения в далекой Афразое.

Когда я разжал наконец объятия, она все еще держалась за меня, и ее глаза казались сияющим чудом. Она дрожала, цеплялась за меня и не выпускала, а я сам не отпустил бы ее ради обоих миров - Земли и Крегена.

Працек ничего не мог поделать. Относящиеся к боккерту документы принесли и торжественно сожгли. Я забрал Делию с Синих гор - эту незнакомую новую Делию Валлийскую - с собой, вернувшись в свой анклав, в Дом Стромбора. Любой, кто попробовал бы хоть пальцем шевельнуть, чтобы остановить нас, был бы мгновенно зарублен.

Смеясь, вздыхая, целуясь, мы вернулись в Большой зал, где я показал всем Делию из Дельфонда и объявил, что отныне она - королева Стромбора.

Рассказать осталось немного.

Какой же храброй она оказалась! Какой безрассудно-смелой, благородной и способной к самопожертвованию! Считая, что я видел в ней лишь досадную помеху, обузу, что я делал все, что делал, из любви к принцессе Натеме, она поклялась поддержать меня в чем только сможет. Если ей не суждено стать моей, то она поможет мне обрести женщину, которую я, по ее мнению, желал. Тут я упрекнул ее, обвиняя в слабости и уступчивости, но она лишь сказала:

- Ах, милый мой Дрей! Если бы ты только видел иной раз собственное лицо!

Она взяла драгоценности Натемы, радуясь возможности применить их мне в помощь, и ускользнула на аэроботе так, чтобы я подумал, будто она вернулась домой. Она, конечно же, все это время прекрасно знала, где находится Валлия. Сперва ей не хотелось

рассказывать мне, что она дочь императора Валлии - из страха, что я потребую громадный выкуп, который, как я знал, непременно уплатили бы. А потом, когда поняла, что не способна без меня жить, то все равно не сказала мне, считая, что тогда я отправлю ее домой. А этого она вынести не могла. Думаю, после свадебной церемонии с Працеком она собиралась сделать что-нибудь глупое.

Когда ее бедные запутавшиеся мысли связали меня с Натемой, она, используя драгоценности для обратного проникновения в город, оставив аэробот дрейфовать над морем, отправилась к консулу своего отца в Зеникке, тому самому грубоватому крепкому мужчине в сапогах и желтовато-коричневой кожанке, и сообщила ему, что желает обручиться с Працеком. Консул попытался разубедить ее, считая, что такой брак был чересчур неравным для нее; но благодаря своей властной воле, столь непохожей на властность Натемы, она добилась согласия.

Я прижал ее к себе.

- Бедная моя глупенькая Делия с Синих гор! Но... Теперь я должен звать тебя Делия-на-Валлия, Делия Валлийская.

Она рассмеялась, сжимая меня в объятиях.

- Нет, дорогой мой Дрей. Я считаю имя Делия-на-Валлия неблагозвучным и никогда им не пользуюсь. Дельфонд - крошечное владение, завещанное мне бабушкой. А Синие горы Валлии великолепны. Ты увидишь их, Дрей, - мы вместе увидим!

- Да, моя Делия Кареглазая, увидим!

- Но я желаю называться Делией Стромбор - разве ты не принц Стромбора?

- Да - и ты будешь королевой Фельшраунга и Лонгуэльма, зоркандерой и вавадирой!

- Ах, Дрей!

Рассказывать осталось мало.

Мы сидели в комнате, залитой малиновым светом Зима, дожидаясь, когда Генодрас добавит топазовые огни. В противоположном конце помещения стояли, смеясь и болтая, мои друзья, и уже совершалось боккерту для нашей помолвки. Жизнь внезапно сделалась драгоценным и золотым чудом.

Когда через окно проникли косые зеленые лучи и смешались с малиновыми, я увидел, как из-под стола шмыгнул скорпион. Раньше я не видел на Крегене ни одного.

Я вскочил, охваченный неистовой, болезненной ненавистью, дурным предчувствием, что граничит со знанием. Вспомнил отца, который лежал побелевший и беспомощный, когда ненавистный скорпион шмыгнул прочь. Я прыгнул вперед, занес ногу, собираясь раздавить безобразную тварь, - и почувствовал жжение синего огня, пронизавшего меня до нутра... Я падал... и Делии, теплого чудесного существа, не было больше рядом со мной. Я открыл глаза, узрев резкий желтый свет, и понял, что потерял все.

Я находился на побережье Португалии, неподалеку от Лиссабона, и у меня возникли некоторые трудности, прежде чем я, голый и совершенно неспособный объяснить свое появление, смог вырваться на волю и попытаться вести какую-никакую жизнь в начале девятнадцатого века на Земле.

Скорпион ударил вновь.

Часами я стоял, глядя на звезды, выискивая взглядом созвездие Скорпиона. Там, в четырехстах световых годах отсюда, на дикой, прекрасной и жестокой планете Креген, под малиновым и изумрудным солнцами Антареса, находилось все, чего я хотел в любом мире и чего я лишился, казалось, на веки вечные.

- Я вернусь! - выкрикивал я снова и снова, как уже кричал однажды прежде. Услышат ли меня саванты, проявят ли сочувствие, вернут ли меня в рай? Перебросят ли меня вновь Звездные владыки через бездну, чтобы опять использовать в качестве пешки в своих загадочных планах? Я могу лишь надеяться.

Столько всего... так много... и все пропало.

- Я вернусь, - яростно твердил я. - Я никогда не откажусь от Делии с Синих гор, от моей Делии Стромборской!

В один прекрасный день я вернусь на Креген под Антаресом.

Я вернусь.

Вернусь.